ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГБ 118
С 187

ГБ 118
С 187

САМОДЕРЖАВІЕ.

ИСТОРІЯ, ЗАКОНЪ, ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦІЯ.

Ф. И. Витязев

САМОДЕРЖАВІЕ.

ИСТОРІЯ, ЗАКОНЪ, ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦІЯ.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

(К) 198

ГБ118
С187 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
187882

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Исторія	—
1) Возникновеніе и укрѣпленіе начала самодержавія	7—41
Различныя мнѣнія (В. В. Ивановскій)	—
а) Костомаровъ	7—12
б) Дьяконовъ (стр. 12); Пыпинъ (стр. 21); Милюковъ (стр. 23)	12—25
в) Романовичъ-Славатинскій	26—35
г) Сергѣевичъ	36—41
2) Царствованіе Іоанна III	41
а) Судебникъ	—
б) Титулъ	—
3) Царствованіе Іоанна IV	41—44
а) Полемика Грознаго съ Курбскимъ	41—42
б) Гербенштейнъ	43—44
в) Поссевинъ	—
4) «Записи», Земскіе соборы и Боярская Дума	44—62
а) Латкинъ	44—53
б) Бѣляевъ	53—55
в) Ключевскій	55—59
г) Сергѣевичъ	59—61
д) Сокольскій	61—62
5) Царствованіе Михаила Ѳеодоровича	62
Изъ грамоты объ избраніи Михаила Ѳедоровича	—
6) Царствованіе Алексѣя Михайловича	62—66
а) Уложеніе	62
б) Титулъ	—
в) Изъ Крижанича	63—66
7) Царствованіе Петра Великаго	66—72
а) Военный Артикулъ	66
б) Духовный Регламентъ	67
в) Правда воли монаршей (Ѳеофанъ Прокоповичъ)	68—70
г) Изъ Посошкова	71—72

Стр.

8) Царствованіе Екатерины I 72
«Тестаментъ» . . . . . —
9) Царствованіе Анны Іоанновны . . . . . 72— 79
а) Попытка ограниченія власти . . . . . 72— 74
б) Манифестъ «о самодержавіи» 74
в) «Прошеніе о самодержавіи» 25/II 1730 г. . . . . 74— 75
г) Письмо Волынскаго къ Салтыкову 75
д) Изъ Ѳеофана Прокоповича . . . . . —
е) Изъ Татищева . . . . . 75— 79
10) Царствованіе Екатерины II . . . . . 80— 84
а) Дворянская грамота . . . . . 80— 81
б) Наказъ коммисіи о сочиненіи новаго уложенія . . . . . 81— 83
в) Изъ записей Екатерины II 83
г) Секретное наставленіе князю Вяземскому . . . . . 83— 83
11) Царствованіе Павла 84
12) Царствованіе Александра I . . . . . 84— 91
а) Записка Карамзина о древней и новой Россіи . . . . . 84— 86
б) Проектъ Сперанскаго (планъ всеобщаго государственнаго преобразованія) . . . . . 86— 91
13) Царствованіе Николая I. . . . . 91— 94
Сперанскій. Руководство къ познанію законовъ . . . . . 91— 94
14) Царствованіе Александра III. 94
Манифестъ 29 Апрѣля 1881 года . . . . . —
15) Исторія титула. . . . . 94— 99
II. Законъ . . . . . .
1) Статьи т. I, ч. I, Законы Основные . . . . . 101—117
Статья 1 . . . . . 101—102
— 2 . . . . . 102—103
— 37 . . . . . 104—105
— 38 . . . . . 105—106
— 43 . . . . . 106—107
— 47 107
— 50 . . . . . 107—110
— 51 . . . . . 110—112
— 71 112
— 176 . . . . . .
— 178 . . . . . —
Прил. III, IV и V . . . . . 113—117
2) Статьи Учр. Гос. Сов. (ст. 37) 117

Стр.

3) Статьи Учр. Гос. Думы (ст. 1 и прил. къ ст. 13). 117—118
4) Статьи т. I, ч. 2, Учр. Сен. (прил. къ ст. 170, по прод. 1902 г.) 118
5) Статьи т. I, ч. 2, Учр. Орденовъ (ст. 89, 90, 253, 770, приложенія къ ст. 129, 616 и 658) . . 118—125
6) Статьи т. II, ч. 1, Общ. Учр. Губ. (ст. 208, 270). 125—126
7) Статьи т. II, ч. 1, Учр. Упр. Царств. Польск. (ст. 11). 126
8) Статьи т. III, Уст. Сл. Гражд. (ст. 706). 127
9) Статьи т. IX, Зак. Сост. (ст. 19, 74, приложенія къ ст. 519, 520 и 847). . . . . 127—130
10) Статьи т. X, ч. 1, Зак. Гражд. (ст. 696). . . . . 130—131
11) Статьи т. XI, ч. 2, Уст. Дух. Дѣлъ иностр. испов. (ст. 3, 17, 49, прил. II къ ст. 1300) . . . . . 131—135
12) Статьи т. XIV, Уст. Ценз. и Печат. (ст. 4) . . 135
13) Статьи т. XIV, Уст. Пасп., изд. 1903 г. (прил. къ ст. 197) . . . . . 136—137
14) Статьи т. XIV, Уст. Пред. Прест. (ст. 66) . . . 137
15) Статьи т. XV, Улож. о Наказ. (ст. 243) . . . . —
16) Статьи т. XVI, ч. 1, Учр. Суд. Уст. (прил. IV къ ст. 225). . . . . 138—139
17) Статьи т. XVI, ч. 1, Пол. Нот. Части (прил. къ ст. 294 и прил. V къ ст. 43) 140

III. Юридическая конструкція (теорія) . . . . . .

а) Чичеринъ . . . . . 141—154
б) Ивановскій . . . . . 154—157
в) Градовскій . . . . . 157—159
г) Сокольскій . . . . . 159—166
д) Коркуновъ . . . . . 166—169
е) Алексѣевъ . . . . . 169—175
ж) Куплеваскій . . . . . 175—176
з) Филаретъ, Митрополитъ Московскій . . . . . 176—178

IV. Термины:
единодержавіе, самодержавіе, самовластіе, единовластіе, самовладство, неограниченность, автократія, абсолютная власть, единоличная власть, полновластіе и выраженіе «на всей своей волѣ» 179

V. Перечень главныхъ источниковъ 180

I. Исторія.

1. Возникновеніе и укрѣпленіе начала самодержавія.

Относительно причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ произошло объединеніе русскаго государства и установленіе единодержавія высказываются различныя мнѣнія. Такъ, Костомаровъ [1]), какъ извѣстно, объяснялъ установленіе единодержавія въ Россіи вліяніемъ татарскаго владычества, утверждая, что самодержавная власть Московскихъ царей была не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ исчезнувшей власти ордынскихъ хановъ, многіе другіе [2]), напротивъ, признаютъ, въ этомъ случаѣ, главное вліяніе за Византіей; Романовичъ-Славатинскій [3]) полагаетъ что идея самодержавія есть органическое самопроизвольное созданіе русской жизни, естественный продуктъ тѣхъ реальныхъ мотивовъ и силъ, которыми была обставлена исторія русскаго народа [4]);

а) Н. Костомаровъ. Историческія Монографіи и изслѣдованія Т. XII, изд. 1872 года.

. . . . . .

Въ наукѣ существовало и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть

---

[1]) Костомаровъ. Начало единодержавія въ древней Россіи (Историческія монографіи, 1872 г., XII).

[2]) Напр. Дьяконовъ. Власть Московскихъ государей (1889). Пыпинъ. «Московская старина» (Вѣстн. Европы за 1885 г., Январь) и Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. III.

[3]) Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права, ч. I (Основные Законы, 1886 г. стр. 38).

[4]) В. В. Ивановскій. Русское Государственное Право (1896) ч. I, стр. 46.

во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ называемаго основанія русскаго государства. Выводили монархію изъ того родоваго быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самодержавія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи, главнымъ образомъ, заключается въ постепенномъ построеніи единодержавнаго государства [1]).

. . . . . .

Понятіе о Землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа, понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе позднія времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была Земля, тамъ необходимо должно было быть и собраніе Земли [2]);

. . . . . .

слѣдовательно тогда уже были вѣча—слово, означающее совѣщательное собраніе Земли. Кромѣ вѣча у Земли были и начальники—князья [3]).

. . . . . .

Не должно думать, чтобъ вѣче само по себѣ, какъ сходбище, знаменовало какую-нибудь верховную власть; оно было только ея выраженіемъ: верховная власть по внутреннему смыслу оставалась не за вѣчемъ, а за Землею. Это понятіе о самоуправленіи Земли является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлѣваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала Земля, такъ въ смутное время Московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала Земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями

---

[1]) Костомаровъ. Историческія Монографіи, XII, стр. 4, 5.

[2]) Стр. 7.

[3]) Стр. 7.

ея власти. Между тѣмъ, въ это время Земля уже составляла совокупность тѣхъ частей, изъ которыхъ каждая считала себя нѣкогда самостоятельной Землей, и притомъ уже въ смыслѣ единодержавнаго тѣла. Дѣло защиты отечества противъ поляковъ и возстановленіе престола совершилось именемъ всей Земли. Несмотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ Землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю Земли, которой управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на западный образецъ забылось значеніе Земли подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ Землей ничего общаго по роду происхожденія [1]).

. . . . . .

Тѣ заблуждались, которые воображали, что древніе князья были вотчинники или владѣльцы своихъ удѣловъ [2]).

. . . . . .

На Руси сложилось такое понятіе: безъ князя въ Землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды; безъ князя начнется безпорядокъ, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ; роды и семьи передерутся между собою; не будетъ единодушія ко взаимной защитѣ; набѣгутъ чужіе и разорятъ землю; ратная сила не будетъ повиноваться начальнику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Князь призванъ володѣть, т. е. держать власть, править, защищать; но онъ не былъ вотчинникомъ Земли. Володѣть на древнемъ языкѣ совсѣмъ не значило то, что впослѣдствіи. Князь не былъ государемъ—онъ былъ только господиномъ. Оттого Новгородъ, удержавшій долѣе другихъ Земель древнія формы быта, не хотѣлъ въ XV вѣкѣ назвать московскаго великаго князя государемъ, а давалъ ему по старинѣ только титулъ господина; для новгородцевъ государемъ былъ Великій Новгородъ, т. е. сама Земля новгородская, князь же былъ только господиномъ, т. е. призванный володѣть по праву, иначе—по волѣ Земли. Князя выбирала Земля потому, что онъ для Земли былъ нуженъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 37.

[2]) Стр. 38.

[3]) Стр. 41.

. . . . . .

Въ до-татарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не было сознательнаго стремленія къ нему. Въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ этого періода не видно никакихъ признаковъ, которые приводили бы необходимо къ единодержавному порядку. Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой поворотъ [1]).

. . . . . .

Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой—образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія,—рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ на челѣ ихъ—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника русской земли; во второй половинѣ—усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ, и наконецъ старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его аттрибутами верховнаго государя и собственника русской земли.

Въ первой половинѣ Русь начала представлять изъ себя подобіе съ феодальнымъ порядкомъ, чего прежде не было. Вскорѣ послѣ завоеванія, уцѣлѣвшіе отъ бойни князья стали ѣздить къ хану на поклонъ, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину. Князья сразу поняли, что теперь ихъ княженія зависятъ отъ воли хана, ихъ государя, какъ прежде зависѣли отъ согласія Земли или отъ собственной силы и ловкости. И ходили они въ Орду «про свою вотчину». Здѣсь то начался великій переворотъ въ русской исторіи. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т. е. собственностью; политическій складъ Руси былъ таковъ, что ему и въ голову не могло придти подобнаго стремленія [2]).

. . . . . .

Теперь Земля перестала быть самостоятельною единицею; мѣсто ея заступилъ князь; она опустилась до значенія вещественной принадлежности [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 66, 67.

[2]) Стр. 69.

[3]) Стр. 70.

. . . . . .

Ханы хорошо понимали, что покорность князей невольная. Надъ князьями нуженъ былъ надзоръ, и монголы въ этомъ случаѣ воспользовались тѣмъ, что нашли въ обычаяхъ страны. Существовало званіе старѣйшаго князя, званіе неопредѣленное, въ послѣднее время не принадлежавшее никому по какому либо праву, и даваемое другими князьями тому, кто былъ сильнѣе и внушалъ къ себѣ уваженіе. Ханы подняли это званіе, дали ему власть и силу. За этимъ званіемъ стали гоняться князья, какъ за цѣлью высшаго честолюбія, а оно получалось однимъ путемъ—поклонами и угодничествомъ владыкѣ [1]).

. . . . . .

Монголы воспользовались и другимъ понятіемъ о старѣйшинствѣ—родовымъ [2]).

. . . . . .

Въ татарскій періодъ сложились и установились нравственныя и экономическія условія, подготовившія, народную громаду къ тому, чтобъ сдѣлаться превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI вѣкѣ Московская монархія. Татарское завоеваніе дало Руси толчокъ и крутой поворотъ къ такой монархіи, но она не могла возникнуть скоро; Русь съ половины XIII вѣка до конца XV пережила періодъ феодализма [3]).

. . . . . .

Московская Земля была сосредоточена въ однѣхъ рукахъ и въ такомъ видѣ досталась сыну Василія Васильевича Темнаго, тому великому умомъ и дѣятельностію Ивану, который принялъ на себя историческое призваніе введенія монархизма.

Ему, обладателю всего Московскаго великаго княженія, предстояло исполнить слѣдующія задачи: окончательно освободиться отъ всякой зависимости въ отношеніи къ Ордѣ; не допустить своихъ братьевъ быть такими князьями-государями въ своихъ вотчинахъ, какими бывали прежніе братья великаго князя; подчинить сѣверныя народоправныя Земли, уничтоживъ ихъ вѣчевой строй и автономію, присоединить къ Москвѣ два великія княженія, Тверское и Рязанское, и, такимъ образомъ, со-

[1]) Тамъ же, стр. 71.

[2]) Стр. 71.

[3]) Стр. 87.

вершенно уничтожить феодальный порядокъ и сдѣлаться полнымъ государемъ собственникомъ Руси, замѣнивъ для нея татарскаго хана [1]).

б) **М. Дьяконовъ. Власть Московскихъ Государей (1889 г.).**

Очерки (эти) посвящены вопросу о возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ царей. Этотъ основной вопросъ исторіи русскаго государственнаго права едва ли можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Но въ настоящее время не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи [2]).

. . . . . .

Значительно позже (временъ византійскаго императора Михаила VII Дуки) русскіе князья считались родственными союзниками византійскихъ императоровъ. Въ половинѣ XIV вѣка императоръ Іоаннъ Кантакузинъ слѣдующимъ образомъ титулуетъ московскаго князя Семена Ивановича: «благороднѣйшій великій князь всея Руси, любезный сродникъ моего царскаго величества, кvръ Семеонъ». Такъ же именуетъ его и патріархъ: «благороднѣйшій князь всея Руси и любезный сродникъ высочайшаго и Святаго самодержца моего» [3]).

. . . . . .

Изъ посланій великаго князя Василія Васильевича къ императорамъ и патріарху, писанныхъ послѣ Флорентійскаго собора и наканунѣ паденія византійской имперіи, въ которыхъ онъ именуетъ себя такими почетными отличіями (братомъ и сватомъ императора), можно видѣть, какъ высокъ былъ авторитетъ византійскаго императора въ глазахъ русскаго князя даже въ то время. Онъ называетъ великаго князя Константина «благочестивымъ и святымъ самодержцемъ всея вселенныя», признавая тѣмъ самымъ міровое значеніе имперіи. Хотя императоръ Константинъ Палеологъ названъ только «самодержцемъ греческаго скипетра», но, по мнѣнію великаго князя, скипетры греческаго царствія не утратили еще міроваго значенія: «воспріялъ еси, пишетъ онъ императору, свой царскій скипетръ, свое отечество,

[1]) Тамъ же, стр. 93.

[2]) Власть Московскихъ Государей, Предисловіе.

[3]) Стр. 19.

въ утвержденіе всему православному христіанству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ русскія земли, всему нашему благочестію въ великую помощь». Согласно съ этимъ составленъ и титулъ императора: «державнѣйшій и боговѣнчанный, и благочестья ревнитель, и непорочныя православныя христіанскія вѣры теплый и непреклонный истинный поборникъ и правитель, и высочайшій царь и самодержецъ греческаго скипетра» [1]).

. . . . . .

Патріархъ Антоній (1389—1398) отправилъ великому князю (Василію Дмитріевичу) увѣщательное посланіе, въ которомъ высказалъ съ полною ясностью идею о всемірной монархіи и вселенской церкви. Касательно неоказанія чести ему и его посламъ, онъ писалъ: «ужели ты не знаешь, что патріархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ котораго и посаждается на престолѣ? Не человѣка ты уничижаешь, но самого Христа! И, наоборотъ, кто чтитъ патріарха, чтитъ самого Христа. Если мы за общіе грѣхи потеряли города и земли, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны терпѣть презрѣніе отъ христіанъ: пусть мы уничтожаемы въ мірской власти, но христіанство проповѣдуется повсюду, и мы имѣемъ ту же честь, какую имѣли апостолы и ихъ преемники . . . Поэтому, сынъ мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію, чтобы ты также чтилъ патріарха, какъ самого Христа, и оказывалъ уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ». Затѣмъ, по поводу распоряженія великаго князя—не упоминать имя царя въ диптихахъ—патріархъ представилъ цѣлый трактатъ о значеніи и величіи императорской власти: «святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной, цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и многіе подвизались противъ ересей; наконецъ, цари вмѣстѣ съ соборами, своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они

[1]) Тамъ же, стр. 21 и 22.

имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и земли царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ то же самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мѵромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, и что самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане. И если язычники окружили землю царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужитъ для нихъ урокомъ смиренія и заставитъ ихъ подумать, что если великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такою силою, поставленъ въ столь стѣснительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и мелкіе князья». Наконецъ, на замѣчаніе великаго князя, что «мы имѣемъ церковь, а не царя», патріархъ представилъ слѣдующее возраженіе: «Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы . . . Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ 1-мъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите», не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—«царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это (царя повелѣваетъ чтить апостолъ)? Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ. Но какъ святой и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ при-

своивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тираніи и насилія (нежели права). Въ самомъ дѣлѣ какіе отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ (царяхъ). Но все сверху и снизу гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются во всей вселенной и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье либо другого [1]).

. . . . . .

Позднѣйшій бытописатель (по поводу легкости, съ какою монголы покорили Русь) отмѣтилъ, что, когда умножались державствующихъ сыновья, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножились области и возросло многое вельможество, когда земля русская «преторжеся на многія части» и возросла въ землѣ злоба, «паче же во владущихъ»,—то слѣдствіемъ этого было то, что «державніи наши, аще и благочестиви бяху, но обаче другъ предъ другомъ честь и начальство получити желаше и единъ единаго отъ отеческаго достоянія изгоняше и каждо самочиннѣ тщашеся самодержавство восхитити». Степ. кн. I, 329 и 333 [2]).

. . . . . .

Степенная книга комментируетъ, что ап. Андрей «прообразоваше божественнымъ крестомъ въ рустѣй земли священное чиноначаліе; жезломъ же прообрази въ Руси самодержавное царское скифетроправленіе [3]).

. . . . . .

Мономахъ, умирая, завѣщалъ будто бы никого не вѣнчать на царство, такъ какъ удѣльные князья возстанутъ изъ зависти на царя и государство погибнетъ; поэтому онъ передалъ царскую утварь сыну Юрію, велѣлъ беречь ее и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца въ русскомъ царствѣ [4]).

. . . . . .

Царство на Руси, по представленіямъ русскихъ книжниковъ, явилось оплотомъ православной вѣры, наградой за охрану

---

[1]) Тамъ же, стр. 25, 26.

[2]) Стр. 37.

[3]) Стр. 73.

[4]) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., II, 220 (Дьяконовъ, тамъ же, стр. 76).

правовѣрія, великимъ княземъ, который прежде всего и явился «православья царемъ» вмѣсто византійскихъ императоровъ. Вотъ почему Иванъ Грозный, принявъ царскій титулъ, молилъ Бога за утвержденіе въ русской державѣ «скипетра православія» [1]).

. . . . . .

Новая же роль охранителей православія, столь усердно предлагаемая московскимъ государямъ, изъ разныхъ частей вселенской церкви, ставила ихъ въ то положеніе, какое раньше занимали византійскіе императоры. Многочисленные просители изъ среды восточнаго духовенства очень рано усвоили себѣ эту мысль и совершенно отчетливо выразили ее въ просительныхъ посланіяхъ московскому правительству. Прежде всего къ московскимъ государямъ прилагаются титулы византійскихъ императоровъ и воздаются тѣ же формальныя почести. Такъ бѣлградскій митрополитъ Ѳеофанъ въ 1509 г., творя съ смиреніемъ поклоненіе господству свышедареннаго отъ Бога великаго князя Василія, заявляетъ, что они «царскую почесть ему воздаютъ по достоянію», и высказываетъ положеніе, чтобъ великій князь, управивъ земное царствіе въ великой тишинѣ, наслѣдовалъ небесное «со святыми царями». Въ 1517 г. игуменъ синайской обители Данилъ величаетъ великаго князя полнымъ титуломъ греческихъ царей, называя его «самодержавнымъ, боговѣнчаннымъ, величайшимъ святымъ царемъ всея Руси». Немного ранѣе иноки Вотопадской обители и государыню великую княгиню титулуютъ Августіею. Ивана Грознаго братія Пантелеймонова монастыря въ 1548 г. также называетъ «святымъ царствомъ», а иноки сербскаго Хиландаря монастыря въ томъ же году, припадая къ святымъ его стопамъ, титулуютъ его самодержавнымъ великимъ царемъ московскимъ, единымъ правымъ государемъ, бѣлымъ царемъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ, который всѣмъ православнымъ христіанамъ царь и государь; святымъ, великимъ, благочестивымъ царствомъ; солнцемъ христіанскимъ, сіяющимъ на востокѣ и сѣверѣ и озаряющимъ всю подсолнечную; утвержденіемъ седми соборныхъ столповъ, украшеніемъ церковнымъ, вторымъ Константиномъ и поборникомъ божественныхъ церквей, христіанскою хоругвью, на коей честный крестъ воздвиженъ въ просвѣщеніе православ-

[1]) Сноп. съ Вост., ч. 1, стр. 70 (Дьяконовъ, тамъ же, стр. 85).

нымъ въ славу и утвержденіе благочестиваго царства, въ побѣду же на злочестивыхъ агарянъ и иныхъ богопротивныхъ языковъ [1]).

. . . . . .

Скипетръ Царствія пріимъ отъ Бога, блюди, како угодиши давшему ти того, и не токмо о себѣ отвѣтъ даси къ Богу, но иже иніи зло творятъ, ты слово отдаси Богу, волю давъ имъ. «Царь убожествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу» [2]).

. . . . . .

Политическое значеніе Іосифа заключается въ горячей проповѣди о высотѣ сана государственной власти согласно византійскимъ воззрѣніямъ, поскольку они выразились въ твореніяхъ отцовъ церкви и въ примѣненіи къ русской почвѣ началъ библейскаго теократизма, заимствованнаго также чрезъ посредство отческой литературы. Сама по себѣ идея о государѣ, какъ намѣстникѣ Божіимъ и даже Земномъ Богѣ, должна была сильно импонировать и на представителя власти, и на населеніе. Сравненіе русскаго государя съ благовѣрными царями и, въ частности, уподобленіе равноапостольному царю Константину конкретнымъ образомъ содѣйствовало усвоенію теократическихъ понятій, вполнѣ отвѣчая новымъ представленіямъ о русскомъ православномъ царствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ ближайшій выводъ, усвоялось и понятіе о неограниченности власти, такъ какъ государь по Божію избранію получалъ всю полноту власти (милость и животъ положи у васъ и мечь вышняя Божія десница вручи вамъ) и даже уподоблялся властью самому Богу («властію же подобенъ вышнему Богу»). Соотвѣтственно этому намѣчался и характеръ отношеній населенія къ государю) [3]).

. . . . . .

Доктрина теократическаго абсолютизма находитъ у Іосифа полное примѣненіе и въ отношеніяхъ великаго князя къ удѣльнымъ. Московскій государь является въ глазахъ Іосифа не только общимъ государемъ удѣльному волоцкому князю Ѳедору Борисовичу, Архіепископу Серапіону и «всѣмъ намъ», но «всея

---

[1]) Сноп. съ Вост., ч. I, стр. 15 и 16, 34, 32, 61, 62—63, 66 и 67 (Дьяконовъ, тамъ же, стран. 86—87).

[2]) Просвѣтитель Іосифъ, слово 16-е, стр. 601—603 (Дьяконовъ, тамъ же, стр. 98, 99).

[3]) Дьяконовъ, тамъ же, стр. 101.

Русскія земли государемъ государь». Потому Іосифъ и преподаетъ удѣльнымъ князьямъ слѣдующее правило подчиненія общему государю: любить богодареннаго царя всѣмъ сердцемъ, оказывать ему покореніе и послушаніе и работать ему по всей его волѣ повелѣнію, «яко Господеви работающе, а не человѣкомъ» [1]).

. . . . . .

Одинъ изъ ревностныхъ послѣдователей Іосифа и его школы говоритъ, что «естествомъ убо тѣлеснымъ равенъ человѣкомъ царь есть, а властію же достоинства приличенъ Богу, иже надо всѣми; не имать бо высочайши себѣ на земли»... и «непреступимъ есть человѣки высоты ради земнаго царствія». Въ силу дарованнаго отъ Бога «поспѣшенія» царь долженъ заботиться о людяхъ, «да приспѣваютъ убо во благихъ и не претыкаются во злыхъ». При исполненіи этой божественной миссіи царь дѣйствуетъ единолично, такъ какъ «Богъ не требуетъ ни отъ кого же помощи, царь же отъ единаго Бога» [2]).

. . . . . .

И великій князь Василій Дмитріевичъ стремится «возноситься» и государь и великій князь Василій Ивановичъ хлопочетъ о повышеніи имени. Цѣли ихъ повидимому тождественны. Но тождество цѣлей не идетъ далѣе общихъ стремленій о промыслахъ. Понятія о чести, о высотѣ велико-княжескаго имени или достоинства далеко разошлись. Въ воззрѣніяхъ представителей власти на высоту своего сана замѣчаются значительные успѣхи со временъ Василія Дмитріевича. Цѣлый рядъ событій содѣйствовалъ этому. Флорентійская унія, паденіе Царьграда, женитьба Ивана III на византійской царевнѣ и сверженіе татарскаго ига, какъ указано выше, вызвали серьезный переворотъ въ умахъ современниковъ на цѣли и задачи единаго православнаго государства въ русской землѣ. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялось и воззрѣніе на представителя власти. Ивана III уже почти постоянно титулуютъ особенно писатели изъ среды духовенства, царемъ и самодержцемъ. Самъ Иванъ III титуловалъ себя въ сношеніяхъ съ мелкими государствами: «Божіею милостію царь всея Руси» или «государь великій царь всея Руси»; въ сношеніяхъ съ Крымомъ и

---

1) Пам. стар. русск. лит. IV, 192—193 (Дьяконовъ, тамъ же, стр. 103).

2) Дьяконовъ, тамъ же, стр. 107.

Турціей: «Божіею милостію единъ правый государь всея Руси», а въ сношеніяхъ съ Литвой съ 1493 г.: «Божіею милостію государь всея Руси».

Въ Литвѣ не хотѣли признавать этого титула и жаловались, что московскій государь написалъ «себѣ имя свое высоко, не по старинѣ, не подлугъ того, какъ издавна обычай бывалъ». Но въ Москвѣ никакой новизны въ такомъ титулѣ не находили и объясняли, что государь написалъ то, «чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдъ и отъ прадѣдъ отъ начала правой есть уроженой государь всея Руси». Иванъ Васильевичъ первый изъ московскихъ князей оффиціально принялъ и званіе «самодержца». Несомнѣнно, что въ видахъ повышенья своей чести Иванъ III предпринялъ въ 1498 г. вѣнчаніе шапкой и бармами внука своего Дмитрія. Но смутныя событія въ великокняжеской семьѣ уничтожили политическія слѣдствія этой мѣры; сына же своего Василія Иванъ III призналъ великимъ княземъ безъ указанной церемоніи [1]).

. . . . . .

Исходя изъ готовой теоретической посылки, что «земля правится Божіимъ милосердіемъ, Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, послѣдинами, государями своими», Грозный съ негодованіемъ отвергъ всякое значеніе избранной рáды, такъ какъ, по его мнѣнію, «россійское самодержавство изначала сами владѣютъ своими царствы», а государь не можетъ назваться самодержцемъ, если «не самъ строитъ». Это самодержательство въ пылу полемики и династическихъ споровъ у Грознаго сводится къ тому, что государь повелѣваетъ «хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ», которые по Божію повелѣнію не должны отметаться своего работнаго ига и владычества своего государя. Исполненіе его хотѣній есть первая обязанность подданнаго и составляетъ то, что Грозный называетъ доброхотствомъ. Этимъ установляется мѣрило отношеній государя къ подданнымъ. «Доброхотныхъ своихъ, пишетъ Грозный, жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ». Государю принадлежитъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ по

[1]) Тамъ же, стр. 134, 135.

усмотрѣнію, такъ какъ они Богомъ пріучены ему въ работу, и никому, кромѣ Бога, государи не даютъ въ этомъ отчета [1]).

. . . . . .

Дипломатическія неудачи по вопросу о титулѣ не остановили московское правительство отъ дальнѣйшихъ попытокъ извлечь изъ теоріи о русскомъ царствѣ и другіе выводы, которые получили приложеніе къ сферѣ внѣшней и внутренней политики. Эти попытки, замѣчаемыя сначала въ отдѣльныхъ только случаяхъ, при Иванѣ Грозномъ сложились въ весьма своеобразную систему.

Единому во всей поднебесной православному царю предстояло оправдать преемство традицій втораго Рима. Подобно тому, какъ византійскіе императоры, считая себя едиными истинными представителями всемірной монархіи, всѣхъ прочихъ королей и князей считали стоящими ниже ихъ, и московскіе государи, начиная съ Ивана III, стремятся повысить свое международное положеніе. Потому то они и придавали такое важное значеніе «повышенію» своего имени и въ особенности своему титулу, которымъ опредѣлялась въ международной политикѣ высота чести, принадлежащей представителю власти. Потому же московское правительство такъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ возникающихъ международныхъ сношеніяхъ имя православнаго государя не потерпѣло униженія и безчестья. Но для того, чтобы не проиграть въ борьбѣ за свою честь, московскому правительству необходимо было имѣть въ рукахъ мѣрило для сравненія чести представителей власти.

И такое мѣрило было выработано. Въ основу его были положены двѣ идеи: идея о родословности государя и идея о высотѣ принадлежащей ему власти. Обѣ онѣ довольно рано проглядываютъ въ политической практикѣ московскихъ князей и обѣ тщательно разработываются публицистической литературой. Оцѣнка чести государя съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и давала практическія указанія для установленія обрядности въ международныхъ сношеніяхъ. Государь съ обширнымъ родословіемъ вѣнценосныхъ предковъ и государь parvenu; государь, получающій свои полномочія отъ высшея Божія десницы, ограниченный въ полнотѣ своей власти лишь предписаніями боже-

---

[1]) Тамъ же, стр. 138, 139.

ственныхъ законовъ, и государь, избранный и ограниченный въ своихъ прерогативахъ самочиніемъ своихъ подданныхъ,— таковы теоретическія антитезы сравнительной чести представителей власти, полученныя въ результатѣ многолѣтней практики и наблюденій московскихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сферъ.

Иванъ III былъ первымъ государемъ всея Руси, такъ много содѣйствовавшимъ къ повышенію своего имени съ указанныхъ точекъ зрѣнія; онъ первый явился горячимъ противникомъ ограниченія государственной власти и категорично выразилъ это новгородцамъ въ 1478 г., объявивъ имъ, что «мы, великіе князи, хотимъ государства своего, какъ есми на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ». Не понявъ истиннаго значенія этихъ словъ, новгородцы хотѣли выговорить въ свою пользу нѣкоторыя условія и просили объ этомъ великаго князя. Но послѣдній отвѣчалъ имъ: «язъ, князь великій, то вамъ сказалъ, что хотимъ государства на своей отчинѣ Великомъ Новѣгородѣ такова, какъ наше государство въ низовской землѣ на Москвѣ; и вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, ино то которое мое государство?» Новгородцы полюбопытствовали узнать о низовскихъ пошлинахъ, «какъ государи государство свое держатъ въ низовской землѣ», и имъ было объявлено, что государство это таково: «вѣчю, колоколу не быти, посаднику не быти, а государство все намъ держати». Итакъ, урокъ государству, т. е. ограниченіе государственной власти противорѣчитъ низовской пошлинѣ, по которой государь долженъ *самъ держать все государство* [1]) (самодержавіе).

А. Пыпинъ. Московская Старина. I. Византійское преемство. (Вѣстникъ Европы. Январь 1885 г.).

. . . . . .

Связь съ греческой церковностью осталась на цѣлые вѣка и въ до-петровской Россіи была особенно сильна; сначала Россія составляла просто одну изъ епархій константинопольской патріархіи, а послѣ, когда палъ уже Константинополь и Россія

[1]) Тамъ-же, стр. 146, 147.

пріобрѣла самостоятельную патріархію, во внутреннихъ дѣлахъ русской церкви не однажды требовалось авторитетное рѣшеніе вселенскихъ патріарховъ, и особенно константинопольскаго. Византійскій авторитетъ былъ таковъ, что въ первые вѣка, въ церковныхъ эктеніяхъ въ Россіи поминалось имя византійскаго императора—въ смыслѣ единственнаго по могуществу, верховнаго христіанскаго царя, и когда великій князь Василій Дмитріевичъ запретилъ это, то константинопольскій патріархъ отправилъ къ нему строгое внушеніе. Эти навязчивыя вмѣшательства прекратились только съ возвышеніемъ московскаго княжества и съ паденіемъ самого Константинополя [1]).

. . . . . .

Церковные іерархи, съ самаго начала принимаютъ извѣстное участіе въ дѣлахъ; они обращаются къ князьямъ съ посланіями, состоящими отчасти въ поученіи, отчасти въ нѣкоторой лести; князья для нихъ—уже не тѣ правители, какихъ разумѣлъ народъ по старому бытовому преданію, а такіе властители, какихъ предполагали византійскія представленія о власти. Іерархи называютъ уже Владиміра «царемъ» и «самодержцемъ», «поставленнымъ отъ Бога», какъ они привыкли это понимать по византійскому обычаю [2]).

. . . . . .

Одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ, новгородскій архіепископъ Лука, въ своемъ поученіи увѣщеваетъ: «Бога ся боите, князя чтите, раби первое Бога, таже господу», т. е. рабы во-первыхъ Бога, а потомъ господина, князя (Рус. Достопамят., I, 10). Съ этихъ поръ уже духовенство представляетъ себѣ княжескую власть не такъ, какъ народная масса,—а именно, съ чертами автократическими, и хотя ихъ долго еще не было на дѣлѣ, но постоянное повтореніе этой темы не могло наконецъ не оказывать вліянія, такъ что, когда и въ дѣйствительности княжеская власть въ Москвѣ стала приближаться къ единодержавію, въ умахъ уже была подготовлена идея самодержавнаго православнаго властителя, съ которой и совпала власть московскихъ князей..... [3]).

---

[1]) Вѣстн. Европ. Янв., 1885 г., стр. 269—270.

[2]) Стр. 272.

[3]) Стр. 272—273.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, 1901 г.

. . . . . .

. . . Въ 1493 году Іоаннъ III формально принимаетъ титулъ, подсказанный историческими прецедентами и такъ кстати освѣженный въ памяти дипломатами папы и императора: титулъ «государя всея Руси». На протестъ литовскаго зятя, держащаго подъ собой половину этой «всея Руси», московскіе дипломаты отвѣчаютъ уже съ увѣренностью и апломбомъ, которые надолго остаются ихъ привилегіей. «Государь нашъ ничего высокаго не писалъ и никакой новости не вставилъ. Онъ отъ начала—правый уроженецъ—государь всея Руси, чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ». И по мѣрѣ своихъ мирныхъ захватовъ и военныхъ пріобрѣтеній, Иванъ III послѣдовательно развиваетъ разъ принятую точку зрѣнія. Все, отнятое у Литвы, «наша вотчина». «Да и не то одно—наша вотчина, что нынѣ за нами: и вся русская земля, Божіею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей—наша вотчина», не забываютъ прибавлять всякій разъ москвичи. За годъ до смерти Ивана (1504) этотъ тезисъ развивается еще опредѣленнѣе. «Вся русская земля—Кіевъ и Смоленскъ и иные города—отъ нашихъ прародителей—наша вотчина, и онъ бы (король) намъ русской земли всей—Кіева, Смоленска и иныхъ городовъ . . . поступился [1]).

. . . . . .

Несравненно ближе (грековъ и италіанцевъ) чувствовали себя къ русскимъ южные славяне: они-то и явились самыми естественными воспитателями русскаго національнаго чувства въ его первыхъ проявленіяхъ въ разсматриваемую нами эпоху.

Въ нихъ самихъ вся ихъ исторія воспитала это національное чувство и періодически приводила къ самому рѣзкому обостренію его. И всякій разъ причиной такого обостренія національнаго чувства являлась вражда южныхъ славянъ къ грекамъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда среди балканскихъ славянъ обнаруживалось сколько-нибудь самостоятельное культурное движеніе, въ основѣ его всегда лежала ненависть къ цивилизаціи «ромеевъ», или, точнѣе говоря, къ проявленіямъ ихъ національнаго высокомѣрія. Цѣлью подобныхъ національныхъ дви-

[1]) Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, стр. 36.

женій всегда становилась политическая борьба за независимость отъ византійскаго императора и религіозная борьба за независимость отъ константинопольскаго патріарха. Свой собственный, славянскій императоръ и свой патріархъ—таковы были вѣковѣчные идеалы южно-славянскихъ національныхъ стремленій.

Въ послѣдній разъ передъ турецкимъ завоеваніемъ это національное чувство вспыхнуло въ XIV вѣкѣ при болгарскомъ Александрѣ и сербскомъ Душанѣ. Оба носились съ мыслью—завоевать самимъ Константинополь и водворить на мѣстѣ Византіи славянскія державы: сербско-греческую и болгаро-греческую. Для начала, оба стали титуловать себя «царями» и «самодержцами», а Стефанъ Душанъ и формально короновался (1346) [1]).

. . . . . .

Славянскій царь уже раньше представлялся въ національныхъ легендахъ возстановителемъ всеобщаго мира и благоденствія [2]).

. . . . . .

События мало-по-малу разрушили до основанія эти надежды и эту эсхатологію. «Новый Царьградъ» не устоялъ «до конца». Турки пришли и взяли все. И «новый» и «старый» Царьградъ раздѣлили участь «стараго Рима». Оскорбленное національное чувство не могло, конечно, примириться съ такимъ плачевнымъ исходомъ. Отчаявшись въ возможности побѣдить своими силами, югославянская интеллигенція перенесла свои упованія на сосѣднихъ государей, до которыхъ доходила очередь борьбы съ турками послѣ потери Балканскаго полуострова. Поочередно балканскіе поэты и политики, дипломаты и духовныя лица возлагали надежды то на венгровъ, то на поляковъ. Но время шло, и эти надежды точно такъ же рушились, какъ и мечты о національной державѣ. Ближайшіе сосѣди оказывались безсильными помочь балканскимъ славянамъ. Тогда то ревностные патріоты принялись искать помощи дальше на сѣверѣ Европы. Таинственная, мало извѣстная тогда Москва должна была явиться въ этой роли, предназначенной когда то для стольнаго града Тырнова; единоплеменный и единовѣрный московскій князь занялъ мѣсто національнаго «царя и самодержца», «изряднаго побѣдоносца», которое оказалось не по силамъ государямъ бли-

[1]) Тамъ же, стр. 37, 38.

[2]) Стр. 39.

жайшихъ странъ. Взамѣнъ тѣхъ услугъ, которыхъ отъ него ожидали, на него перенесли теперь древнія пророчества, его окружили ореоломъ «единственнаго православнаго царя во всей вселенной», Москву сдѣлали «новымъ Царьградомъ» и «третьимъ Римомъ», а въ москвичахъ впервые пробудили всѣмъ этимъ болѣе сознательное національное чувство [1]).

. . . . . .

Послѣ паденія Константинополя, особенно же послѣ потери надеждъ на ближайшихъ сосѣдей, т. е. во второй половинѣ XV вѣка, юго-славяне появляются въ Россіи въ еще большемъ количествѣ и смѣло идутъ по стопамъ знаменитаго іерарха, своего земляка и предшественника, создавая отдѣльные элементы національной легенды и проводя ихъ въ литературу при помощи тенденціозныхъ вставокъ или цѣльныхъ сказаній. До самаго послѣдняго времени эта литературная работа южныхъ славянъ оставалась анонимной; только въ наше время анонимы начинаютъ вскрываться, и по тому, что удалось обнаружить, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о происхожденіи цѣлой группы аналогичныхъ идей, вторгнувшихся замѣтной струей въ нашу политическую литературу конца XV вѣка и начала XVI вѣка, или, лучше сказать, впервые создавшихъ на Руси политическую литературу.

Начинается съ того, конечно, что къ московскому князю примѣняются понятія и идеи, установившіяся относительно югославянскихъ государей. Такъ, предваряя событія, сперва югославянское, а потомъ и русское духовенство начинаетъ безъ стѣсненія титуловать князя «царемъ», обильно уснащая свои обращенія къ нему всевозможными эпитетами славянско-византійскаго происхожденія. Онъ «боговѣнчанный», онъ «благородный», «благовѣрный», «великодержавный», онъ «богошественный поспѣшникъ истины», «высочайшій исходатай благовѣрія» и т. д. Одинъ духовный писатель, оказавшійся, по новымъ изслѣдованіямъ, не кѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ «списателемъ житій» XV вѣка по манерѣ Евфимія Тырновскаго сербомъ Пахоміемъ, даже влагаетъ въ уста самого греческаго царя, Іоанна Палеолога, признаніе за московскимъ государемъ царскаго титула—вмѣстѣ съ объясненіемъ, почему онъ его еще не

[1]) Тамъ же, стр. 39.

носитъ оффиціально. Въ Москвѣ, по этому мнимому заявленію византійскаго императора передъ Флорентійскимъ соборомъ, сохраняется «большее православіе» и «высшее христіанство»; и только «смиренія ради и по величеству разума» московскій князь «не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ» [1]).

. . . . . .

Однако, дожидаться осуществленія легендарныхъ или юридическихъ правъ на Константинополь—вовсе не входило въ разсчеты московской политики, тѣмъ болѣе, что легенда, по обыкновенію, связывала это событіе съ послѣдними временами (наступленіе ихъ ожидалось тогда, правда, уже въ концѣ XV вѣка) [2]).

. . . . . .

Мы видѣли, какъ болгарскій литераторъ пытался въ серединѣ XIV вѣка перенести славу «стараго Рима» и «стараго Царьграда» на «новый Царьградъ»—Тырновъ. Теперь эта красивая метафора, заключавшая въ себѣ цѣлую историческую схему, цѣлую философію всемірной исторіи, безъ труда переносится на Москву. Міръ совсѣмъ не кончается на седьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія; напротивъ, со вступленіемъ на восьмую тысячу (1492 г.) начинается новый періодъ міровой исторіи и этотъ періодъ характеризуется именемъ Москвы. Эти идеи впервые развиваются въ русской литературѣ въ сочиненіи, написанномъ въ этотъ самый критическій годъ и имѣвшемъ цѣлью опровергнуть распространенные въ публикѣ страхи передъ кончиной міра: въ пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ, составленной митрополитомъ Зосимой. «Царь Константинъ создалъ новый Римъ—Царьградъ, замѣчаетъ Зосима,—а государь и самодержецъ всея Руси Иванъ Васильевичъ, «новый царь Константинъ», положилъ начала «новому Константиноградy—Москвѣ» [3]).

в) А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система Русскаго Государственнаго Права. Ч. I. Основные Государственные Законы. (1886).

. . . . . .

Самодержавное монархическое начало—краеугольной камень русскаго государственнаго строя,—столь рѣзко отличающее его

[1]) Тамъ же, стр. 40, 41.
[2]) Стр. 41.
[3]) Стр. 41, 42.

отъ буржуазно-конституціоннаго-монархическаго или республиканскаго строя Западной Европы, который возникъ на феодальной почвѣ сословной борьбы и договорныхъ отношеній, зарождалось, росло и крѣпло одновременно съ зарожденіемъ, ростомъ и крѣпостью русскаго народа [1]).

. . . . . .

Этотъ самодержавно-монархическій принципъ—органическое, самопроизвольное созданіе русскаго національнаго духа; органическій продуктъ реальныхъ мотивовъ и силъ—географическихъ, этнографическихъ, конфессіональныхъ и другихъ—которыми была обставлена наша исторія [2]).

. . . . . .

Иноземная рецепція сопровождаетъ развитіе каждой великой націи. Тѣмъ не менѣе процессъ основанія государства каждой великой націи—самозарожденіе. Таковымъ онъ былъ и на русской землѣ [3]).

. . . . . .

Первые представители идеи верховной власти—первыя поколѣнія князей-рюриковичей—носятъ военный характеръ—начальниковъ дружины, примучивавшей русско-славянскія племена, собирая ихъ воедино [4]).

. . . . . .

Наша православная церковь старалась внѣдрить въ народныя массы идею могущества государства и его верховной власти. Съ первымъ появленіемъ христіанства проникаютъ новыя понятія о власти, не извѣстныя древнему русско-славянскому языческому быту. Эта власть—божественнаго происхожденія [5]).

. . . . . .

Духовенство намѣчаетъ миссію власти: «ты поставленъ еси отъ Бога», говоритъ оно князю Владиміру, «на казнь злымъ, а добрымъ на милованье». Называетъ уже Владиміра «царемъ» и «самодержцемъ», «поставленнымъ отъ Бога».

Въ народныхъ массахъ, чутко прислушивавшихся къ проповѣди церкви, начинаетъ складываться понятіе, что княжеская

---

[1]) Система, ч. I, стр. 38.
[2]) Стр. 39.
[3]) Стр. 40.
[4]) Стр. 41.
[5]) Стр. 41.

власть—божественнаго происхожденія, что задача ея миловать и защищать сирыхъ и убогихъ. Народныя массы, стихійно стремившіяся къ сліянію въ единое цѣлое и образованію единой цѣльной націи, начинаютъ уповать, что цѣль эта можетъ быть достигнута, когда во главѣ этихъ массъ станетъ единая мощная власть и поведетъ ихъ на созданіе и устроеніе мощнаго русскаго государства [1]).

. . . . . .

Съ Ярослава I исключительно дружинно-военный характеръ князя видоизмѣняется [2]).

. . . . . .

Открылся удѣльно-вѣчевой, кіевскій періодъ нашей исторіи. Русь раздробилась на волости, удѣлы, которые переходили отъ одного князя къ другому [3]).

. . . . . .

Государственный строй зиждится на трехъ элементахъ: князь, дружина и вѣче [4]). Элементы эти находятся въ постоянномъ колебаніи, то борясь между собою, то уравновѣшивая другъ друга.

Съ конца XII вѣка мы замѣчаемъ крутой поворотъ въ ходѣ русской исторіи. Блекнетъ идея единой святой Руси. Русь стремится къ распаденію на отдѣльныя области [5]).

. . . . . .

Въ XII вѣкѣ, на историческую сцену выдвигается капитальный для судебъ Россіи вопросъ: какое изъ трехъ началъ одолѣетъ по всей русской землѣ и организуетъ ее въ единое и нераздѣльное государство, претворивъ ея различныя племена въ единую націю. Одолѣетъ ли новгородско-псковское вѣчевое начало и организуетъ Русскую землю по типу демократическому? Получитъ ли перевѣсъ галицко-волынское дружинное

---

[1]) Тамъ же, стр. 42.

[2]) Стр. 42.

[3]) Стр. 42, 43.

[4]) Профессоръ Сергѣевичъ, выяснившій значеніе вѣчевыхъ порядковъ въ древней Руси, не обратилъ, впрочемъ, вниманія на то, что порядки эти не вездѣ одинаково примѣнялись, что сила вѣчевыхъ началъ не во всѣхъ волостяхъ была одинакова . . . . . Въ другихъ волостяхъ, напротивъ, значеніе князя преобладало надъ вѣчемъ—особенно въ сѣверо-восточныхъ волостяхъ—въ землѣ суздальской и ростовской, гдѣ зародилась царская власть, объединившая русскую землю, гдѣ выработалось народное возрѣніе на эту власть, отразившееся въ ея организаціи.

[5]) Романовичъ-Славатинскій, Система, ч. I, стр. 43, 44.

начало, образовавъ изъ Руси государство шляхетское, олигархическое. Или поборетъ ростовско-суздальскій княжескій принципъ и превратитъ Россію въ монархію. Отъ такого или иного разрѣшенія этихъ вопросовъ несомнѣнно зависѣла судьба Россіи и характеръ Ея государственнаго строя—образъ правленія монархическій, олигархическій или демократическій.

Вопросъ этотъ разрѣшило великорусское племя, явившееся главнымъ факторомъ въ созданіи Русскаго государства и Русской націи, и разрѣшило его въ смыслѣ самодержавной монархіи [1]).

. . . . . .

Уже въ первомъ суздальскомъ князѣ Юріи Долгорукомъ проглядываетъ стремленіе великорусскаго племени господствовать надъ Русью, подчинивъ своей власти колыбель Россіи—Кіевъ (борьба съ Изяславомъ Мстиславичемъ). Еще болѣе стремленіе это обозначается при Андреѣ Боголюбскомъ, завѣтная мысль котораго состояла въ томъ, чтобы сдѣлаться самовластцемъ не только одной Суздальской, но и всей Русской земли [2]).

. . . . . .

Надъ всѣми княжествами—вотчинами земли Суздальско-Ростовской постепенно стала возвышаться Москва [3]).

. . . . . .

Въ Москвѣ же скоро сложилась и старинная русская пословица: «не Москва государю указъ, а государь Москвѣ», которая такъ вѣрно опредѣлила будущее направленіе и характеръ русской царской власти [4]).

. . . . . .

Раздробленная Русь начинаетъ собираться и группироваться около двухъ пунктовъ. На западѣ собирателями Русской земли являются литовскіе князья, въ лицѣ Гедимина, титулующаго себя Rex Litwinorum Rutenorumque и его преемниковъ; на востокѣ начинаютъ собирать распавшуюся Русь внукъ одного изъ доблестнѣйшихъ князей, Александра Невскаго, Іоаннъ Даниловичъ Калита и его преемники, возникаетъ новый капитальный для судебъ родной земли вопросъ: кто соберетъ

[1]) Тамъ же, стр. 45.
[2]) Стр. 46.
[3]) Стр. 46.
[4]) Стр. 47.

воедино и организуетъ въ цѣльное государство Русь—Вильно или Москва, Гедиминовичи или Іоанновичи. Вопросъ этотъ разрѣшается исторіей въ пользу Москвы [1]).

. . . . . .

Личныя качества и дѣятельность русскихъ государей составляли, несомнѣнно, великій факторъ въ созиданіи русскаго народа и государства. Не говоримъ о такихъ великихъ государяхъ, какими являются Іоаннъ Грозный, Петръ Великій, Екатерина II и др., но всѣ они посильно служили этому великому дѣлу, всѣ они созидали русское государство, собирая русскую землю и, сплочивая русскую націю, устанавливали въ ней нарядъ и правду [2]).

. . . . . .

Московскіе великіе князья, несомнѣнно, умѣли утилизировать татарское вліяніе для возвеличенія Москвы и собиранія ею русской земли. Но преувеличивать вліяніе татарскаго завоеванія на развитіе московскаго единодержавія—несправедливо [3]).

. . . . . .

Татарское вліяніе, подобно тому, какъ и вліяніе византійскаго цезаризма, можно допустить только до нѣкоторой степени: идея самодержавія—скажемъ еще разъ—органическое, самопроизвольное созданіе русской жизни, единственный выходъ изъ исторической альтернативы—князя, вѣча и дружины, боровшихся за преобладаніе надъ Русской землей.

Мы видѣли, какъ Іоаннъ Калита пріумножилъ свою вотчину [4]).

. . . . . .

Съ Дмитрія Донскаго начинаетъ вырабатываться ясное представленіе о государственномъ единствѣ и единствѣ государственной власти [5]).

. . . . . .

Съ Іоанна III всѣ владѣнія переходятъ въ руки одного государя, и съ 1478 г. отмѣняется вѣчевой бытъ Новгорода. Василій III продолжаетъ дѣло отца: въ 1510 г. падаетъ Псковъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 47.

[2]) Стр. 48.

[3]) Стр. 49.

[4]) Стр. 49, 50.

[5]) Стр. 50.

а всякія государственныя дѣла Государь «запершися самъ третій у постели» дѣлалъ, а «встрѣчъ» крайне не любилъ и на «встрѣчу» одного изъ своихъ бояръ горячо отвѣтилъ: «пойди смердъ прочь, не надобенъ ми еси». Объединяется Русская Земля въ лицѣ царской власти, окончательно установившейся ко временамъ Іоанна Грознаго.

Эта царская власть, выработанная великорусскимъ племенемъ, въ которой воплотились величіе и единство русской земли—учрежденіе глубоко національное. Народъ и царская власть, по замѣчанію Кавелина, сжились у насъ, какъ Англія съ своимъ парламентомъ. Подобно тому, какъ англійскій парламентъ—палладіумъ ея гражданской свободы, царская власть въ Россіи—палладіумъ единства русской земли и равноправія русскаго народа[1]).

. . . . . .

По представленіямъ великорусскаго народа царь—воплощеніе государства. По народнымъ понятіямъ, русскій царь—не начальникъ войска, не избранникъ народа, не глава государства, или представитель административной власти, даже не сентиментальный Landesvater или bon père du peuple, царь есть само государство, идеальное, благотворное, но вмѣстѣ и грозное его выраженіе. Царь—воплощеніе Святой Руси. Онъ и превыше всѣхъ, какъ превыше всего для русскаго человѣка родная Русь; поставленъ внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ, и потому неприкосновененъ; потому же онъ и безпристрастенъ ко всѣмъ; всѣ предъ нимъ равны. Царь долженъ быть безгрѣшенъ; если народу плохо, виноватъ не онъ, а его слуги; если царское величіе тяжело для народа—значитъ царя ввели въ заблужденіе; самъ собою онъ не можетъ захотѣть ничего дурнаго для народа (Кавелинъ).

Такое идеальное народное воззрѣніе на царя, выработанное великорусскимъ племенемъ, зарождается вмѣстѣ съ нимъ, но практически, въ нашемъ государственномъ строѣ, оно осуществляется при Іоаннѣ III. Онъ принимаетъ титулъ царя, организуетъ царскую власть по типу власти императоровъ византійскихъ; усвоиваетъ регаліи ихъ, вѣнчаніе и помазаніе на царство; княжескій дворъ, придворный церемоніалъ устраиваютъ также по византійскому образцу. Церковь, въ лицѣ митрополи-

[1]) Тамъ же, стр. 50.

товъ московскихъ, освящаетъ власть царя. Устройство государства проникается началомъ самодержавія: служилый классъ дѣлается холопами московскаго царя [1]).

. . . . . .

Между тѣмъ, какъ царская власть достигла въ это время въ сознаніи народа и въ государственномъ строѣ такого развитія, въ составъ Московскаго государства, со времени Іоанна III, вошли элементы, чуждые этому строю, не давшіе въ западной Россіи сложиться государству [2]).

. . . . . .

Эти элементы пытались измѣнить по своему литовско-польскому идеалу государственный строй и царскую власть, развившуюся въ Москвѣ. Въ лицѣ Грознаго, въ его борьбѣ съ вельможествомъ, великорусская царская власть вступила въ безпощадную и кровавую борьбу съ западно-русскими и польскими элементами, вошедшими въ составъ Московскаго государства [3]).

. . . . . .

Въ этой борьбѣ Грозный формулируетъ царскую власть какъ принципъ, возводитъ ее къ единственно доступному ему, по тому времени, идеалу византійскаго императора, производитъ родъ свой отъ Августа Цезаря, какъ будто для того, чтобы придать больше авторитета и значенія своей власти.

Эта теорія царской власти, какъ она составилась въ головѣ фанатика самодержавной идеи Грознаго, въ отпоръ польскимъ притязаніямъ московскаго вельможества, высказалась въ его страстной полемикѣ съ кн. Курбскимъ, замѣчательнѣйшимъ представителемъ этихъ притязаній [4]).

. . . . . .

Теорія царской власти, формулированная Грознымъ, не исчезла вмѣстѣ съ нимъ: Флетчеръ и Горсей, посѣтившіе Москву при его преемникѣ, свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Но въ началѣ XVII вѣка поколебалось государственное единство и самодержавіе царской власти. Во главѣ государства становятся то самозванцы и цари боярскихъ партій, то патріархъ и Боярская Дума [5]).

[1]) Тамъ же, стр. 51.
[2]) Стр. 52.
[3]) Стр. 52.
[4]) Стр. 53, 54.
[5]) Стр. 55.

. . . . . .

Воля земства—всей русской земли «обрала» Михаила Ѳедоровича Самодержцемъ «на всей его воли». Когда власть избранника укрѣпилась, запись, данная имъ боярамъ, была игнорирована. Алексѣй Михайловичъ уже никакой записи не давалъ. При немъ окончательно водворяется самодержавіе по той теоріи, какую имѣлъ Грозный; при немъ окончательно строй московскаго государства проникается началами этого самодержавія. Русскій царь домовладыка, вотчинникъ, правящій государствомъ, какъ своимъ домомъ, вотчиной, посредствомъ своихъ приказчиковъ. Всѣ общественные разряды прикрѣплены къ царской службѣ, всѣ они—холопы царя.

Въ законѣ, впрочемъ, царская власть не была формулирована. Уложеніе, точно также какъ и судебники, не опредѣляетъ существа этой власти, но охраняетъ ея святость и неприкосновенность [1]).

. . . . . .

Самодержавіе устанавливается полное: въ важнѣйшихъ учрежденіяхъ того времени—въ Земскомъ Соборѣ и Боярской Думѣ, оно не встрѣчаетъ никакихъ преградъ [2]).

. . . . . .

Еще менѣе самодержавная власть ограничивалась Боярской Думой, члены которой дѣлали приговоры по указамъ царя [3]).

. . . . . .

Въ XVII столѣтіи произошла нѣкоторая коллизія между властію самодержавной, въ лицѣ царя, и церковной, въ лицѣ патріарха [4]).

. . . . . .

Борьба церковной власти съ государственною—патріарха Никона и царя Алексѣя—подвергнута была на обсужденіе вселенскихъ патріарховъ, которые разрѣшили ее въ интересѣ власти царя: патріархъ долженъ повиноваться царю, какъ сущему въ вящшемъ достоинствѣ [5]).

. . . . . .

[1]) Тамъ же, стр. 58, 59.
[2]) Стр. 59, 60.
[3]) Стр. 61, 62.
[4]) Стр. 62.
[5]) Стр. 62.

Такимъ образомъ, самодержавная власть сложилась вполнѣ до Петра Великаго, который поэтому вовсе не былъ ея основателемъ. Онъ совлекъ только частноправный характеръ этой власти—домовладыку и вотчинника-царя онъ превратилъ въ императора, холоповъ въ подданныхъ, царскую службу въ службу государственную. Не создавая самодержавія, Петръ Великій своею личностью и дѣятельностью далъ ему новый характеръ — служеніе культурѣ русскаго государства сдѣлалось знаменіемъ этой власти [1]).

. . . . . .

Въ XVIII вѣкѣ мы замѣчаемъ попытки олигархіи ограничить самодержавную власть, вполнѣ развившуюся и опредѣлившуюся при Петрѣ Великомъ [2]).

. . . . . .

28 Февраля 1730 г. изданъ манифестъ о воспріятіи самодержавія [3]).

. . . . . .

Съ Петра III начинается открѣпленіе сословій, которыя получаютъ организацію при Екатеринѣ II. Но, допустивъ большую самодѣятельность высшихъ сословій, либеральная императрица проникнута была въ то же время сознаніемъ о необходимости самодержавія въ Россіи [4]).

. . . . . .

Честно и грозно охраняла великая государыня свое самодержавіе, и упражненія гр. Панина въ составленіи конституціи оставались въ области фантазіи.

Точно также относился къ этому дѣлу и Императоръ Павелъ. Если вѣрить запискамъ Фонвизина, въ первые моменты его царствованія гр. Паленъ и гр. Н. П. Панинъ предложили ему принять конституціонный актъ, но Императоръ, предупрежденный генераломъ Талызинымъ, устоялъ и отвергъ ихъ настойчивыя требованія.

Иначе къ этому дѣлу отнесся Императоръ Александръ [5]).

. . . . . .

[1]) Тамъ же, стр. 63.

[2]) Стр. 64.

[3]) Стр. 66.

[4]) Стр. 67.

[5]) Стр. 67.

Ко благу Россіи, 14 Декабря 1825 г. Императоръ Николай отстоялъ вѣковое Русское самодержавіе, выработанное потомъ и кровью народныхъ массъ. Ко благу Россіи, онъ былъ ея государемъ «на всей своей волѣ [1]).

. . . . . .

Такая же власть перешла и къ Императору Александру II. . . . . Самодержавная власть, обновленная и укрѣпленная великимъ дѣломъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, господствуетъ теперь надъ свободнымъ русскимъ народомъ [2]).

. . . . . .

Пока будетъ стоять русское самодержавіе, оно будетъ охраною равноправія русскаго народа, защитою слабыхъ, убогихъ и малыхъ отъ сильныхъ, богатыхъ и большихъ, которые господствуютъ въ западно-европейскомъ, аристократическомъ, буржуазномъ или псевдодемократическомъ, конституціонномъ строѣ, и монархическаго, и республиканскаго типа.

Не смотря на такое значеніе самодержавія для блага и интересовъ родной земли, «въ пылу реформъ» послѣдняго времени возникли «смутныя» представленія о томъ, что вѣнцомъ этихъ реформъ должна быть конституція, ограничивающая власть русскаго самодержца [3]).

. . . . . .

Эти смутныя представленія должны были разсѣяться отъ мощнаго державнаго слова, раздавшагося въ манифестѣ 29 Апрѣля 1881 года [4]).

. . . . . .

Порадовало царское слово всѣхъ истинныхъ патріотовъ, для которыхъ дорога честь и слава родной земли—порадовало оно и нашу православную церковь, которая, начиная отъ первыхъ московскихъ первосвятителей Петра и Алексѣя и до Филарета и Макарія, освящала и благословляла русское самодержавіе [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 71.
[2]) Стр. 71, 72.
[3]) Стр. 73.
[4]) Стр. 74.
[5]) Стр. 74.

г) В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 1903 г.

. . . . . .

Въ дѣйствительности абсолютная самодержавная власть въ томъ видѣ, въ какомъ она принадлежитъ теперь императорамъ, а прежде московскимъ царямъ, никогда не является на первыхъ ступеняхъ развитія государствъ, а всегда есть результатъ продолжительнаго историческаго процесса. Иначе это противорѣчило бы закону солидарности явленій: въ древнее время нѣтъ тѣхъ условій, при коихъ можетъ возникнуть такого рода властъ. Теперь властъ имѣетъ много органовъ, непосредственно отъ нея зависящихъ, имѣетъ войско, на которое можетъ всегда опереться; въ древности же народъ самъ составлялъ войско и не былъ обязанъ всегда поддерживать князя [1]) . . . . [2]).

. . . . . Въ вопросѣ о правахъ князя наши изслѣдователи также расходятся. Нѣкоторые изъ нихъ переносятъ современныя представленія въ старыя времена и говорятъ, что наши князья съ самыхъ первыхъ временъ являются неограниченными госу-

---

1) Лекціи, стр. 129.

. . . . . .

2) Образованіе права въ Московской Руси во многомъ существенно отличается отъ образованія его въ наше время. Московскіе государи дѣйствуютъ совсѣмъ не такъ, какъ нынѣ царствующіе. Съ Петра Великаго, мы всѣ знаемъ, что воля государя творитъ законъ. Московскіе цари не были еще въ этомъ увѣрены . . . . . Мы приведемъ . . . . . характерный примѣръ изъ исторіи упраздненія права отъѣзда. Московскимъ государямъ надо было установить обязательную службу и уничтожить право отъѣзда. Какъ они достигаютъ этого? Въ наше время: если бы нужно было возложить какую либо новую обязанность на подданныхъ, издали бы соотвѣтствующій законъ, какъ поступили, напримѣръ, при введеніи общей воинской повинности. Московскіе государи еще не знаютъ такого способа дѣйствія. Вольный отъѣздъ есть право, это старина. Приказомъ, уложеніемъ нельзя уничтожить права. Нарушить силою это право можно, ибо князья сильны, и они дѣйствительно нарушаютъ его . . . . . Но такіе случаи насилія не упраздняютъ еще старины. Чтобы она упразднилась этимъ путемъ, надо, чтобы насиліе стало стариной. Въ одно царствованіе это не могло сдѣлаться. Что же дѣлаетъ Иванъ Васильевичъ? Онъ беретъ крестоцѣловальныя записи о неотъѣздѣ. Подозрѣваемый въ желаніи отъѣхать принуждается дать грамоту никуда не отъѣзжать и скрѣпляетъ свое обѣщаніе клятвой, а въ концѣ говоритъ, что если онъ отъѣдетъ, то князь въ казни воленъ. Всякій воленъ отказаться отъ своего права. Бояринъ самъ отказывается отъ старины и предоставляетъ князю право наказывать его за отъѣздъ . . . . . (Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія, изд. 1. 1883 г., стр. 593).

дарями. Такого мнѣнія держится напр. Соловьевъ [1]) и др. Въ подтвержденіе ссылаются на выраженія источниковъ, въ которыхъ встрѣчается такое мѣсто: «и бысть такой-то князь самовластецъ въ рустей земли». Но многія выраженія древнихъ источниковъ нельзя понять, не разобравъ, при какихъ обстоятельствахъ они были употреблены. Это выраженіе встрѣчается два раза, а именно: одинъ разъ лѣтописецъ употребляетъ его относительно Ярослава Мудраго, а другой разъ относительно Андрея Боголюбскаго. Дѣло въ томъ, что слово самовластецъ было употреблено лѣтописцами не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется теперь самодержецъ. Въ первый разъ самовластцемъ былъ названъ Ярославъ Мудрый сынъ Владиміра Святаго [2]).

. . . . . .

Лѣтописецъ употребляетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ остался однимъ княземъ въ Приднѣпровьѣ. «Самовластецъ» характеризуетъ здѣсь власть князя по отношенію къ власти другихъ князей, а не по отношенію къ правамъ народа [3]).

Совершенно въ такомъ же смыслѣ употреблено слово самовластецъ и въ разсказѣ объ Андреѣ Боголюбскомъ [4]).

. . . . . .

Въ доказательство той мысли, что князья наши пользовались неограниченною властью, приводятъ еще и другое выраженіе источниковъ, а именно ссылаются на то, что иногда въ источникахъ говорится, что князь сѣлъ въ такомъ то городѣ «на всей своей волѣ»; такъ, напр., новгородцы приняли Ярослава «на всей его волѣ», отсюда выводятъ, что народъ принялъ князя какъ абсолютнаго, неограниченнаго государя. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ источниковъ видно, что князей принимаютъ не только на всей ихъ волѣ, но и на всей волѣ народа [5]).

. . . . . .

Принять князя «на всей его волѣ» значитъ—принять князя на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предложилъ; съ другой

[1]) Отношеніе Новгорода къ Вел. Князьямъ, стр. 76 и 78.

[2]) Сергѣевичъ, Лекціи, стр. 101.

[3]) Стр. 102.

[4]) Стр. 102.

[5]) Стр. 133.

стороны, сѣсть «на всей волѣ горожанъ» значитъ сдѣлаться княземъ, принявши безъ измѣненія условія, предложенныя городомъ.

Все соціальное положеніе, всѣ условія тогдашняго времени рѣшительно не благопріятствовали образованію абсолютной власти. Пока весь народъ былъ вооруженъ, пока войско не спеціализировалось и не поступило въ завѣдываніе князя, не могла образоваться абсолютная власть. Народъ составлялъ главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступить съ нимъ въ соглашеніе [1]).

. . . . . .

Уяснить типъ власти въ московскомъ государствѣ представляется весьма труднымъ, такъ какъ узаконеній, дающихъ точныя опредѣленія верховной власти, въ это время не было, а все держалось на обычаѣ живомъ и трудно уловимомъ. Въ московскомъ государствѣ мы еще встрѣчаемся съ нѣкоторыми отголосками стараго порядка вещей, съ нѣкоторымъ участіемъ народа въ государственныхъ дѣлахъ, которое выразилось въ формѣ земскихъ соборовъ. Рядомъ съ этимъ остаткомъ старины власть московскихъ государей постоянно усиливается и достигаетъ необычайнаго развитія. Это и затрудняетъ точное формулированіе характера власти московскихъ государей: съ одной стороны участіе народнаго представительства, съ другой—крайнее развитіе единоличной власти. Это послѣднее начало получило, однако, перевѣсъ: въ XVIII вѣкѣ имѣемъ уже дѣло съ абсолютною властью императоровъ. Въ царствованіе Петра Великаго понятіе неограниченной самодержавной власти переходитъ въ законъ и получаетъ точное опредѣленіе [2]).

. . . . . .

Приступая къ подробностямъ, надо указать на тѣ вліянія, при которыхъ шло усиленіе царской власти московскихъ государей. На этотъ вопросъ давно обратили вниманіе наши историки и, кажется намъ, правильно на него отвѣтили. Это явленіе многопричинное. Ростъ царской власти обусловливается: 1) ученіемъ духовенства о божественномъ происхожденіи вла-

[1]) Тамъ же, стр. 133, 134.

[2]) Стр. 111, 112.

сти; 2) проповѣдью духовенства о повиновеніи и покорѣніи властямъ. Это двѣ самыхъ древнихъ причины. Дѣйствіе ихъ началось съ принятія христіанства. Съ возникновенія московскаго удѣла къ этимъ причинамъ присоединяется: 3) переносъ метрополіи въ Москву, сдѣлавшій этотъ городъ религіознымъ центромъ Россіи. Пребываніе митрополита въ Москвѣ выгодно отличило московскаго князя отъ всѣхъ другихъ; а естественная съ этого времени близость его съ митрополитомъ и масса общихъ интересовъ должны были способствовать усиленію его власти. Въ своихъ собственныхъ интересахъ митрополитъ долженъ былъ поддерживать великаго князя московскаго. Въ 4-хъ, имѣетъ значеніе и причина, отмѣченная Карамзинымъ въ извѣстномъ выраженіи: «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ». Въ 5-хъ, политика такихъ московскихъ государей, какъ Дмитрій Донской, Иванъ Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Благодаря ихъ генію и дальнозоркости, возникаетъ идея нѣдѣлимости великаго княженія, княжеская казна наполняется деньгами, границы московскаго государства расширяются, и получается возможность установить обязательную службу помѣщиковъ и вотчинниковъ. Въ 6-хъ, надо признать и мысль Соловьева: для возвышенія московскихъ князей надъ другими «нужна была помощь преданій имперіи: эти то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ». Но мысль эта мало у него разработана и, можетъ быть, не совершенно точно выражена: Иванъ Васильевичъ и до брака на греческой царевнѣ пользовался не меньшею властью, чѣмъ послѣ брака; пріѣздъ греческой царевны не могъ усилить его власти. Въ 7-хъ, прекращеніе династіи Рюриковичей и всенародное избраніе новой положило конецъ удѣламъ и навсегда закрѣпило мысль объ единомъ государствѣ и единомъ государѣ. Благодаря этому, власть царей новой династіи поднимается на высоту, недостижимую для царей династіи Рюриковичей.

Власть московскихъ государей является результатомъ вѣковой работы нашей исторіи.

Въ княжескую эпоху власть князя разсматривалась какъ власть свѣтская, но уже и тогда духовенство высказывало мысль, что княжеская власть происходитъ отъ Бога. Въ московскомъ государствѣ это воззрѣніе дѣлается господствующимъ, и государи не только наслѣдственные, но даже и избранные собо-

рами производятъ свою власть отъ Бога, называя себя богоизбранными государями. Точка зрѣнія духовенства такая: какъ единый Богъ есть творецъ всего, такъ точно долженъ быть и одинъ государь; единому Богу на небѣ соотвѣтствуетъ единый царь на землѣ [1]).

. . . . . Нѣкоторые духовные писатели разсматриваютъ русскихъ государей, какъ наслѣдниковъ православныхъ константинопольскихъ императоровъ; какъ православная церковь едина, такъ точно и русскій государь, по ихъ мнѣнію, долженъ быть надъ всѣми государями государь. Такого рода мысль высказывается, напр., въ посланіи старца Псковскаго Елеазарова монастыря. «Римъ и Константинополь пали»,—говоритъ онъ,—первый отъ ереси, а второй отъ меча поганыхъ. Взамѣнъ павшихъ царствъ служитъ русская церковь, русское царство. Въ русскомъ царствѣ совокупились и сложились всѣ прежнія государства. Русскій царь есть браздодержатель всѣхъ престоловъ. Подобно тому, какъ московская Успенская церковь есть одна во всей вселенной, такъ точно долженъ быть и одинъ государь во всей вселенной». Московскій государь представляется преемникомъ величія и славы римскихъ Императоровъ. Ему долженъ принадлежать «титулъ Августа и скипетръ Константина». «Удѣльные князья должны быть въ полномъ у него подчиненіи; ихъ власть должна быть на столько ниже его власти, на сколько власть всемірная выше власти какого-нибудь мелкаго удѣльнаго князя».

Въ виду такихъ воззрѣній, нельзя удивляться, что въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ русскіе государи прямо производятся отъ римскихъ кесарей.

Мысль о томъ, что родъ Рюрика происходитъ отъ Августа, встрѣчается въ Степенной книгѣ [2]). Тамъ находимъ такую родословную Рюрика: «самодержавное царское скипетроправленіе, иже начася отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Пруссова, по его

---

[1]) Тамъ же, стр. 144—146.

[2]) Степенная книга есть переработка лѣтописнаго матеріала. Названіе свое она получила отъ того, что излагаетъ русскую исторію по степенямъ князей, т. е. по ихъ послѣдовательности. Она составлена въ XIV в. митрополитомъ Кипріаномъ. Кипріанъ, сербъ по происхожденію, извѣстенъ—какъ собиратель, исправитель и переводчикъ священныхъ книгъ. Онъ внесъ въ исправленныя имъ книги много особенностей сербскаго языка, съ его времени сербскій элементъ въ нашемъ языкѣ усилился. Въ XVI в. Степенная книга была переработана митрополитомъ Макаріемъ, составителемъ Четьи-Минеи. Тамъ же.

же имени русская земля именуется; Пруссъ братъ бысть единоначальствующаго на землѣ римскаго Кесаря Августа» [1]).

. . . . . .

Воззрѣніе на власть государя, какъ на власть абсолютную, еще не сложилось окончательно въ Московскомъ государствѣ. Одни изъ государей проводили это воззрѣніе съ большой энергіей, другіе слабѣе, но въ законѣ оно еще не было выражено, а потому и было предметомъ полемики въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ. Рядомъ съ властью, принадлежавшею государю, встрѣчаемся еще и съ нѣкоторой долей участія подданныхъ въ верховной власти. Это участіе проявлялось въ формѣ земскихъ соборовъ [2]).

2. Царствованіе Іоанна III (1462—1505).

а) Судебникъ.

Въ судебникѣ понятіе самодержавія не встрѣчается.

б) Титулъ.

Ср. п. 15 сего (I) отдѣла сей справки (исторія титула) стр. 95—97.

3. Царствованіе Іоанна IV (1533—1584).

а) Изъ полемики Царя Ивана IV съ Курбскимъ:

«Божіемъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствіи, тако и возрастахомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ..... россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи..... како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?.... Земля правится Божіимъ милосердіемъ..... и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы....

. . . . . .

Самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ Великаго Князя Владиміра, просвѣтившаго всю русскую землю святымъ крещеніемъ, и Великаго Царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемшу, и храбраго Великаго Государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго Великаго

[1]) Тамъ же, стр. 147, 148.

[2]) Стр. 161.

Государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агарины велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, Великаго Государя Ивана, и въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, Великаго Государя Василія,—даже дойде и до насъ, смиренныхъ Скипетродержанія Русскаго Царствія [1]).

. . . . . .

А о безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати! Понеже тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ: како имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣютъ; а Россійское Самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми Царствы, а не Бояре и Вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго попа и вашего злочестія повелѣнія Самодержавству быть! [2])

. . . . . .

Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, Царю же токмо предсѣданіемъ и Царствія честія почтену быти, властію же ни чимъ же лучше быти раба? А се ли тьма яко Царю самодержати повелѣнная? Како же и Самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? Яко же рече Апостолъ Павелъ къ Галатомъ пиша: Въ нѣсколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ни чимъ же есть лучше раба, но подъ повелительми и приставники есть, до нарока отча. Мы же, благодатію Христовою, дойдохомъ лѣтъ нарока отча, и подъ повелительми и приставники быти намъ не пригоже [3]).

«Кромѣ насъ да турецкаго султана» говорилъ однажды Грозный польскимъ посламъ «ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ непрерывно царствовалъ черезъ двѣсти лѣтъ..... А мы отъ государства господари, начавъ отъ Августа Кесаря изъ начала вѣковъ....» «Мы.... царь.... по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію». (Древняя Русь, стр. 123).

---

[1]) См. посланіе къ Курбскому, въ которомъ царь разсказываетъ исторію скипетродержавія русскаго царствія, православнаго христіанскаго самодержавства; объясняетъ права и обязанности государя, духовенства и вельможъ (Сказанія кн. Курбскаго, изд. 1833 г. т. II, стр. 14).

[2]) Стр. 22.

[3]) Стр. 34.

б) Сигизмундъ баронъ Герберштейнъ. Rerum Moscoviticarum Commentarii (Записки о Московіи) 1549 [1]).

. . . . . Сынъ же этого Василія, Іоаннъ, былъ весьма счастливъ, потому что вскорѣ послѣ своего брака съ Маріею сестрою Михаила, Великаго Князя Тверскаго, онъ изгналъ зятя и овладѣлъ Великимъ Княжествомъ Тверскимъ; потомъ завоевалъ также великій Новгородъ. Послѣ того всѣ другіе князья стали служить ему, пораженные величіемъ его дѣяній, или изъ страха. Потомъ при постоянно счастливомъ ходѣ дѣлъ, онъ началъ употреблять титулъ Великаго Князя Владимірскаго, Московскаго и Новгородскаго и наконецъ сталъ называться Монархомъ (самодержцемъ) всей Руссіи [2]) (titulum magni ducis Vuolodimeriae, Moscovuiae et Novuogardiae Sibi usurpare, *monarcham* denique se *totius Russiae* appellare coepit) [3]).

. . . . . Іоанну старшему (своему сыну) онъ (Іоаннъ Васильевичъ) оставилъ самодержавную власть [4]) (Ioanni primogenito *monarhatum* reservabit [5]).

. . . . . Онъ (князь) имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей; потому они даже называютъ его Божьимъ ключникомъ и постельникомъ, и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли Божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,— обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь (voluntatem principis, dei esse voluntatem; deus fecit et magnus princeps) [6]). Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ ти-

[1]) Съ латинскаго базельскаго изданія 1556 г. Переводъ И. Анонимова СПБ. 1866.

[2]) Переводъ Анонимова, стр. 18—19.

[3]) Библіотека иностр. писателей о Россіи, отд. 1, т. II, прил.; стр. 15.

[4]) Переводъ Анонимова, стр. 19.

[5]) Библіотека, стр. 16.

[6]) Тамъ же, стр. 23.

рана государя, или отъ тиранiи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ [1]).

Со времени Рюрика до нынѣшняго князя, прежнiе государи не употребляли другаго титула, какъ великихъ князей или владимiрскихъ или московскихъ или новгородскихъ и пр. кромѣ Iоанна Васильевича, который называлъ себя господиномъ всей Руссiи и великимъ княземъ Владимiрскимъ и пр. Василiй же Iоанновичъ присвоиваетъ себѣ титулъ и имя царя [2]) (qui se *dominum* totius Russiae, et magnum ducem Vuolodimeriae etc. appellabat. Hic vero Basilius Joannis sibi vindicat et titulum et nomen regium [3]).

в) Антонiо Поссевино [4]).

Москвичи наслѣдовали отъ предковъ высокое понятiе о государѣ и утверждаются въ немъ воспитанiемъ. Когда ихъ спрашиваешь о чемъ-нибудь, они обыкновенно отвѣчаютъ: одинъ Богъ и великiй государь знаютъ то: царь все знаетъ, онъ можетъ разрѣшить какое бы то ни было затрудненiе или сомнѣнiе; нѣтъ на землѣ вѣры, которой бы догматовъ и обрядовъ онъ не зналъ; все, что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ, все это отъ милости государя [5]).

4. «Записи», Земскiе Соборы и Боярская Дума.

а) В. Латкинъ. Земскiе Соборы Древней Руси. 1885 г.

. . . . . .

Народное собранiе было существеннымъ элементомъ политическаго быта нашихъ предковъ и играло далеко не послѣднюю роль въ государственномъ управленiи. То же самое было и у другихъ славянскихъ народовъ.

Если обратимся къ послѣднимъ, то увидимъ, что у нихъ такъ же, какъ у древнихъ русскихъ, центръ управленiя общественными дѣлами сосредоточивался въ народномъ собранiи.

---

[1]) Переводъ Анонимова, стр. 28.

[2]) Тамъ же, стр. 28.

[3]) Библ. иностр. писателей о Россiи, стр. 24.

[4]) Iезуитъ Антонiо Поссевино посѣтилъ Россiю, въ качествѣ посла папы Григорiя XIII, въ 1581 и 1582 годахъ. Главное его сочиненiе Moscowia, Wilnae 1586, см. Фридрихъ Аделунгъ. Критико-Литерат., обозрѣнiе путешественниковъ по Россiи, Москва 1864 г., стр. 205.

[5]) См. М. И. Романовичъ Славатинскiй, Система Русскаго Государственнаго права 1886 г., стр. 55 и Н. И. Черняевъ «Необходимость Самодержавiя для Россiи, Харьковъ 1901 г., стр. 41

Такимъ образомъ, политическій строй древнихъ славянъ былъ вполнѣ демократическій [1]). Всѣ извѣстія, сохранившіяся о славянахъ, подтверждаютъ подобное заключеніе. «Славяне, говоритъ Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, не повиновались единодержавной власти, но искони управлялись общественно, о пользахъ и нуждахъ своихъ разсуждали въ народныхъ собраніяхъ, вообще издавна жили при народномъ правленіи (ἐν δημοκρατίᾳ). Византійскій императоръ Маврикій даетъ слѣдующую характеристику славянамъ: «славяне, говоритъ онъ, любятъ свободу, не терпятъ неограниченныхъ обладателей и никоимъ образомъ не могутъ быть принуждены къ повиновенію».

Разсматривая политическій строй отдѣльныхъ славянскихъ народностей, мы видимъ, что онъ представляетъ полнѣйшую аналогію съ политическимъ строемъ древнихъ русскихъ и, если начинаетъ отличаться отъ него, то уже въ позднѣйшія времена, когда славяне пришли въ дѣятельное соприкосновеніе съ другими народами и подъ вліяніемъ многихъ причинъ и условій стали значительно измѣнять свой первоначальный бытъ [2]).

. . . . . .

Такъ какъ, вступая на престолъ, Шуйскій не опирался на народъ, всегда стоявшій за самодержавіе, вслѣдствіе незнанія другихъ формъ правленія, а получилъ власть изъ рукъ сравнительно незначительной партіи, то долженъ былъ исполнить извѣстныя требованія, предъявленныя послѣдней, долженъ былъ, однимъ словомъ, купить ея поддержку. Дѣйствительно, Шуйскій, хотя и писался самодержцемъ, но на самомъ дѣлѣ имъ не былъ. Онъ былъ первымъ русскимъ царемъ, власть котораго была ограничена. По словамъ лѣтописца, Шуйскій, войдя въ соборную церковь Пречистыя Богородицы, «началъ говорити, чего искони вѣкъ въ Московскомъ Государствѣ не важивалося: что цѣлую я въ сей землѣ крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати безъ собору никакого дурна; и есть ли отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать; а буде сынъ виноватъ, а отецъ того не сдѣлаетъ, и отцу никакого дурна не сдѣлати, а которая де была грубость

[1]) Мацеевскій (Slawische Rechtsgeschichte übersetzt von Buss) I, стр. 73 «Славянскіе народы, говоритъ послѣдній, имѣли издавна такую форму правленія, какая вполнѣ соотвѣтствовала ихъ характеру. Ее можно назвать съ самаго ея возникновенія—демократическою».

[2]) Латкинъ, стр. 7—8.

при царѣ Борисѣ, никакъ никому того не мститель» [1]). Подобныя ограниченія самодержавной власти были дѣломъ рукъ бояръ, а не народа, давно уже позабывшаго свою вѣчевую свободу.— Въ той же лѣтописи нѣсколькими строками ниже мы находимъ подтвержденіе высказанной нами мысли... «и о томъ же Бояре и всякіе люди поцѣловаша сму крестъ, и со всею землею, а съ городами о томъ не ссылались» [2]). Интересна сама грамота, въ которой изложены «ограничительныя условія» [3]) « . . . И поволилъ есмь язъ, Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи, читаемъ въ ней, цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, Великому Государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также, у гостей и у торговыхъ людей, хоти который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ, и лавокъ, и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, Великому Государю, не слушати, а сыскивати всякими сысками накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное Хрестьянство безвинно не гибло, а кто на кого солжетъ и, сыскавъ, того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ самъ осудится». Заканчивается грамота словами: «язъ, Царь и Великій Князь всея Русіи, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати». Между этой грамотой и мѣстомъ изъ лѣтописи, цитированнымъ выше, существуетъ разница и разница громадная. По лѣтописному свидѣтельству власть царя ограничивалась соборомъ, въ оффиціальномъ же памятникѣ говорится только о боярахъ..... Г. Ключевскій (Боярская дума древней Руси, 1-е изд., стр. 378) объясняетъ эту разницу слѣдующимъ образомъ. «Шуйскій, будучи вынужденнымъ согласиться на ограниченіе своей власти боярами, желалъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, замѣнить его ограниченіемъ со стороны земскаго собора, зная,

1) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 102.

2) Тамъ же, стр. 103.

3) Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ т. II, № 141, стр. 299.

что тогда онъ будетъ гораздо независимѣе, для чего и цѣловалъ крестъ «всей землѣ». Но бояре этому воспротивились и результатомъ ихъ оппозиціи было появленіе въ оффиціальномъ памятникѣ мѣста объ ограниченіи царской власти только боярами. Предположеніе это вполнѣ вѣроятно [1]).

. . . . . .

Партія бояръ съ княземъ Мстиславскимъ, составляя временное правительство, вела переговоры съ Сигизмундомъ по поводу вступленія на московскій престолъ сына его Владислава [2]). . . . . .

. . . . . .

Переговоры по поводу Владислава велись съ гетманомъ Жолкевскимъ, стоявшимъ подъ Москвой. 17 Августа, слѣдовательно мѣсяцъ спустя, послѣ низложенія Василія, былъ заключенъ договоръ между гетманомъ и боярами. По этому договору, русскимъ царемъ признавался Владиславъ, но уже не самодержцемъ, а въ полномъ смыслѣ слова государемъ съ ограниченной властью. Изъ договорной записи [3]) видно, на какихъ условіяхъ польскій королевичъ дѣлался русскимъ царемъ. Перечислять ихъ всѣ мы не будемъ. Упомянемъ только объ одномъ условіи, довольно характерномъ, вносившемъ совершенно новое начало въ русскую государственную жизнь. «На Москвѣ и по городамъ суду быти и совершатись, говорится, между прочимъ, въ грамотѣ, по прежнему обычаю и по судебнику Россійскаго государства; а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ, и Государю на то поволите съ думою бояръ и всей земли, чтобъ было все праведно». Итакъ власть государя уже ограничивается не только одною боярскою думою, какъ это было при Шуйскомъ, но и земскимъ соборомъ, органомъ всей земли [4]).

. . . . . .

Это царствованіе (Михаила Федоровича) замѣчательно по обилію земскихъ соборовъ, оно является, по мѣткому выраженію одного ученаго (Загоскина), ихъ «золотымъ вѣкомъ» [5]) . . . .

---

1) Латкинъ, стр. 104—105.

2) Стр. 110.

3) Собр. Госуд. грам. и дог. т. II, № 200, стр. 399. См. также записки гетм. Жолкевскаго, прилож. № 20.

4) Латкинъ, стр. 110—111.

5) Стр. 123.

. . . . . .

Земскій соборъ почти не распускается, онъ является необходимымъ органомъ государственнаго устройства и впродолженіи многихъ лѣтъ дѣйствуетъ рядомъ съ правительствомъ. Такъ продолжается до 1622 г. (включительно). Послѣ этого года, соборы тоже созываются, но они не функціонируютъ постоянно и правительство обращается къ нимъ только въ болѣе важныхъ случаяхъ [1]. . . . .

. . . . . .

. . . . . Существуютъ извѣстія, что Михаилъ Федоровичъ, подобно Шуйскому, далъ «запись», которой ограничивались до извѣстной степени прерогативы самодержавной власти. Слѣдующіе памятники говорятъ объ ограниченіи власти перваго Романова. (Во первыхъ Псковская лѣтопись). . . . .

. . . . . .

Есть еще другое свидѣтельство объ ограниченіи власти Михаила Ѳедоровича. Это свидѣтельство Котошихина. Вотъ, что пишетъ послѣдній: «Какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство; и на нихъ были иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и не пальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати. А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича) обрали на царство, а писма на себя онъ не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивышее (Котошихинъ отвѣчаетъ на вопросъ, заданный имъ себѣ: «для чего пишется самодержцемъ»?) пишется самодержцемъ и государство свое править по своей воли. И съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по покою что кому по дружбѣ отдати, или какую помочь чинити, или иные всякія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, съ бояры и съ думными людми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ что хочетъ, то учинити можетъ; однако, кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отецъ его, блаженныя памяти царь Михайло Ѳедоровичъ, хотя «самодержецъ» писался, однако безъ боярскаго

---

1) Тамъ же, стр. 123.

совѣта не могъ дѣлати ничего» [1]). Третье свидѣтельство это— Татищева. «Царя Михаила Ѳедоровича хотя избраніе было порядочно всенародное, говоритъ послѣдній, но съ такою же записью черезъ что онъ не могъ ничего учинить» [2]) . . . . . [3]).

. . . . . .

Отъ 18-го (1614 года) марта мы имѣемъ еще три грамоты, отправленныя къ Волжскому казачьему войску: отъ царя, отъ духовныхъ чиновъ собора и отъ его свѣтскихъ чиновъ . . . . . во всѣхъ трехъ есть мѣсто, на которое указалъ также и г. Загоскинъ и которое можетъ служить доказательствомъ существованія собора (избравшаго Михаила Ѳедоровича) и въ 1614 г. Мѣсто это слѣдующее: « . . . . по милости жъ Божіей и по прошенію всего Россійскаго царствія богомольцовъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и всего освященнаго собора, и Царей, и Царевичевъ разныхъ государствъ, которые нынѣ служатъ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи и насъ бояръ, и окольничихъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казаковъ, и всякихъ чиновъ людей всего россійскаго царствія, учинился на Владимірскомъ и т. д. (идутъ перечисленія различныхъ «царствій») Государемъ Царемъ . . . Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ [4]) . . . [5]).

. . . . . .

Существуетъ также свидѣтельство, на основаніи котораго можно заключить, что и въ 1615 г. земскій соборъ продолжалъ свою дѣятельность. Такъ, мы имѣемъ царскую грамоту къ Нижегородскимъ воеводамъ: князю Бахтеярову-Ростовскому и Нащокину о сборѣ денегъ на войско со Строгановымъ. «По нашему указу и всей земли приговору, говорится въ грамотѣ, велѣно со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всякихъ людей съ животовъ сбирати, служивымъ людямъ на жалованье деньги, пятая доля» [6]). . . .

1) Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, гл. VIII, стр. 104.

2) Двѣ записки Татищева, относящіяся къ царствованію императрицы Анны (Литературный сборникъ «Утро» 1859 г. стр. 373).

3) Латкинъ, стр. 145—146.

4) Акты Арх. Эксп. т. III, №№ 25 и 26, стр. 46 и 54.

5) Латкинъ стр. 149.

6) Стр. 151.

. . . . . .

Ровно черезъ мѣсяцъ, послѣ описанныхъ нами событій (т. е. собора 27 апрѣля 1682 года) состоялся второй фиктивный соборъ, избравшій на царство царевича Ивана Алексѣевича [1]). . . .

. . . . . .

Всѣ эти чины съ патріархомъ во главѣ били челомъ Петру и Ивану Алексѣевичамъ, что такъ какъ царевичъ Иванъ, приходящійся государю «большимъ братомъ», отказался отъ трона въ пользу Петра, то «чинится въ народахъ Россійскаго Царствія нынѣ распря» и, поэтому, они всѣ просятъ, чтобъ «для всенароднаго умиренія» братья «учинились на престолѣ царями, восприяли скипетръ и державу и самодержавствовали обще» [2]). . . .

. . . . . .

Соборъ 1698 года былъ послѣднимъ соборомъ Московскаго государства, превратившагося въ 1721 году въ Россійскую имперію.

Послѣ Петра, было нѣсколько попытокъ созвать выборныхъ отъ народа, но онѣ уже не имѣли того значенія, какъ древнерусскія представительныя учрежденія, и обыкновенно кончались ничѣмъ. Такія попытки произошли при Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ, Елисаветѣ и, наконецъ, при Екатеринѣ II. Знаменитая Екатериненская коммисія депутатовъ имѣла нѣсколько общихъ чертъ съ соборомъ 1649 года, прототипомъ которой онъ отчасти и былъ. Извѣстенъ печальный конецъ этой коммисіи. Съ тѣхъ поръ правительство болѣе не созывало выборныхъ и не обращалось къ народу. Въ царствованія Павла, Александра I (вторая половина) и Николая I не могло быть и рѣчи о чемъ либо подобномъ. Древнія представительныя учрежденія вымерли и отъ нихъ не осталось никакого слѣда. Народъ позабылъ ихъ, какъ позабылъ въ Московскую эпоху свои вѣчевыя учрежденія. . . . Одна только исторія не позабыла ихъ [3]).

. . . . . .

«Въ собраніи депутатовъ 1767 года мы видимъ примиреніе своенародныхъ, естественно-жизненныхъ принциповъ ста-

1) Тамъ же, стр. 253.

2) Стран. 254.

3) Стр. 255.

рыхъ земскихъ соборовъ съ новою, западно-европейскою идеею представительства. Недаромъ императрица Екатерина II вспомнила о земскомъ соборѣ 1648 г. и почтила особеннымъ увѣковѣченіемъ памятникъ того собора—уложеніе 1649 г. (Щаповъ, Отечественныя записки 1862 г. ноябрь, стр. 20—21).— «Составъ и устройство новаго земскаго собора или коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія оказываются сдѣланными, какъ бы по образцу прежнихъ земскихъ соборовъ» (Бѣляевъ, Рѣчи и отчетъ Московскаго университета за 1867 г. стр. 60 [1]) . . . . . .

. . . . . .

Изъ разсмотрѣннаго нами историческаго очерка древнерусскихъ представительныхъ учрежденій мы видимъ, что послѣднія могли быть двухъ родовъ: избирательныя и неизбирательныя или, какъ принято называть въ наукѣ, совѣщательныя. Къ первому роду или къ первой категоріи относились такія, одна изъ главныхъ функцій которыхъ заключалась въ избраніи представителя верховной власти или въ санкціонированіи волей народа вступленіе на престолъ новаго государя, хотя бы послѣдній могъ вступить и безъ подобнаго санкціонированія, исключительно на основаніи закона или, лучше сказать, обычая. Мы знаемъ, что Ѳедоръ Ивановичъ былъ законнымъ наслѣдникомъ Ивана IV, точно также, какъ Алексѣй Михайловичъ законнымъ наслѣдникомъ Михаила Ѳедоровича, однако, оба они были избраны земскимъ соборомъ и получили бразды правленія изъ его рукъ. Это было сдѣлано, безъ сомнѣнія, для упроченія ихъ власти и для доказательства, что царствованіе ихъ есть выраженіе народной воли, народнаго желанія. Изъ сказаннаго ясно, что самые избирательные соборы въ свою очередь могли быть также двухъ родовъ, а именно соборы, функція которыхъ заключалась въ избраніи новаго государя, въ случаѣ пресѣченія царствовавшей династіи, и соборы, санкціонировавшіе актъ вступленія на престолъ законнаго государя. Первые созывались боярской думой или патріархомъ, и только въ «безгосударное» время, по выраженію памятниковъ. Тогда они представляли собою верховную власть и пользовались всѣми ея правами и прерогативами. Управленіе государствомъ лежало на

[1]) Тамъ же, стр. 255.

ихъ обязанности, такъ какъ, замѣняя государя, они осуществляли его функціи во всѣхъ отношеніяхъ. Законодательство, администрація, судъ, сношеніе съ иностранными державами и т. п. исключительно принадлежали имъ. Соборы обладали своей печатью и разсылали грамоты отъ своего имени. Но подобныя права были имъ присущи только до избранія государя, послѣ же этого даже самое существованіе ихъ зависѣло уже отъ личности представителя верховной власти [1]).

. . . . . .

По воззрѣнію славянофильской школы, земскій соборъ является идеаломъ представительныхъ учрежденій, какимъ то перломъ созданія, неизвѣстнымъ западнымъ народамъ. Отношеніе его къ государю обыкновенно опредѣляется извѣстной фразой К. Аксакова: «правительству — сила власти, землѣ—сила мнѣнія» [2]). . . . . .

. . . . . .

Земскій соборъ былъ силой, это вѣрно, но не одного только мнѣнія. Сила его заключалась въ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, во время которыхъ онъ появлялся на сцену для оказанія помощи слабому правительству, бывшему безсильнымъ, чтобъ одному совладать съ ними. Очевидно, при такихъ условіяхъ онъ не могъ быть представителемъ одного только мнѣнія. Правда, ему не были присущи какія бы то ни было политическія права и гарантіи и онъ всегда возникалъ по иниціативѣ правительства, но вѣдь сила же его и заключалась только въ слабости правительства! Самое слабое правительство было правительство Михаила Ѳедоровича, не успѣвшее еще стать на твердую почву, послѣ анархіи смутнаго времени и время это совпадаетъ съ временемъ наибольшаго развитія дѣятельности земскаго собора. Такимъ образомъ, мнѣніе, будто соборъ былъ чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ, какъ это думаютъ славянофилы, можно считать совершенно невѣрнымъ. Само собой разумѣется, что онъ не былъ также и ограничительнымъ учрежденіемъ, такъ какъ не обладалъ никакими прерогативами съ точки зрѣнія формальнаго права. Въ основѣ этого явленія древне-русской земли, по выраженію г. Загоскина, лежалъ фактъ,

---

1) Тамъ же, стр. 256—257.

2) Стр. 284.

а не право [1]). Точныя юридическія опредѣленія были не въ духѣ людей московской эпохи [2]).

б) И. Д. Бѣляевъ. Земскіе соборы на Руси. 1902 г.

. . . . . .

Хотя царь Иванъ Васильевичъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ еще за годъ до своего перваго земскаго собора; но онъ, подобно своимъ предкамъ, продолжалъ еще быть въ сущности только великимъ княземъ всей Руси; царемъ же въ собственномъ смыслѣ, какой выработался русскою жизнію, онъ сдѣлался только съ созванья земскаго собора; только соборъ далъ ему истинную царскую власть, только соборъ разрушилъ тотъ заколдованный кругъ дружиннаго совѣта и потомъ боярской думы, которыми Московскій государь отдѣлялся отъ народа; только съ созванья перваго земскаго собора бояре дружинники и боярская дума утратили свое прежнее значеніе необходимой среды, отдѣляющей государя отъ народа; только послѣ перваго собора государь получилъ окончательное непререкаемое право приближать къ себѣ или удалять отъ себя тѣхъ или другихъ бояръ [3]) . . . . . .

. . . . . .

Первый земскій соборъ въ Москвѣ далъ царю необходимую опору для развитія своей власти, такую опору, на которой царская власть могла держаться твердо,—безъ опасенія отъ какихъ-либо притязаній; ибо послѣ собора за нее уже явно стояла воля всей русской земли, заявившая себя на соборѣ на сторонѣ царской власти. Послѣ перваго собора преданія стараго московскаго строя потеряли значеніе неотразимой и неотложной необходимости; на первомъ земскомъ соборѣ Москва ясно увидала, что она уже выросла изъ Москвы до всей русской земли и что, слѣдовательно, собственно московскій строй уже для ней узокъ и она должна принять строй всей русской земли съ царемъ всея Руси, а не прежнимъ великимъ княземъ Московскимъ и всея Руси. Такимъ образомъ первый земскій соборъ имѣлъ значеніе полнаго утвержденія самодержавной власти царя волею

[1]) Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 337.

[2]) Латкинъ, стр. 284.

[3]) Бѣляевъ, стр. 18—19.

всей русской земли, собранной въ 1548 году въ Москву въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей [1]).

. . . . . .

Земскій соборъ 1613 года, подобно первому земскому собору при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, вручилъ новоизбранному Царю Михаилу Ѳедоровичу полное самодержавіе; но молодой 16-ти лѣтній царь и его боярская дума не рѣшались еще принять на себя всю отвѣтственность по управленію: времена безпорядковъ самозванщины были еще очень близки. Русская земля далеко еще не была окончательно успокоена,—шведы, поляки владѣли еще многими русскими городами, и вообще всякаго рода измѣнники и самозванцы продолжали еще дѣлать безпорядки въ разныхъ краяхъ Русской земли, а царская казна была пуста, деньги были крайне нужны на содержаніе царскаго двора, на жалованіе войску и на другіе неотложные расходы. А посему земскій соборъ, избравшій царя, не былъ распущенъ еще въ продолженіе трехъ лѣтъ, такъ что власть самодержавнаго государя непосредственно опиралась на волю всей Русской земли, выражаемую земскимъ соборомъ, и государь не начиналъ и не рѣшалъ ни одного важнаго дѣла, не посовѣтовавшись съ земскимъ соборомъ,—и, мало того, даже въ своихъ указахъ писалъ: «Мы, Великій Государь, учинили о томъ соборъ и приговорили то и то». Или «по нашему Великаго Государя указу и по соборному приговору всей Русской земли и проч.». Земскій соборъ, избравшій на царство Михаила Ѳедоровича въ 1613 году, писалъ отъ своего имени окружныя грамоты во всѣ города Русской земли объ избраніи царя и о томъ, чтобы вездѣ дали присягу служить ему вѣрой и правдой (Соб. гос. грам. и дог., т. III, № 4) [2]).

. . . . . .

Русская земля, вполнѣ довѣряя ею же утвержденной царской власти, смотрѣла на земскіе соборы не какъ на какую либо привилегію или право народа, какъ смотрѣли въ старое время мѣстныя земскія общества на свои вѣча; а напротивъ, принимала земскій соборъ, какъ необходимую и должную помощь со стороны земли царю, когда самъ царь найдетъ для

---

[1]) Тамъ же, стр. 19.

[2]) Стр. 34—35.

себя нужнымъ обратиться за этою помощью въ Русской землѣ [1]).

в) В. Ключевскій. Боярская Дума Древней Руси. 1902 г.

. . . . . .

Ни московское правительственное преданіе, ни политическія задачи, стоявшія у московскаго государя на очереди, ни отношеніе къ нимъ новаго боярства не давали повода къ рѣшительному противодѣйствію боярскимъ политическимъ притязаніямъ. Мысль о несуществимости этихъ притязаній чаще всего подсказывается однимъ терминомъ въ титулѣ московскаго государя. Чтобы выразить особое почтеніе, нашихъ князей и прежде иногда величали «самодержцами». Съ Ивана III это слово было оффиціально введено въ постоянный титулъ московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти. При вѣнчаніи Иванова внука Димитрія на великое княженіе въ 1498 г. Митрополитъ называлъ великаго князя-дѣда «преславнымъ царемъ самодержцемъ». Разжаловавъ потомъ внука, Иванъ перенесъ этотъ титулъ на новаго наслѣдника, благословилъ и посадилъ сына своего Василія на великое княженіе «самодержцемъ» по благословенію Митрополита, и великій князь Василій писался самодержцемъ по смерти отца даже въ жалованныхъ грамотахъ частнымъ лицамъ, гдѣ обыкновенно употреблялся не полный торжественный, а малый будничный титулъ государя. Но не слѣдуетъ думать, что въ этомъ терминѣ уже тогда сказалась ясно сознанная мысль, отрицавшая всякій раздѣлъ правительственной власти московскаго государя съ какою-либо другой внутренней политической силой. Политическіе термины имѣютъ свою исторію, и мы неизбѣжно впадемъ въ анахронизмъ, если, встрѣчая ихъ въ памятникахъ отдаленнаго времени, будемъ понимать ихъ въ современномъ намъ смыслѣ. Болѣе ста лѣтъ спустя послѣ вѣнчанія на царство Иванова внука вступилъ на московскій престолъ царь Василій изъ фамиліи князей Шуйскихъ съ формально ограниченною властью; но въ грамотѣ объ его вступленіи на престолъ, разосланной по областямъ государства, боярская дума и всѣ чины

[1]) Тамъ же, стр. 53.

называютъ новаго царя самодержцемъ. Не одно свидѣтельство XVII вѣка говоритъ также о томъ, что первый царь новой династіи не пользовался неограниченною властью; однако онъ не только писался въ актахъ самодержцемъ подобно предшественникамъ, но и на своей печати прибавилъ это слово къ царскому титулу, чего не дѣлали его предшественники, власть которыхъ не подвергалась формальному ограниченію. Съ другой стороны, трудно подумать, чтобы для людей тѣхъ вѣковъ этотъ терминъ былъ простымъ титулярнымъ украшеніемъ, чтобъ они не соединяли съ нимъ никакого политическаго понятія или соединяли понятіе прямо противоположное дѣйствительности. Это слово, переводъ извѣстнаго греческаго термина, сдѣланный очевидно старинными книжниками, судя по его искусственности, стало входить въ московскій оффиціальный языкъ, когда, съ прибытіемъ «царевны царегородской» Софьи къ московскому двору, здѣсь робко начала пробиваться мысль, что московскій государь и по женѣ, и по православному христіанству есть единственный наслѣдникъ павшаго цареградскаго императора, который считался на Руси высшимъ образцомъ государственной власти вполнѣ самостоятельной, независимой ни отъ какой сторонней силы. Эта мысль высказывалась въ подробностяхъ церемоніала, въ новомъ государственномъ гербѣ, даже въ попыткѣ создать новую родословную московскихъ государей, давъ Рюрику прямаго предка въ лицѣ Августа, кесаря римскаго. Самодержецъ входитъ въ московскій титулъ одновременно съ царемъ, а этотъ послѣдній терминъ былъ знакомъ того, что московскій государь уже не признавалъ себя данникомъ татарскаго хана, которому доселѣ Русь преимущественно усвояла названіе царя. Значитъ, словомъ самодержецъ характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе московскаго государя: подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго; самодержцу противополагали то, что мы назвали бы вассаломъ, а не то, что на современномъ политическомъ языкѣ носитъ названіе конституціоннаго государя [1]).

. . . . . .

Съ понятіемъ о самодержавіи общество соединяло мысль о

[1]) Ключевскій, стр. 246, 247, 248.

внѣшней независимости страны; вопросъ о внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ *еще не* возбуждался. Во второй половинѣ XVI в., уже въ эпоху горячаго столкновенія государя съ своимъ боярствомъ, въ Москвѣ стали задумываться надъ этимъ терминомъ, разбирать его и со стороны внутреннихъ политическихъ отношеній. Царь Иванъ старался понять его возможно проще, въ прямомъ этимологическомъ смыслѣ. «Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ» возражалъ онъ Курбскому, отстаивая власть царя отъ притязаній боярства [1]).

. . . . . .

Оффиціальный языкъ московскаго правительства и послѣ того сохранялъ первоначальное историческое значеніе этого термина, которое не мѣшало прилагать его къ царямъ, вовсе не пользовавшимся самодержавною властію въ современномъ намъ смыслѣ этого слова.

Нѣтъ никакой нужды предварять историческій ходъ явленій, приписывая московскимъ государямъ XV и XVI вѣка политическое самосознаніе, которое съ великимъ трудомъ выработалось лишь позднѣе. Иностранцы, наблюдавшіе политическій бытъ Москвы при отцѣ Грознаго, замѣчали, что московскій государь властію своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Не нужно было особенной наблюдательности, чтобы замѣтить это. Такая власть была здѣсь не вчерашнимъ явленіемъ: она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго дворовыми слугами, холопами. Но именно потому, что она имѣла такой источникъ, въ ней былъ одинъ существенный пробѣлъ. Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было идеи о возможности и надобности распоряжаться порядкомъ, какъ лицами. Великій князь Василій Ивановичъ бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ ихъ изъ думы съ глазъ долой, но въ полковыхъ росписяхъ какого нибудь неблагонадежнаго политически кн. Горбатаго-Шуйскаго назначалъ на много мѣстъ выше вѣрнопреданнаго потомка ста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 248.

ринныхъ московскихъ бояръ Хабара-Симскаго или Лошакова-Колычова [1]).

. . . . . .

Среди внѣшнихъ хлопотъ они (Московскіе Государи) еще не успѣли хорошенько обдумать ни значенія этого титула, ни внутренняго политическаго содержанія своей власти, созданной новымъ положеніемъ, и еще менѣе успѣли подумать возвести этотъ титулъ въ политическую теорію и согласно съ этой новой властью перестроить свои внутреннія политическія отношенія и весь правительственный порядокъ. Между тѣмъ политическіе успѣхи собрали вокругъ московскаго государя цѣлый сонмъ новыхъ слугъ. Передніе ряды его состояли все изъ владѣтельныхъ князей или ихъ сыновей, которые или отцы которыхъ такъ же самостоятельно владѣли своими вотчинами, какъ московскіе князья своей. Въ большинствѣ они добровольно пришли въ Москву, много помогли ея успѣхамъ и считали себя въ правѣ надѣяться, что за ними оставятъ, если не всѣ, то часть ихъ прежнихъ вотчинъ и вотчинныхъ правъ съ долей прежней правительственной власти. Все это и признали за ними московскіе государи, не торопясь точно опредѣлить новое положеніе сторонъ, не заботясь о противорѣчіяхъ, какія это признаніе вносило въ ихъ отношенія. До сихъ поръ они все старались овладѣть возможно большимъ количествомъ князей и княжествъ и, не задумываясь много надъ новою системою управленія пріобрѣтенными княжествами, стали править ими посредствомъ пріобрѣтенныхъ князей. Это открывало обширный просторъ обоюднымъ недоразумѣніямъ, которыя вызывали столкновеніе между обѣими сторонами; но это было совершенно согласно съ фамильными политическими преданіями московскихъ государей, привыкшихъ дѣйствовать по старинѣ, по указаніямъ опыта и текущей минуты, пользуясь ближайшими наличными средствами.

Въ этомъ отношеніи московское общество, кажется, опередило своихъ государей и вынесло изъ пережитаго болѣе цѣльное впечатлѣніе. Оно раньше ихъ вывело политическіе итоги изъ совершившихся перемѣнъ и составило совершенно отчетливое понятіе о верховной власти, отождествляя волю госу-

---

[1]) Тамъ же, стр. 249, 250.

даря съ Волею Божіей, а «свою волю» новгородцевъ съ отсутствіемъ правды и всякаго порядка, считая себя и все свое полною собственностью государя, не признавая кромѣ его никакой другой власти въ государствѣ, называя его намѣстникомъ Бога на землѣ, постельникомъ Божіимъ и т. п. [1]) . . . . . .

г) В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 1903 г.

. . . . . .

Вслѣдъ за усиленіемъ царской власти появляются и первыя попытки къ ея ограниченію.

Описывая полезную дѣятельность Сильвестра и Адашева въ первые годы царствованія Ивана Васильевича, кн. Курбскій говоритъ:

«Отгоняетъ (Сильвестръ) отъ него (отъ царя) оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь ласкателей и человѣкоугодниковъ . . . и присовокупляетъ къ себѣ въ помощь архіерея (Макарія) онаго великаго города, и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ . . . Собираютъ къ нему совѣтниковъ мужей разумныхъ и свершенныхъ, во старости маститой сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; яко безъ ихъ совѣту ничего же устроити или мыслити . . . И нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада. Воистину по дѣломъ и нарѣченіе имѣли, понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому . . . и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устрояютъ».

Итакъ, у молодого царя были опекуны, которые удалили отъ него людей вредныхъ и окружили его хорошими. Эти хорошіе люди составили «избранный его совѣтъ», безъ котораго онъ ни дѣлать, ни даже мыслить ничего не могъ.

Ограниченіе своей власти новыми любимцами и «избранной радой», составъ которой ему навязывали, подтверждаетъ и царь. Въ его отвѣтѣ на первое посланіе Курбскаго читаемъ:

«И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, упрекаетъ онъ Курбскаго, нарицая благочестіе, еже подъ властію нарицае-

[1]) Тамъ же, стр. 251, 252.

маго попа и вашего злочестія повелѣнія самодержавству быть!» 162. «Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивыя, еже облада-тися царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, измѣн-ныхъ человѣкъ и царю повелѣваемому быти?» 171.

А далѣе, въ томъ же письмѣ, находимъ мѣсто во всѣхъ частностяхъ подтверждающее выше сдѣланную выписку изъ сказанія Курбскаго:

«Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ (тайно), мнѣвше насъ не разсудныхъ суща. И тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по малу всѣхъ васъ, бояръ, начаша въ самодовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе и въ противо-словіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами ровняю-ще . . . По семъ же отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша».

Итакъ, организованный Сильвестромъ и Адашевымъ совѣтъ похитилъ царскую власть, царь былъ въ немъ только предсѣ-дателемъ, совѣтники рѣшали все по своему усмотрѣнію, мнѣнія царя оспаривались и отвергались; должности, чины и награды раздавались совѣтомъ. Это говоритъ царь, это подтверждаетъ и противникъ его кн. Курбскій.

Но избранная рада не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязанія и провести въ Судебникъ ограниченія царской власти. Въ статьѣ 98 Царскаго Судебника было постановлено:

«А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу і со всѣхъ бояръ приговору, вершатца, і тѣ дѣла в семъ судебникѣ при-писывати».

Для пополненія Судебника новыми законодательными опре-дѣленіями требуется приговоръ «всѣхъ бояръ». Это несомнѣн-ное ограниченіе царской власти и новость: царь только пред-сѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ изда-вать новыхъ законовъ. Жалобы Грознаго были совершенно осно-вательны. Требованіе Судебника о приговорѣ «всѣхъ бояръ» от-носится къ будущему и, конечно, никогда не было приведено въ исполненіе; въ настоящее же время царя ограничивалъ не совѣтъ всѣхъ бояръ, а только нѣкоторыхъ. Въ составленіи Су-дебника принимали участіе не всѣ бояре. Во вступленіи къ не-

му сказано: «і великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси и съ своею братьею и съ бояры сей судебникъ уложилъ» [1]).

. . . . . .

Есть основаніе думать, что бояре хотѣли ограничить уже Бориса. Царю же Василію Шуйскому былъ предложенъ рядъ пунктовъ, которые онъ и утвердилъ присягой. Пункты эти слѣдующіе: онъ обязался никого не предавать смерти «не осудя истиннымъ судомъ съ бояры», и не отбирать имѣнія у родственниковъ преступниковъ, если они не участвовали въ преступленіи. Еще болѣе важныя ограниченія были предложены польскому королевичу, Владиславу. Измѣненіе судныхъ обычаевъ и судебниковъ онъ долженъ былъ дѣлать не иначе, какъ съ согласія бояръ и всей земли. Для увеличенія налоговъ требовалось согласіе думы. Пункты, принятые Шуйскимъ, были приняты и Владиславомъ. Съ Михаила Ѳедоровича тоже была взята запись, но она до насъ не дошла. Котошихинъ говоритъ, что со всѣхъ выбираемыхъ царей брали записи; только съ одного Алексѣя Михайловича не взяли, такъ какъ «разумѣли его гораздо тихимъ» [2]).

д) В. В. Сокольскій. Русское государственное право [3]).

. . . . . .

Отсутствіемъ борьбы между общественными элементами и силами объясняется также въ свою очередь полное отсутствіе въ московскомъ государствѣ въ теченіи всего XVI столѣтія юридическихъ опредѣленій отношенія верховной власти къ боярской думѣ и къ земскимъ соборамъ. Съ боярами царь считалъ необходимымъ совѣщаться по исконному обычаю, потому что такъ пошло изстари, а не на основаніи какой либо хартіи. Идея обезпечить политическое значеніе боярства «записью» возникаетъ только въ смутное время, когда пресѣклась древняя династія Рюрика и въ цари пришлось избирать лицъ изъ среды самихъ бояръ (Годуновъ, Шуйскій) или же изъ иновѣрныхъ, царствующихъ въ другихъ государствахъ, династій (коро-

---

[1]) Сергѣевичъ, стр. 157—159.

[2]) Стр. 160, 161.

[3]) Записки Императорскаго Новороссійскаго университета, томъ 54 (1890 г.) стр. 49.

левичъ Владиславъ). Равнымъ образомъ, и земскіе соборы являются не представительствомъ обособившихся и имѣющихъ свои особые, отличные отъ общегосударственныхъ, интересы сословій—такихъ сословій въ московскомъ государствѣ не было— а собраніемъ избранныхъ изъ разныхъ чиновъ московскаго государства свѣдущихъ людей, отъ которыхъ царь могъ бы узнать истинное положеніе вещей въ государствѣ и съ которыми онъ могъ бы посовѣтоваться о строеніи земскомъ.....

5. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича (1613–1645).

Грамота, утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Ромáнова—Юрьева.

По Святославе возсия пресвѣтлая звѣзда, Великій Государь, сынъ его, Князь Великій Владимеръ Святославичъ, тму невѣрия просвети, и прелесть кумирослуженія отгна, и всю Рускую землю просвети святымъ крещеніемъ, иже Равноапостоленъ наречеся, и разширенья ради своихъ Государствъ, Самодержавный именованъ бысть, нынежъ отъ всѣхъ поклоняемъ и прославляемъ. По великомъ Государе по Владимере самодержавство восприимъ, скифетръ Россійскаго Государства Ярославъ [1]).

. . . . . .

Князь Великій Иванъ Васильевичъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотрѣніемъ свое великое Государство распространи, Россійскаго Государства древніе многіе городы, которые после Батыева плененья къ Польскому королевству отошли, паки къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и неподвижно устрои, и тако Самодержецъ именованъ бысть [2]).

6. Царствованіе Алексѣя Михайловича (1645—1676).

а) Уложеніе.

Въ Уложеніи понятіе самодержавія не встрѣчается.

б) Титулъ.

Форма краткаго титула при Алексѣѣ Михайловичѣ была:

Божіею милостью Государь Царь и Великій Князь, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси Самодержецъ [3]).

[1]) Графъ Н. Румянцевъ, собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. I (1813) стр. 600.

[2]) Тамъ же, стр. 601.

[3]) Романовичъ-Славатинскій, Система Русск. Госуд. права, ч. 1 (1886) стр. 149.

в) Изъ Крижанича: «Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка» [1].

Россія представляется Крижаничу, уже въ 60-хъ годахъ XVII вѣка, стоящей на распутьѣ двухъ культурныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна манитъ впередъ, въ опасную даль, а другая уводитъ назадъ, въ густыя потемки. Программы обоихъ противоположныхъ между собой культурныхъ направленій онъ формулируетъ въ цѣломъ рядѣ яркихъ сопоставленій. При каждомъ отдѣльномъ случаѣ Крижаничъ указываетъ и исходъ изъ опасной дилеммы—въ видѣ средняго пути между крайностями радикализма и реакціи: такой исходъ диктуетъ ему «разумъ».

«Есть два народа, искушающихъ Россію приманками противоположнаго характера, влекущихъ и разрывающихъ ее въ противоположныя стороны. Это—нѣмцы и греки. При всемъ различіи между собою, оба народа вполнѣ сходятся въ одномъ, именно въ основной цѣли своихъ искушеній, и сходятся настолько хорошо, что можно было бы предположить между ними взаимный заговоръ для нашей погибели [2])».

. . . . . .

Греки намъ льстятъ и подслуживаются баснями, стараясь возвеличить старину этого государства, а въ дѣйствительности только позорятъ его и ставятъ въ невыгодное положеніе. Они

---

[1]) Родившись въ 1617 году въ Хорватіи, Крижаничъ (Юрій Явконица) окончилъ курсъ въ католической духовной семинаріи въ Вѣнѣ, готовился къ миссіонерской дѣятельности въ Римѣ, въ 1642—1646 г. дѣйствовалъ какъ уніатскій миссіонеръ среди православныхъ сербовъ (въ Хорватіи), въ 1646—1650 г. жилъ въ Россіи, съ цѣлью соединенія церквей. Вѣроятно, въ 1660 г. онъ опять пріѣхалъ въ Москву, а въ 1661 г.—надо думать, за нежеланіе принять второе крещеніе при переходѣ въ православіе, что должно было быть понято, какъ доказательство католическихъ тенденцій,—высланъ въ Тобольскъ, гдѣ и оставался до смерти Царя Алексѣя, до 1676 г. . . . . 1676—1680 г.—провелъ въ Польшѣ; дальше слѣды Крижанича теряются.

Сочиненіе Крижанича имѣлось на липо и у царя на Верху, и въ Посольскомъ приказѣ и въ частной библіотекѣ В. В. Голицына. . . . . Идеи и наблюденія Крижанича имѣютъ для насъ огромное значеніе, какъ болѣе сознательное выраженіе того, что многими смутно думалось и чувствовалось на тогдашней Руси, а также, какъ самое яркое описаніе готовившагося въ русской жизни культурнаго перелома. . . . . именно національстической реакціи, которая, несомнѣнно, должна была явится ближайшимъ результатомъ усилившагося теперь натиска европейской культуры. (Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, изд. 3 1901 г. ч. III, стр. 112).

[2]) Милюковъ «Очерки», ч. III, стр. 112.

назвали Москву третьимъ Римомъ и сочинили смѣшную сказку, будто русское царство есть римское и ему приличествуютъ знаки достоинства римской имперіи. Нѣмцы же на насъ клевещутъ и всячески стараются доказать міру, что русское государство есть простое княжество, а государи—великіе князья. Тѣ и другіе отказываютъ здѣшнему государству въ имени и чести «королевства» (regnum); тѣ и другіе сходятся въ лживой передержкѣ, будто римское государство—не простое королевство, а нѣчто высшее, и будто здѣшнее государство не можетъ сравниться съ нимъ въ достоинствѣ, если не получитъ этого достоинства отъ римскаго государства. А разумъ говоритъ, что государей можетъ ставить одинъ Богъ, а не римскій императоръ, что дать корону и титулъ—не значитъ сдѣлать кого либо государемъ, а просто значитъ уступить ему свое мѣсто. Русское царство такъ же велико и славно, какъ римское, никогда ему не подчинялось и равно ему по власти» [1]).

. . . . . .

Крижаничъ идетъ дальше: отъ опасностей наличныхъ онъ переходитъ къ опасностямъ, грозящимъ въ будущемъ. На рубежѣ тѣхъ и другихъ стоятъ заимствованія отъ иностранцевъ во всемъ строѣ жизни. Крижаничъ съ удовольствіемъ констатируетъ незначительность этихъ заимствованій и тотъ полный контрастъ, который продолжаетъ существовать между европейскимъ строемъ жизни и русскимъ [2]).

. . . . . .

Отношеніе Крижанича къ русскому самодержавію—очень для него характерно. Онъ постоянно и настойчиво повторяетъ, что неограниченная монархія есть одна изъ важнѣйшихъ основъ національнаго благополучія. Кромѣ ходячаго аргумента, намъ уже не разъ встрѣчавшагося, что самодержавіе лучше обезпечиваетъ свободу каждаго отъ посягательствъ вліятельныхъ лицъ и классовъ,—защищаетъ слабаго отъ сильнаго,—Крижаничъ имѣетъ при этомъ въ виду другое основаніе, для него самого особенно важное. То дурное, что ему не нравится на Руси, большею частью вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ незнанія, т. е. является плодомъ простыхъ ошибокъ, которыя могутъ быть исправлены законодательствомъ.

[1]) Тамъ же, стр. 114.

[2]) Стр. 120.

«Худое законоставіе»—вотъ коренной источникъ всѣхъ золъ; слѣдовательно, радикальная законодательная реформа—таково, въ его глазахъ, должно быть коренное лѣкарство. Неограниченность власти государя нужна ему, какъ необходимое условіе такого радикальнаго законодательства [1]).

. . . . . .

«На всемъ широкомъ свѣтѣ нѣтъ королевства такого безряднаго и распустнаго, какъ польское, и нигдѣ нѣтъ такого крутаго владѣнія, какъ въ этомъ славномъ государствѣ русскомъ». Въ той и другой крайности виновными оказываются иностранцы и ихъ вліяніе. «Нѣмцы заразили свѣтъ распустой и ограниченіемъ самовластія». Отъ нихъ заимствовали и ляхи свою анархію. Начинателемъ русскаго «людодерства» (тирранства) былъ царь Иванъ грозный; но онъ же «хотѣлъ сдѣлать изъ себя варяга, нѣмца, римлянина,—кого угодно, только не русскаго и не славянина». Не довольствуясь пріобрѣтеннымъ имъ могуществомъ, онъ захотѣлъ суетной славы: его «домашніе бахари» (Крижаничъ не подозрѣваетъ, что въ томъ числѣ были и славяне, и складываетъ вину на грековъ, въ частности на патріарха Іеремію, пріѣзжавшаго въ Россію въ 1588 году) придумали ему вздорныя и вредныя сказки о томъ, что Москва—третій Римъ и что ея государь—потомокъ Августа [2]).

. . . . . .

«Яко равно цѣлость главы есть здравіе всего тѣла; тако цѣлость самовладства есть днище доброму стоянію всего народа. Что бо вершина рѣкѣ, что корень древу, что подвалины и днище храму; то есть Самовладство народному добру стоянію . . . за что . . . на вѣки укрѣпляемъ совершенно Самовладство въ семъ кролевству нашемъ Русскомъ, при себѣ и при своихъ наступнекахъ, кралехъ Русскихъ. Сія есть наша крѣпкая заповѣдь и неотмѣна устава: да самовладство сіе наше ни въ чемъ не нарушено пребываетъ. Мы оно сами крѣпимъ и во всемъ цѣло обдержавать хочемъ: и отъ васъ всѣхъ, со всякою вѣрностію и силою, обдержено быть заповѣдаемъ. А аще бисмо мы сами, ильти бѣху наши наступники, что нибудь учинили, что бы самовладской области ненарядно или непригодно было,

[1]) Тамъ же, стр. 121—122.

[2]) Стр. 122.

да оно дѣло будетъ ничего негодно и завержено» (Рукопись ч. II, стр. 49) [1]).

. . . . . .

Остается деликатный вопросъ о введеніи монархической власти въ извѣстныя законныя рамки. Крижаничъ думаетъ рѣшить этотъ вопросъ путемъ предоставленія разнымъ классамъ умѣренныхъ привилегій—«слободинъ». Нисколько не ограничивая самодержавія, такія «слободы», напротивъ, могутъ лишь быть ему полезны [2]).

. . . . . .

Однако же, эти вольности не должны ограничивать самодержавія, даются условно и во всякое время могутъ быть отобраны [3]).

7. Царствованіе Петра Великаго (1682—1725).

а) Военный Артикулъ.

Къ этому времени (послѣдній періодъ реформы Петра) относится первое въ нашемъ законодательствѣ опредѣленіе существа монархической власти, заимствованное, впрочемъ, буквально изъ шведскаго права. Именно, въ воинскихъ артикулахъ (1716) гл. III, толкованіе къ артикулу 20: (сравненіе сдѣлано H. Hjärne въ его интересной статьѣ: ryska konstitutions-project år 1730 efter swenska förebilder въ Historisk Tidskrift 1884 häftet 3.200).

Его Величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять.

Seine Majestät sind ein souveräner Monarch, der niemanden auf Erden von seinen Verrichtungen Rede und Antwort geben darf, sondern Macht und Gewalt haben, dero Reich und Länder als ein christlicher Potentat nach eigenem Willen und Gutdünken zu regieren [4]).

---

1) Романовичъ-Славатинскій. Система Русскаго Государственнаго Права. Ч. I, изд. 1886 г. стр. 11.

2) Милюковъ. Очерки, ч. III, стр. 125.

3) Тамъ же, стр. 126.

4) П. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго (1905 г. изд. 2) стр. 500, 501.

Рѣшеніе риксдага 1693 г. шведскій король есть «самодержавно всѣмъ повелѣвающій суверенный король, который ни передъ кѣмъ на землѣ не отвѣтственъ за свои дѣйствія, но имѣетъ власть и силу по своему желанію и какъ христіанскій король править и царствовать своимъ государствомъ».

(Sveriges konung är «en Enwälds allom ljudande Souverain konung, den ingen pa Iorden är for des Actioner responsabel, utan har Macht och wåld efter sit behag och sam een Christelig Konung at styra och regera sitt Rÿke»).

б) Духовный Регламентъ.

Ср. Отдѣлъ II сей Справки (Законъ), стр. 102, 106.

в) 1726 Апр. 21 (4870) Правда воли Монаршей [1]).

Всякій государь, наслѣдіемъ ли или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оное пріемлетъ: Богомъ бо царіе царствуетъ . . . отъ Господа дается имъ держава . . . владѣетъ Вышній царствомъ человѣчьимъ и ему же восхощетъ даетъ его.

. . . . . .

Но обще у всѣхъ народовъ....сіе нарѣчіе маестетъ, или Величество, употребляется за самую крайне-превосходную честь, единымъ токмо верховнымъ властямъ подается, и значитъ не токмо достоинство ихъ превысокое, и котораго, по Бозѣ, большаго нѣтъ въ мірѣ, но и власть законодательную крайне дѣйствительную, крайній судъ износящую, повелѣніе неотрицаемое издающую, а самую ни каковымъ же законамъ не подлежащую: тако изряднѣйшіе законоучители описуютъ Величество, между которыми Гугонъ Гроцій именно такъ глаголетъ: высочайшая власть (Величество нарицаемая) есть, которой дѣянія ни чьей же власти не подлежатъ, такъ дабы могли уничтоженная быти изволеніемъ другаго человѣка; когда же глаголю, другаго, изъемлю самого его, кто такую власть высочайшую имѣетъ: ему бо волю свою перемѣнити мощно. . . . . .

1) «Рядомъ съ законодательною формулировкою власти (въ воинскомъ уставѣ и духовномъ Регламентѣ) мы встрѣчаемъ также ея теоретическую формулировку. Съ подобнымъ научно-философскимъ обоснованіемъ власти выступилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Правдѣ воли Монаршей, писанной (въ 1722 году) по порученію Петра (Латкинъ. Учебн. исторіи Рус. права. (1899) стр. 214.

. . . . . .

И тако всякъ Самодержавный Государь человѣческаго закона хранити не долженъ, кольми же паче за преступленіе закона человѣческаго не судимъ есть: заповѣди же Божія хранити долженъ, но за преступленіе ихъ самому токмо Богу отвѣтъ дастъ и отъ человѣкъ судимъ быти не можетъ. Что все довольно покажемъ и отъ разума естественнаго, и отъ слова Божія, и древнихъ учителей свидѣтельствомъ.

Вѣдаемъ сіе во-первыхъ отъ естественнаго разума: понеже бо нарицается и есть верховная, высочайшая и крайняя власть, то како можетъ закономъ человѣческимъ подлежати; аще бы подлежала, не была бы верховная. А когда и сами Государи творятъ то, что гражданскіе уставы повелѣваютъ, творятъ по волѣ, а не по нуждѣ: се же или образомъ своимъ поощряя подданныхъ къ доброхотному законохраненію, или и утверждая законы яко добрые и полезные.

. . . . . .

И уже довольно разумѣемъ, како сильна, законами не связуема и суду человѣческому отнюдь неподлежащая есть самодержавная власть, и сія то оной сила въ славной своей титлѣ Маестетъ или Величество содержится сіе же уразумѣвше, безъ сумлѣнія разумѣемъ, и безъ всякаго прекословія исповѣсти долженствуемъ, что всякъ Самодержецъ, какъ во всѣхъ прочіихъ, такъ и въ семъ (о немъ же рѣчь сія) дѣлѣ своемъ, то есть, въ опредѣленіи наслѣдника на престолъ свой, весьма воленъ и свободенъ есть.

. . . . . .

Индѣ же вся держава въ рукахъ единаго лица держится: и сія именуется Монархія, то есть Самодержавство.

. . . . . .

Сіе же глаголемъ о честномъ и правильномъ началѣ Монархіи, не воспоминая здѣ Монархіи оныхъ, которыя начало приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насильствіемъ народъ себѣ покорившаго, яковое начало имѣла Монархія Ассирійская отъ Немврода, хотя и въ таковыхъ Монархіяхъ, когда уже народъ неприкосновенно, безмятежно, еще же и доброхотно повиноватися Самодержцу своему приобыкъ, разумѣти подобаетъ, что домъ Монаршій не къ тому насильствіемъ своимъ похищенное, но всенародною волею отданное

себѣ скипетро держитъ, самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тое преклонную волю свою.

. . . . . .

Долженъ народъ, безъ прекословія и роптанія, вся отъ Самодержца повелѣваемая творити, ...

. . . . . .

. . . . . аще бо народъ воли общей своей совлекся и отдалъ оную Монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія законы и уставы, безъ всякой отговорки.

. . . . . .

Кольми же паче не можетъ народъ повелѣвати что либо Монарху своему: како бо повелѣвати можетъ тому, которому отдалъ волю свою.

. . . . . .

Хотя народъ изъ начала наслѣдной монархіи и усматриваетъ мужа добраго, который бы съ великаго отечества пользою царствовати моглъ; однакожъ, когда уже избралъ его Самодержцемъ своимъ, а онъ не таковъ, какова его надѣялся, покажется, или и бывъ на время добръ, перемѣнится въ злаго, не можетъ уже народъ отставите его, не можетъ бо отданной ему воли своей отняти, коею бы волею моглъ бы сіе творити; понеже воли своей и власти лишился.

. . . . . .

Но долженъ терпѣти народъ кое либо Монарха своего нестроеніе и злонравіе: якоже и Духъ Святый повелѣваетъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ повиноватися, развѣ бы при перваго Монарха избраніи положенные нѣкіе договоры, самаго Монарха соизволеніемъ, или и клятвою утвержденные, которыхъ за неисполненіе установлено бы Монарха отставляти, но тая монархія не прямая была бы монархія еще же и непрестаннымъ бѣдствіямъ подлежащая (мощно бо злымъ человѣкамъ и добрая дѣла Монаршая толковати на зло) и весьма не таковая, о яковой намъ слово сіе.

. . . . . .

Можетъ Монархъ Государь законно повелѣвати народу, не только все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все что ему ни понравится, только бы народу не вредно и Волѣ Божіей не противно было. Сему же могуществу его

основаніе есть вышеупомянутое, что народъ правительственной власти своей совлеклся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежатъ всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ, и прочая, и прочая, и прочая.

г) Иванъ Посошковъ. Книга о скудости и богатствѣ (въ 1724 году) [1]).

. . . . . .

Понеже Царь нашъ совершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ, онъ, нашъ Государь, подобенъ Богу, еже восхощетъ можетъ сотворити и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснутися его не можетъ [1]).

. . . . . .

А и питейный сборъ, по моему мнѣнію, весьма есть неисправно дѣется, и отъ того Царскаго интересу много тратится: первое, что бурмистры живутъ въ тѣхъ службахъ непрочные, но на каждый годъ перемѣнные; другое, что уборъ питейныхъ покоевъ плохъ, и питья держатъ самыя плохія; третіе, что цѣна питью одному обрѣтается разная: вину—имя одно, а цѣною продаютъ разною, и каждый городъ особливую цѣну имѣетъ; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство [2]).

Нашъ Царь не купецъ, но Самодержавный Повелитель: какъ чему повелитъ быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и нимало ни на право, ни на лѣво не-подвижно; яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и Царь въ своей державѣ имѣетъ власть, и по Его Царской власти надлежитъ всякой власти вящще быть постоянной и похвальной, и чтобы яко мѣры вездѣ равныя, и цѣнѣ подобаетъ быти равной, никогда неизмѣнной; како въ хлѣбородномъ году, тако и въ недородномъ; и какова цѣна въ безхлѣбномъ мѣстѣ, тако подобаетъ продавать и въ самомъ въ хлѣбномъ мѣстѣ; ни питья не из-

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова, изданныя Михаиломъ Погодинымъ. Москва. 1842.

[2]) Глава IX (о Царскомъ интересѣ) стр. 220.

мѣнять, ни мѣры, ни цѣны не нарушивать, но имѣть все невредно.

. . . . . .

А и продажная вину цѣна положить бы не по подрядной цѣнѣ смотря, но по самому изволенію Царскому Величеству, древній обычій былъ вельми неправиленъ, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставятъ, то дороже де продавали; а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали и по такому уставу стали быть уставщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ.

И ради такого порядка во всѣхъ городѣхъ цѣна несогласная, и тотъ уставъ, по моему мнѣнію, былъ вельми противенъ Царскаго Величества самовластію [1]).

Вину надлежитъ въ продажѣ цѣнѣ быть единоравной и неизмѣнной, чтобъ она была во всѣхъ городѣхъ равна; и аще во всѣхъ городѣхъ цѣна вину будетъ едина, и вино вездѣ будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибыленъ; потому что изъ города въ городъ вина попрежнему возить не станутъ; но куда пріедетъ, тутъ и купить будетъ.

А по самодержавной власти Его Императорскаго Величества надлежитъ во всѣхъ Россійскихъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ, кромѣ Сибири, цѣна имѣть продажѣ неизмѣнная, яко такова въ Санктпетербургѣ, такова и въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ городѣхъ и урочищахъ [2]).

. . . . . .

Иноземцы въ своихъ иноземскихъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенію въ нихъ матеріялу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро и мѣдь. Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради идѣже узримъ имя его Царскаго Величества назначено, то мы честно и опасно хранимъ [3]).

. . . . . .

Царь—судья и подобенъ онъ Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя Царское отъ мірскихъ нельзя быть неотмѣннее;

---

[1]) Тамъ же, стр. 231.
[2]) Стр. 240.
[3]) Стр. 282.

ибо и въ судѣ у Царя, яко у Бога, нѣтъ лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну—въ семъ судъ единъ; и то сталъ быть судъ Божій [1]).

8. Царствованіе Екатерины I (1725—1727).

. . . . . И при малолѣтнемъ Петрѣ II Верховный Тайный Совѣтъ, согласно съ «Тестаментомъ» Екатерины I, осуществлялъ всѣ функціи регентства и обладалъ, по выраженію пункта 5-го «Тестамента», «полною властью правительствующаго самодержавнаго государя» [2]).

9. Царствованіе Анны Іоанновны (1730—1740).

а) Попытка ограниченія власти.

. . . . . Верховный Тайный Совѣтъ выбралъ преемницей Петру II племянницу Петра I, вдовствующую герцогиню Курляндскую, Анну Іоанновну, предложивъ ей кондиціи, ограничивавшія ея самодержавіе. Кампредонъ, тогдашній французскій посланникъ при рускомъ дворѣ, предсказывалъ, что учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта—первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія; . . . .

. . . . . Самый энергичный изъ членовъ верховнаго Совѣта, кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, обратился къ остальнымъ товарищамъ съ слѣдующими словами: «понеже кончиною Петра II мужское колѣно Петра Великаго пресѣклось; Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти . . . . . то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами, и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями», Анна Іоанновна подписала эти условія, которыми обязывалась . . . . . Всѣ ограниченія . . . . были сдѣланы въ интересѣ одного Верховнаго Тайнаго Совѣта [3]).

2 Февраля 1730 года, на собраніи, противники верховниковъ, побудившихъ Анну Іоанновну подписать извѣстныя «кон-

[1]) Тамъ же, стр. 257.

[2]) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права. 1899, стр. 219.

[3]) А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система госуд. пр. ч. I (1899), стр. 65.

диціи», ограничивавшія ея власть,—изъ Синода, Сената, Генералитета и прочихъ особъ, по выслушаніи письма вновь избранной Императрицы, въ которомъ она обѣщаетъ всѣ условія «кондиціи» «безъ всякаго изъятія содержать», должны были подписаться подъ слѣдующимъ протоколомъ:

«Февраля 2 дня вышеписанные Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшее писаніе і пункты, писанные Генваря 28 числа за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, которые присланы 3 генераломъ маеромъ Леонтьевымъ Верховному Тайному Совѣту, Святѣйшій Синодъ, Сенатъ, Генералитетъ і протчие тѣхъ ранговъ, выслушавъ—за такую Ея Императорскаго Величества показанную ко всему государству неизреченную милость, благодарили Всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что того Ея Величества милостію весьма довольны и подписуемся своими руками».

Однако это подписаніе не состоялось, несмотря на стараніе князя Дмитрія Михайловича Голицына.

Всѣ молчали. Объ этой минутѣ пишетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ: «И дивное было всѣхъ молчаніе!»

Синодальные Члены прямо изъ собранія отправились въ засѣданіе Синода и (какъ протестъ конституціоннымъ замысламъ верховниковъ) составили протоколъ о томъ, чтобы титулъ Анны Іоанновны, согласно титулу прежде царствовавшихъ государей, заключалъ въ себѣ «самодержавіе» [Арх. Св. Синода, 1730 г., дѣло № 34, л. 69] [1]).

По приказанію Синода протодіаконъ провозгласилъ на молебствіи имя Анны Іоанновны «съ полною монаршескою титлою, самодержавіе въ себѣ содержащею» (Ѳеофанъ, «Сказаніе», стр. 206). Верховники не ожидали такого скораго и открытаго провозглашенія Анны Іоанновны самодержицей—но дѣлать было нечего. Затаивъ свою злобу противъ Синода, кн. Д. М. Голицынъ сталъ доканчивать свои распоряженія.

4 Февраля протоколъ собранія 2 Февраля былъ подписанъ 69 лицами. Въ тотъ же день результатомъ секретныхъ совѣщаній верховниковъ явился между прочимъ актъ, составленный Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ: постановленіе о титулѣ Анны Іоанновны.

[1]) Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны. Критич. этюдъ Д. А. Корсакова выпуск. 1. Казань, 1880. Стр. 121—123.

Въ протоколѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 4 Февраля читаемъ:

«Ея Императорскаго Величества титулъ употреблять, какъ въ молитвахъ церковныхъ, такъ и въ отправляемыхъ грамотахъ внутри и внѣ государства, въ указахъ, челобитныхъ и въ прочихъ во всѣхъ, противъ того, какъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императрицы Екатерины Алексѣевны употреблялось; и о томъ въ синодъ, въ сенатъ и въ коллегіи послать указы, а въ губерніи и въ прочія мѣста послать указы изъ сената, а въ армію изъ военной коллегіи».

Форма титула была слѣдующая: «Божіею милостію Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская».

(См. П. С. З. Т. VIII, № 5501).

Верховникамъ только оставалось утвердить форму титула Анны Іоанновны сообразно съ протодіаконскимъ провозглашеніемъ.

«Да тожъ верховникамъ весьма не любо стало, и каялись, что о томъ прежде запамятовали посовѣтоваться»—говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ— «и когда въ тотъ же день синодъ посылалъ во всѣ страны письменныя титулованія государыни формы, посылали и они; но титлы самодержавія, уже прежде обреченной перемѣнить не посмѣли» (сказаніе, стр. 206) [1]).

б) Манифестъ о самодержавіи.

Ср. Отдѣлъ II сей справки (законъ) стр. 102.

в) Изъ прошенія о самодержавіи второй челобитной, поднесенной Аннѣ Іоанновнѣ 25 Февраля 1730 года.

«Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоановна, Самодержица Всероссійская!»—такъ начиналась эта новая челобитная. «Когда Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно, для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего, сего числа подписать»,—читаемъ въ челобитной—«недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за такъ превосходную Вашего Императорскаго Величества милость. Однакожъ усердіе вѣрныхъ подданныхъ,

[1]) Тамъ же, стр. 130—132.

которое отъ насъ должность наша требуетъ»,—продолжаетъ челобитная—«побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять Самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить [1]).

г) Изъ письма Волынскаго къ Салтыкову изъ Казани.

«Слышно здѣсь, что дѣлается у Васъ въ Москвѣ, чтобы у насъ быть республикѣ. Я зѣло въ томъ ограниченъ. Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя 10 полновластныхъ и сильныхъ фамилій: и тогда мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и будемъ принуждены горше прежняго идолопоклонничать и милостыни просить [2]).

д) Ѳеофанъ Прокоповичъ.

. . . . . Болѣе всѣхъ агитировалъ въ пользу самодержавія авторъ «Правды воли монаршей» Ѳеофанъ Прокоповичъ. «Русскій народъ, говорилъ онъ, таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если какое нибудь иное владѣніе правило воспріемлетъ содержаться ему въ цѣлости и благосостояніи отнюдь невозможно» [3]).

е) В. Н. Татищевъ.

I. Изъ записки Татищева подъ названіемъ «Произвольное и согласное разсужденіе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ» (1730) [4]).

. . . . . .

«Великія и пространственныя государства для многихъ сосѣдей, завидующихъ, оныя (т. е. аристократія и демократія), никоторымъ изъ объявленныхъ нравиться не могутъ; особливо

---

[1]) Тамъ же, стр. 275.

[2]) А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система Русскаго государств. права (1886), т. I стр. 66 и В. Н. Латкинъ, Учебникъ исторіи русскаго права (1899) стр. 221.

[3]) Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права 1899, стр. 221.

[4]) Сборникъ «Утро» на 1859 годъ, стр. 369—379.

гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда, законъ хранитъ; въ таковыхъ не иначе, какъ само- или единовластіе потребно демократія, ибо пространство великое государства тому препятствуетъ».

. . . . . .

Нынѣ можно разсмотрѣть, которое изъ сихъ трехъ правительствъ, по состоянію нашего государства, есть полезнѣйшее.

Во-первыхъ демократія никакъ употребиться не можетъ, ибо пространство великое государства тому препятствуетъ. Аристократія насъ довольно вредомъ приключеннымъ научила: для сего нужно исторически прежде бывшее воспомянуть.

Мы хотя собственной до Рюрика исторіи не имѣемъ, однако намъ греческіе, римскіе и сѣверные древніе писатели довольно тотъ недостатокъ награждаютъ, именуя предковъ нашихъ скиѳами, и сказуютъ, что имѣли самовластныхъ государей. Отъ Рюрика по нашимъ собственнымъ исторіямъ видимъ: до Мстислава Великаго было совершенное единовластительство, и не болѣе какъ чрезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ государство наше всюду распространилось, ибо по Дунай, Бугъ, Вислу, Нѣманъ и проч. границы свои распростирало; науками народъ довольно просвѣщенъ былъ; торгами въ Греціи, на сѣверъ и до Каспійскаго моря довольно богатился; содержаніемъ достаточныхъ войскъ всѣмъ сосѣдямъ были страшны, и союза русскаго прилежно искали, какъ о Грекахъ, Венграхъ, Полякахъ и короляхъ нѣмецкихъ исторія свидѣтельствуетъ, къ не малой государства пользѣ и чести; браками съ великими государями обязывалися, яко съ восточными и западными императоры, съ королями Франціи, Венгріи, Норвегіи, Швеціи, Польши,—что наши и ихъ исторіи утверждаютъ.

Какъ скоро великіе князи дѣтей своихъ равно стали дѣлить, и оные удѣльные, не повинуяся великимъ князямъ, ввели аристократію, а потомъ несогласіями другъ друга разоряли, и сдѣлались великіе князи безсильны, тогда Татары, нашедъ, всѣми обладали; Литовцы бывшую подъ властію многую часть отъ государства отторгнули. И такъ пребывало государство въ рабствѣ татарскомъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 371, 372.

Іоаннъ Великій осмѣлился ту аристократію истребить. Многія княженія присовокупя, паки монархію возставилъ, и, усилився, не токмо власть татарскую низвергнулъ, но многія земли у нихъ и Литвы, ово самъ, ово сынъ его, возвратилъ. И такъ государство прежнюю свою честь и безопасность пріобрѣло, что продолжалось до смерти Годунова.

По низверженіи Лжедимитрія, коварное избраніе Шуйскаго и зависть въ томъ Голицына и другихъ привели на новое безпутство: взять на государя запись, которою всю власть, у государя отнявъ, себѣ похитили, подобно какъ и нынѣ; но что изъ того послѣдовало? Крайнее государства разореніе. Поляки и Шведы многіе древніе русскіе предѣлы отторгнули и овладѣли.

Царя Михаила Ѳеодоровича хотя избраніе было порядочно всенародное, да съ такою же записью, чрезъ что̀ онъ не могъ ничего учинить, но радъ былъ покою.

Царь Алексій Михайловичъ, получа случай самому въ Польшѣ войскомъ управлять, и чрезъ то силою паки часть самовластія возвратя, многіе предѣлы отъ Польши возвратилъ; и если бы ему властолюбивый Никонъ патріархъ не воспрепятствовалъ, тобъ конечно болѣе пользы государство его самовластіемъ пріобрѣло.

Петръ Великій все оное усугубилъ, и большую нежели его предки себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользы принесъ, какъ то весь свѣтъ можетъ засвидѣтельствовать; и посему довольно всякъ благоразсудный видѣть можетъ, колико самовластное правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны [1]).

II. Изъ «Исторіи Россіи» (1739).

. . . . . .

Въ «Исторіи Россіи» мы находимъ повтореніе и развитіе тѣхъ доводовъ въ пользу Самодержавія, которые приводятся въ «Разсужденіи». Въ 45-й главѣ 1-й книги (о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ), Татищевъ излагаетъ свои политическія убѣжденія [2]).

1) Тамъ же, стр. 372.

2) Н. И. Черняевъ. Необходимость самодержавія для Россіи, 1901, стр. 224.

. . . . . .

Власть государя Татищевъ считаетъ дальнѣйшимъ развитіемъ семейнаго начала [1]).

. . . . . .

Переходя къ вопросу о различіи между монархіей, аристократіей и демократіей и о сравнительныхъ выгодахъ этихъ трехъ видовъ правленія, Татищевъ почти дословно повторяетъ то, что писалъ въ 1730 году, приводя при этомъ нѣкоторыя историческія данныя и историко-философскія соображенія, о которыхъ не упоминается въ «Разсужденіи», въ доказательство, что изъ всѣхъ формъ правленія къ Россіи подходитъ лишь Самодержавіе [2]).

. . . . . .

Дѣлая бѣглый очеркъ государственнаго устройства Россіи, Татищевъ исходитъ изъ положенія, что славяне, которыхъ онъ отождествляетъ со скиѳами, издревле имѣли «самовластныхъ государей», благодаря чему и пользовались «много сотъ лѣтъ» безопасностью и спокойствіемъ. «Отъ Рюрика до кончины Мстислава, сына Мономахова, говоритъ Татищевъ: самовластіе ненарушимо содержалось, хотя Рюрикъ, Владиміръ и Святославъ не мало удѣльныхъ князей въ довольномъ страхѣ, яко подвластныхъ, содержали, и наслѣдіе престола шло порядкомъ превосходства [3]).

. . . . . .

«Черезъ то (татарское) самодержавство, говоритъ Татищевъ: сила и честь русскихъ государей угасла, тогда князья литовскіе, бывшіе въ подданствѣ, не токмо подданства и послушанія великимъ князьямъ отреклись, но многія княженія русскія едино по другомъ овладѣвъ, стали великими князьями литовскими и русскими писаться. Новгородъ, Плесковъ и Полоцкъ, учиня собственныя демократическія правительства, такожъ власть великихъ князей уничтожили».

Выяснивъ, съ своей точки зрѣнія, тѣ гибельныя послѣдствія, къ которымъ привело древнюю Русь паденіе Самодержавія и господство аристократическихъ и демократическихъ на-

---

1) Тамъ же, стр. 225.

2) Тамъ же, стр. 225.

3) Тамъ же, стр. 226 и 227.

чалъ, Татищевъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывается объ Іоаннѣ III, Василіи III и Іоаннѣ Грозномъ, какъ о государяхъ, положившихъ конецъ удѣльной системѣ и возстановившихъ Самодержавіе, а вмѣстѣ съ нимъ и политическое могущество Россіи [1]).

. . . . . .

«Іоаннъ Великій, говоритъ Татищевъ: какъ сказано, опровергнувъ власть татарскую, паки совершенную монархію, возстановилъ, и о наслѣдіи престола единому сыну, учиня законъ, соборомъ утвердилъ, и хотя онъ другимъ дѣтямъ и племянникамъ удѣлы давать не отрѣшилъ, но малые, не болѣе трехъ градовъ, чрезъ другія владѣнія, чтобъ не могли силъ своихъ совокуплять, ихъ же въ полную власть и судъ великаго князя или Царя опредѣлилъ, чрезъ что въ краткое время сила и честь Государя умножилась» [2]).

. . . . . .

По мнѣнію Татищева, аристократія господствовала у насъ не только въ смутное время, но и въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Возстановителями Самодержавія, какъ мы уже знаемъ, онъ считалъ Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. «Вышеобъявленный безпутный и государству вредный правленія порядокъ царь Алексѣй Михайловичъ поправилъ, и власти своея прибавилъ, коему властолюбивый патріархъ Никонъ столько въ томъ воспрепятствовалъ, что онъ не могъ совершенно самовластія получить, а по сверженіи онаго, болѣзни и другія препятствія не допустили. Петръ Великій въ 1721 году изъ опредѣленій и указовъ, какъ тогда писали Великій Государь, указалъ и бояре приговорили, яко противное самодержавству, повелѣлъ выкинуть, а писать одно свое повелѣніе, чрезъ что власть вельможъ отринута, и единовластіе утверждено, а чтобы имя бояръ впредь никого не соблазняло, то оное оставивъ, далъ чины совѣтниковъ разныхъ степеней, яко же придворные и военные, чрезъ что оное въ совершенное забвеніе пришло [3]).

---

1) Тамъ же стр. 227.

2) Тамъ же, стр. 228.

3) Тамъ же, стр. 229, 230.

10. Царствованіе Екатерины II (1762—1796).

а) 1785 Апрѣля 21 (16187) Грамата на права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго Дворянства.

. . . . . .

. . . . . .

Извѣстно всенародно, что въ семъ титулѣ Нашего Самодержавства не вмѣщены мнимыя или Намъ неподвластныя Царства, Княженія, Области, города или земли чуждыя; но паче означаются самыя обширныя Наши владѣнія кратчайшими именованіями; ибо многочисленныя суть.

. . . . . .

. . . . . .

Обыкла Россія изстари видѣть службы, вѣрность, усердіе и труды всякаго рода, отъ Престола предковъ Нашихъ во всякое время изобильно награждаемые, почестьми украшаемые и отличностьми предпочитаемые; сему свидѣтельства подлинныя находятся въ древнѣйшихъ поколѣніяхъ родовъ Нашего вѣрнолюбезнаго подданнаго Россійскаго Дворянства, которое ежечасно бывъ готово подвизатися за Вѣру и отечество, и нести всякое бремя наиважнѣйшаго Имперіи и Монарху служенія, потомъ, кровію и жизнію пріобрѣтало помѣстья, съ оныхъ имѣло свое содержаніе, а умножая заслуги, получало въ награжденіе отъ Самодержавной власти помѣстья въ вотчины себѣ потомственно.

. . . . . .

. . . . . .

А. О личныхъ преимуществахъ Дворянъ.

. . . . . .

. . . . . .

19. Подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе вступать въ службу прочихъ Европейскихъ Намъ союзныхъ Державъ, и выѣзжать въ чужіе краи.

20. Но какъ благородное дворянское названіе и достоинство изстари, нынѣ да и впредь пріобрѣтается службою и трудами,

Имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе Россійскаго Дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола: и для того во всякое таковое Россійскому самодержавію нужное время, когда служба Дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной Дворянинъ обязанъ по первому позыву отъ Самодержавной Власти не щадить ни труда, ни самаго живота для службы Государственной [1]).

б) Изъ наказа коммисіи о сочиненіи новаго уложенія [2]).

. . . . . .

§ 9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства.

§ 10. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое.

. . . . . .

§ 12. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

. . . . . .

§ 19. Сказано Мною: власти среднія, подчиненныя и зависящія отъ верховной: въ самой вещи Государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти.

ГЛАВА X (§ 148—151).

. . . . . .

«Самодержецъ, представляющій и имѣющій во своихъ рукахъ всю власть, обороняющую все общество, можетъ одинъ издать общій о наказаніи законъ, которому всѣ члены общества подвержены: однако, онъ долженъ воздержаться, чтобъ самому не судить; почему и надлежитъ ему имѣти другихъ особъ, которые бы судили по законамъ».... «Когда бы жестокость наказаній не была уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то къ отриновенію оныя довольно и сего, что она

[1]) П. С. З. 1785 Апр. 21 (16187).

[2]) Ср. Первое П. С. З. (12949).

безполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива».... «Судьи, судящіе о преступленіяхъ, не законодавцы, не могутъ имѣть права толковать законы о наказаніяхъ. Такъ кто же будетъ законный оныхъ толкователь. Отвѣтствую на сіе: Самодержецъ, а не судья; ибо должность судіи въ томъ единственно состоитъ, чтобъ изслѣдовать: такой то человѣкъ сдѣлалъ ли или не сдѣлалъ дѣйствія, противнаго закону.

§ 210. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то Я преодолѣваю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю въ обыкновенномъ общества состояніи: ибо смерть гражданина можетъ быть въ одномъ только случаѣ быть потребна, когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойствіе. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣсто, кромѣ, когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія, всего народа желаніями утвержденнымъ въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою и вкоренившимся мнѣніемъ о гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца; въ такомъ государствѣ не можетъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія Императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

ГЛАВА XXII.

. . . . . .

Богатства Государевы суть: или просто владѣльческія, поелику нѣкоторыя извѣстныя вещи ему, какъ частному нѣкоему помѣщику и господину, принадлежатъ: или какъ богатства Самодержца, владычествующаго по сему, Богомъ данному, званію надо всѣмъ тѣмъ, что общенародную казну составляетъ. Доходы, принадлежащіе Государю, суть также двоякаго рода: или какъ частнаго нѣкоего владѣльца, или какъ державы правителя. Го-

сударь первыми владѣетъ самъ собою. Но, поелику самодержецъ, счисляетъ онъ: 1) всѣ доходы имѣній государственныхъ во всецѣломъ ихъ объятіи; 2) налоги на то, чѣмъ другіе владѣютъ. Сего послѣдняго дохода благоразумный Самодержецъ никогда безъ крайняго соболѣзнованія не умножаетъ и, дѣлая то, прилежно смотритъ, чтобъ учрежденіе налоговъ чинимо было по мѣрѣ имущества подданныхъ, чтобы не превосходило мѣры ихъ возможности въ разсужденіи ихъ имѣній, и чтобы не обременяло гражданъ больше, нежели естественно имъ поднять и по справедливости отъ нихъ требовать можно (625—631).

Дополненіе къ Наказу заканчивается указаніемъ на тѣсную связь между всѣми частями «государственнаго строительства» (хозяйства). «Одно всѣхъ сихъ частей сопряженіе можетъ составить, укрѣпить и въ вѣки продлить безопасность государства, благосостояніе народа и славу Самодержца» (Ст. 655).

в) Изъ записей Императрицы Екатерины II [1]).

Власть, не пользующаяся довѣріемъ народа, ничего не значитъ для государя, желающаго быть любимымъ и царствовать со славою. Этого легко достигнуть, имѣя въ виду благо народа и справедливость.

Что можетъ противостать безпредѣльной власти неограниченнаго государя, который управляетъ воинственнымъ народомъ.

г) Наставленіе князю Вяземскому.

. . . . . Та же мысль (о томъ, что пространное государство предполагаетъ самодержавную власть) выражена Императрицей Екатериной II и въ «секретномъ наставленіи князю Вяземскому», а именно: «Россійская Имперія столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна ей, ибо всѣ прочія медлительныя въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и предпочитающаго общее добро своимъ собственнымъ» [2]).

---

[1]) «Русская Старина», 1896, Ноябрь, стр. 245—247.

[2]) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права. 1899, стр. 223.

Въ 1782 году Екатерина сказала своимъ приближеннымъ: «я въ душѣ республиканка и деспотизма ненавижу, но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима» [1]).

11. Царствованіе Павла (1796—1801).

1797 Апр. 5 (17906). Учрежденіе объ Императорской фамиліи (Ср. отд. II сей справки, стр. 112).

12. Царствованіе Александра I (1801—1825).

а) Н. М. Карамзинъ Записка «о древней и новой Россіи» (1811).

. . . . . Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить, ни жаловать,—всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, мнѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева [2]).

. . . . . .

. . . . . Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержавцемъ, монархомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовію къ отечеству, взывали только: Богъ и Государь! Написали хартію и положили оную на престолъ; сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить единовластіе [3]).

. . . . . .

. . . . . Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что мнѣ кажется справедливымъ и что нѣкогда скажетъ Исторія.

---

[1]) Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ Россіи I (1892), стр. 665.

[2]) Стр. 2240.

[3]) Стр. 2246, 2247.

Два мнѣнія тогда были господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобъ Александръ, къ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ,—другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: «можно; надобно только поставить законъ еще выше государя». Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? [1]).

. . . . . .

Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что кромѣ единовластія неограниченнаго можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистію къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ Россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: «Государь, ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣетъ; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!» [2])....

. . . . . .

Самодержавіе есть палладіумъ Россіи: цѣлость его необходима для ея счастія: изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія. Оно было всегда ни что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ великокняжескихъ или царскихъ. Худо, ежели слуги овладѣютъ слабымъ господиномъ; но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ

[1]) Тамъ же, стр. 2271.

[2]) Стр. 2382.

своихъ и красится ихъ честію. Права благородныхъ суть не отдѣлъ монаршей власти, но ея главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный [1]).

б) Проектъ Сперанскаго (1809) [2]).

«Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія» составленъ Сперанскимъ (въ Октябрѣ 1809 г. планъ лежалъ на столѣ Императора Александра I) на основаніи продолжительныхъ бесѣдъ съ самимъ Императоромъ.

. . . . . .

По мѣрѣ сближенія съ Сперанскимъ Императоръ Александръ коснулся, конечно, въ разговорахъ не покидавшей его мысли даровать Россіи «внутреннее политическое бытіе». Вручивъ ему вышеупомянутый проектъ Новосильцова и Чарторыжскаго, государь нерѣдко проводилъ съ своимъ статсъ-секретаремъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ этому предмету относившихся. «Изъ всѣхъ сихъ упражненій», писалъ впослѣдствіи Александру Сперанскій изъ пермской ссылки, «изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашему Величеству надлежало бы наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго преобразованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правительности, достоинства и истинной силы».

«Сила всѣхъ предложенныхъ преобразованій въ томъ состояла», писалъ Сперанскій въ другой запискѣ: «чтобъ постановить управленіе имперіи на непремѣняемомъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, а съ сею цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи».

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ состояла задача, которую по

---

1) Тамъ же, стр. 2343.

2) А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I (1900).

Высочайшей волѣ предложено было рѣшить Сперанскому. Такимъ образомъ оказывается, что мысль о подобной коренной реформѣ русскаго государственнаго управленія исходила отъ самого самодержца, безъ всякаго внѣшняго вліянія или понужденія: явленіе безпримѣрное и, можно сказать, единственное въ исторіи. Касаясь этого обстоятельства въ одной изъ своихъ записокъ, Сперанскій говоритъ: «конституціи во всѣхъ почти государствахъ устрояемы были въ разныя времена отрывками и по большей части среди жестокихъ политическихъ бурь. Россійская конституція одолжена будетъ событіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устрояя политическое существованіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы» [1]).

Вслѣдствіе измѣненія воззрѣній государя, планъ не былъ осуществленъ и даже не былъ обнародованъ. Нѣкоторые отрывки изъ плана записаны русскимъ эмигрантомъ Тургеневымъ въ книгѣ la Russie et les Russes. Сохранилась рукопись плана, которая, однако, не совершенно совпадаетъ съ запискою Тургенева. Главная мысль плана та, что къ участію въ законодательствѣ, судѣ и управленіи должно допустить народныхъ представителей. Въ основаніи этого представительства лежитъ землевладѣніе [2]).

. . . . . .

Въ самомъ началѣ авторъ, Сперанскій, обращается къ исторіи для указанія той потребности, которая всегда чувствовалась въ правильномъ порядкѣ государственнаго устройства, т. е. въ представительствѣ. Сперанскій говоритъ:

«Уже въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича была почувствована необходимость положить границы абсолютной власти. Нравы того вѣка не позволили установить въ этомъ отношеніи учрежденій прочныхъ; но по крайней мѣрѣ внѣшнія формы достаточно открывали желаніе достигнуть нѣкогда такихъ учрежденій.

«Во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ считали необходимымъ совѣтоваться съ боярами, составлявшими тогда образо-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, Его жизнь и царствованіе. Томъ II, (1904), стр. 251, 252.

[2]) В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (1883), стр. 760 и

ваннѣйшую часть народа, и испрашивать для принимаемыхъ мѣръ благословеніе патріарха [1]).

. . . . . .

«Все это доказываетъ, что Россія, несмотря на свое абсолютное правленіе, очевидно идетъ къ свободѣ» [2]).

. . . . . .

«Найти средства сдѣлать основные государственные законы ненарушимыми и священными для всѣхъ, не исключая особы монарха,—говоритъ Сперанскій,—всегда было предметомъ размышленій для всѣхъ добрыхъ царей, для лучшихъ умовъ, для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ свое отечество и не отчаивается въ его благоденствіи».

Относительно формъ правленія авторъ, послѣ многихъ теоретическихъ разсужденій, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, указывающимъ на близость того времени къ эпохѣ 1789 года:

«1) Никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны.... 4) Источникъ всякой власти есть государство, страна. 5) Всякое правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ, и законно только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія.

«Въ дѣтствѣ обществъ форма правленія могла быть только деспотическая.... Но когда государи перестали быть отцами своихъ подданныхъ, когда они начали пользоваться своимъ могуществомъ противно истиннымъ интересамъ подданныхъ, тогда къ общимъ условіямъ, на которыхъ воля народа основала правленіе и которыя, по своей неопредѣленности и недостаточности, привели наконецъ къ произволу, найдено было необходимымъ прибавить спеціальныя правила, опредѣлить болѣе строго предметъ желаній народа. Эти правила названы были основными законами страны, и ихъ цѣлость—учрежденіями (конституціей) [3]).

. . . . . .

«Правленіе, устроенное такимъ образомъ, можетъ быть или ограниченная монархія, или ограниченная аристократія.

«Отсюда слѣдуетъ: 1) что основные законы государства

---

[1]) Тамъ же, стр. 150.

[2]) Стр. 152.

[3]) Стр. 153.

должны быть дѣломъ націи, 2) что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти» [1]).

. . . . . .

«Когда народъ установилъ основные законы, когда онъ взялъ клятву отъ исполнительной власти въ ихъ сохраненіи, когда онъ устроилъ какой-нибудь парламентъ, сенатъ, онъ еще не основалъ этимъ свободы, если могущество правительства остается тѣмъ же, чѣмъ оно было до существованія этихъ учрежденій» [2]).

. . . . . .

«Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. Сила можетъ быть ограничена только силою . . . . Созданія, исходящія только изъ личной воли Монарха, не могутъ служить противовѣсомъ силѣ; приписывать имъ это значеніе значило бы измѣрять пространство тяжестью. . . . . Итакъ, власть Правительства можетъ быть ограничена только властью народа.

«Обѣ эти власти имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, такъ какъ Правительство не можетъ имѣть иной власти, какъ та, которую вручилъ ему народъ».

Изъ этого основного начала авторъ извлекаетъ, между прочимъ, то слѣдствіе, что «всякое правленіе абсолютное или произвольное есть правленіе узурпированное и никогда не можетъ быть законно» [3]).

. . . . . .

«Я не знаю,—говоритъ авторъ въ началѣ,—въ чемъ состояли истинныя намѣренія русскихъ государей со времени Петра I относительно устройства Россіи; однакоже ихъ величайшей заботой было, кажется, дать этой Имперіи всѣ внѣшніе признаки монархическаго правленія, сохраняя въ своихъ рукахъ власть самую абсолютную» [4]).

. . . . . .

«Не говоря о другихъ учрежденіяхъ, что такое само русское дворянство, когда личность всякаго дворянина, его собственность, его честь, все, наконецъ, зависитъ не отъ закона,

[1]) Тамъ же, стр. 154

[2]) Стр. 15.

[3]) Стр. 154, 155.

[4]) Стр. 156.

но только отъ воли абсолютнаго властителя? Самый законъ не зависитъ ли также отъ этой воли, которая одна дѣлаетъ и провозглашаетъ этотъ законъ? . . . Право собственности есть только право, терпимое верховной властью, и собственники суть только люди, имѣющіе эту собственность въ своемъ пользованіи (usufruitiers) [3])». . . . . .

«Дума получаетъ отчеты отъ министровъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія государственной конституціи, дума имѣетъ право требовать отвѣта у министровъ и дѣлать по этому предмету представленія престолу.

Никакой новый законъ не можетъ быть обнародованъ безъ участія думы. Всѣ законы финансовые, установленіе новыхъ налоговъ, какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы въ думѣ. Законъ, принятый думой, представляется на утвержденіе императора. Законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, останется недѣйствительнымъ. Для разсмотрѣнія законопроектовъ дума назначаетъ изъ среды своей спеціальныя коммисіи.

Дума собирается ежегодно, въ извѣстный срокъ, безъ всякаго особеннаго призыва. Засѣданія продолжаются сообразно количеству разсматриваемыхъ дѣлъ. Полномочія думы прекращаются: отсрочкой до слѣдующаго года и распущеніемъ,—то и другое совершается верховной властью, по представленію государственнаго совѣта.

Дѣла предлагаются на разсмотрѣніе думы, отъ имени верховной власти, однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Отсюда исключаются: 1) представленія о нуждахъ государства; 2) представленія объ отвѣтственности; 3) представленія относительно мѣръ, противныхъ основнымъ законамъ государства. Въ этихъ трехъ случаяхъ депутаты сами могутъ взять иниціативу, исполняя предписанныя на этотъ случай формальности [2]).

. . . . . .

«Государство, устроенное такимъ образомъ, если оно и будетъ имѣть то или другое внѣшнее устройство, тѣ или другія грамоты дворянству, грамоты городамъ, два сената и столько же парламентовъ, есть государство деспотическое, и пока оно

[1]) Тамъ же, стр. 157.

[2]) Тамъ же, стр. 166, 167.

будетъ состоять изъ тѣхъ же элементовъ, ему невозможно будетъ быть государствомъ монархическимъ [1]).

. . . . . .

«Совершенная невозможность обезпечить счастіе Россіи, не касаясь нынѣшняго устройства различныхъ классовъ націи, достаточно доказываетъ необходимость подвергнуть ихъ преобразованію. Уже полвѣка назадъ признано было, что ни одно европейское государство, находясь въ сношеніяхъ съ другими государствами, не могло бы надолго сохранить деспотическое правленіе [2]).

. . . . . .

«Мудрость правительства состоитъ не въ томъ, чтобы ожидать событій и подчиняться имъ, но въ томъ, чтобы управлять ими, умѣть отнять у случая то, что этотъ случай можетъ принести вреднаго» [3]).

. . . . . .

Государственная дума должна была имѣть значеніе законодательнаго собранія. Она должна была составиться изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ, выбираемыхъ, какъ видно дальше, въ губернскихъ собраніяхъ. Предсѣдатель думы назначается изъ трехъ кандидатовъ, выбираемыхъ собраніемъ.

Законы предлагаются вообще правительствомъ; они обсуждаются въ государственной думѣ и утверждаются Императоромъ.

13. Царствованіе Николая I (1825–1856).

Графъ Сперанскій. Руководство къ познанію законовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Существо Основныхъ Законовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О силѣ и пространствѣ верховной власти.

95. Сила и пространство верховной власти опредѣляется въ нашихъ законахъ слѣдующими словами: «Императоръ

[1]) Тамъ же, стр. 158.
[2]) Стр. 160.
[3]) Стр. 160.

Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный». (Сводъ, ст. 1).

96. Въ сихъ краткихъ словахъ заключаются два положенія: 1) что Имперія Россійская есть монархія, въ коей всѣ стихіи державнаго права соединяются въ особѣ Императора; 2) что они соединяются во всей полнотѣ ихъ и пространствѣ, и слѣдовательно Имперія есть чистая Монархія. Двумя словами, весьма многозначительными, выражается въ нашихъ законахъ полнота верховной власти: самодержавіемъ и неограниченностію.

97. Слово самодержавіе имѣетъ два разные смысла. Когда оно прилагается къ государству: то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Въ семъ смыслѣ всѣ государства независимыя могутъ быть названы государствами самодержавными. Когда оно прилагается къ особѣ Государя, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія. Посему всѣ Государи въ чистыхъ монархіяхъ могли бы именоваться Самодержавцами; но именованіе сіе въ особенности присвояется Монархамъ Россійскимъ по слѣдующему историческому событію.

98. Верховная власть Великихъ Князей, и даже князей удѣльныхъ въ ихъ удѣлахъ, издревле въ Россіи была власть неограниченная.

Хотя нѣкоторые города, какъ то: Суздаль, Владиміръ, Рязань, имѣли свои мѣстныя управы и совѣты, составляемые изъ гражданъ и называемые вѣче, но сіи совѣты вѣдали только внутреннія дѣла городскія и сами по себѣ ничѣмъ не ограничивали Княжеской власти. Изъ сего общаго правила составляли изъятіе только Новгородъ и Псковъ; въ нихъ власть Княжеская утверждалась и опредѣлялась договорными грамотами и присягою.

99. Сія ограниченная власть, дѣйствуя въ законодательствѣ и правленіи, не имѣла нужды и долго не искала выражать себя въ титулахъ. Бракъ Іоанна III съ Греческою Царевною Софіею, племянницею послѣдняго Греческаго Императора Константина Палеолога, далъ сперва поводъ къ присоединенію къ гербу Московскому, т. е. къ всаднику, попирающему дракона, герба Греческой Имперіи, т. е. двуглаваго орла, съ надписью на пе-

чати: Великій Князь, Божіею милостію Господарь всея Руси.— Вскорѣ потомъ, для выраженія греческаго имени Βασιλεὺς начали употреблять слово: Царь [1]): но названіе сіе употребляли только во внѣшнихъ сношеніяхъ, внутри же сохранялось еще одно прежнее имя: Государь Великій Князь. Такъ было при Іоаннѣ III и сынѣ его Василіи. По окончательномъ покореніи Казани, коея владѣтель именовался Царемъ Казанскимъ, Іоаннъ IV принялъ уже рѣшительно титулъ Царя и Обладателя всей Россіи; а дабы выразить и другое имя, свойственное Царямъ греческимъ, онъ присовокупилъ къ тому и названіе Самодержца— точный переводъ слова: Автократоръ. Имя сіе въ титулахъ греческихъ царей было переводъ Латинскаго слова: Императоръ, и оба названія значили совершенно одно и то же, на двухъ только разныхъ языкахъ. Петръ Великій, сохранивъ титулъ Самодержца, принялъ названіе Императора. Симъ существенно ничего не прибавилъ онъ къ верховной своей власти, но онъ желалъ тѣмъ означить истинное мѣсто, какое должна была занимать Россія не въ сравненіи съ Греческою Имперіею, уже падшею, но въ настоящей системѣ государствъ Европейскихъ. Извѣстно впрочемъ, что имя: Императоръ, въ Римѣ означало верховнаго предводителя войскъ, дѣйствовавшаго во ввѣренномъ ему управленіи по собственному его усмотрѣнію, не ожидая разрѣшенія отъ другой власти, отъ сената. Впослѣдствіи, когда сіи предводители соединили въ лицѣ своемъ всѣ другія государственныя власти, имя сіе означало уже верховнаго законодателя и повелителя. Отсюда титулъ сей перешелъ и на верховныхъ обладателей Германскихъ.

100. Если бы власть ихъ была также неограниченна, какъ власть прежнихъ римскихъ императоровъ, тогда и они могли бы называться Самодержцами, или, лучше сказать, слово сіе было бы излишнимъ повтореніемъ на двухъ языкахъ одного и того же значенія, но власть германскихъ императоровъ ограничивалась Сеймами. Напротивъ, власть Россійскихъ Государей ничѣмъ не была ограничена; посему они правильно

[1]) Слово Царь не есть сокращенное слово: Caesar, но слово восточное, означающее, на Персидскомъ языкѣ, тронъ и вообще верховную власть. Оно при переводѣ Библіи замѣняло слово: Βασιλεὺς.—Названіе сіе впрочемъ употребляли и прежде Іоанна III, Изяславъ II и Дмитрій Донской. Но во время Монгольскаго владычества называли Царемъ только Хана (Сперанскій, Руков. къ позн. зак., стр. 51).

удержали за собою какъ первое, такъ и второе именованіе, ибо титулъ Самодержца означаетъ не только власть верховную, но и власть отъ всякой другой власти, какъ то, отъ сейма или внутренняго какого-либо установленія, независимую, чего титулъ Императора самъ собою, въ настоящемъ его смыслѣ, не означаетъ.

101. Слово неограниченность власти означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри Имперіи, не можетъ положить предѣловъ верховной власти Россійскаго Самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные, извнѣ государственными договорами, внутри словомъ Императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а слѣдовательно и право Самодержавное, потолику есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончится правда и гдѣ начинается неправда, кончится право и начинается самовластіе. Ни въ какомъ случаѣ Самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому; но во всѣхъ случаяхъ онъ подлежитъ однако же суду совѣсти и суду Божію [1]).

14. Царствованіе Александра III.

1881 Апрѣля 29 (118). Манифестъ.

. . . . . .

Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло Правленія въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній.

15. Исторія титула Русскихъ Государей [2]).

Въ титулѣ Всероссійскаго Императора слѣдуетъ различать три составныя части: во первыхъ, въ немъ указывается источникъ Его власти, во вторыхъ, сущность этой власти и рангъ, который Онъ занимаетъ среди другихъ монарховъ и, въ третьихъ,

---

[1]) Сперанскій. Руководство къ познанію законовъ, стр. 49 и слѣд.

[2]) А. В. Романовичъ-Славатинскій. Система русскаго государственнаго права. Ч. I, 1886 г. стр. 135 и слѣд.

объемъ владѣній, на который власть распространяется: это территоріальная часть титула.

Всѣ эти три составныя части слагались постепенно и имѣютъ исторію своего образованія. Въ этой исторіи въ миніатюрѣ изображаются существенныя черты нашей государственной исторіи—и постепенное развитіе существа власти, и видоизмѣненія въ рангѣ государя, и постепенное расширеніе государственной территоріи.

Во второй части титула указывается на сущность власти и на рангъ Всероссійскаго Императора.

Титулъ великій князь, означающій главнымъ образомъ старшаго представителя Рюриковскаго дома, не пріобрѣтаетъ еще въ кіевскій періодъ нашей исторіи точнаго и неизмѣннаго смысла, въ силу запутанности родовыхъ счетовъ и постоянныхъ споровъ за старшинство.

Болѣе точное и опредѣленное значеніе титулъ великаго князя получаетъ въ сѣверо-восточной Россіи. Здѣсь именно титулъ этотъ пріобрѣтаетъ смыслъ независимаго территоріальнаго владѣльца—самостоятельнаго князя-вотчинника, не признающаго надъ собою власти другаго князя. Поэтому, всѣ самостоятельно владѣющіе своими княжествами-вотчинами вотчинники-князья начинаютъ именовать себя великими. Кромѣ великихъ князей владимірско-московскаго, тверскаго и рязанскаго, появляются даже такіе мелкіе великіе князья, какъ кн. Пронскій, поступающій въ подручники къ господарю Витовту. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ въ первомъ періодѣ постепенно мельчало княжеское достоинство, и для наименованія болѣе важнаго князя понадобился новый терминъ—стало мельчать и велико-княжеское достоинство, и для обозначенія выдвигающагося на первый планъ великаго князя московскаго нужно было примѣнить къ нему новое наименованіе. Таковымъ явилось слово—«Государь», «Великій Государь», и прежняя формула «Великій Князь» преобразуется въ «Государь и Великій Князь». Это произошло при Іоаннѣ III.

Когда при Іоаннѣ III сложилось представленіе, что русская земля есть господина Великаго Князя Московскаго, который правитъ ею, какъ властный домовладыка своимъ домомъ—его начинаютъ величать Государемъ, Великимъ Государемъ, всея Руси. Выраженіе княжить замѣняется новымъ словомъ государить, а

слово княжество преобразуется въ государство, получающее совершенно новый, отличный отъ прежняго, смыслъ.

Скоро къ этому туземному термину, сложившемуся на мѣстной почвѣ, присоединился новый терминъ—чисто иноземнаго происхожденія [1]) . . . . . .

Титулъ царь, впервые усвояемый Іоанномъ III, дѣлается постояннымъ титуломъ Московскихъ государей при Іоаннѣ IV [2])....

Отправляя въ слѣдующемъ 1489 г. посла своего грека Юрія Траханіота къ Германскому императору, Іоаннъ III титулуетъ себя: «Божіею Милостію Великій Государь всеа Руси, Володимерскій и Московскій» и т. д. [3]) . . . . .

Что слухамъ, будто Іоаннъ просилъ у папы королевскій титулъ, въ Европѣ вѣрили, видно изъ грамоты папы Сикста IV, написанной въ 1484 г. королю польскому. Папа писалъ королю, что посолъ польскій передалъ ему слѣдующее: король знаетъ, что Московскій государь отправилъ въ Римъ пословъ съ намѣреніемъ испросить для себя титулъ императора или короля всея Россіи (. . . . Imperialem sive regalem dignitatem in tota Ruthenica natione . . . .) поэтому король [4]) . . . .

Въ договорной грамотѣ датскаго короля Іоанна, писанной въ 1493 году, Іоаннъ III названъ Императоромъ (cum illustrissimo et potentissimo domino Iohanne totius Rutzsie Imperatore Magno, Duce Validmorie, Moscovie . . . . [5]).

Въ 1506 году пріѣхалъ въ Москву посолъ римскаго короля Максимиліана съ грамотою на имя Іоанна III . . . . Іоаннъ III въ этой грамотѣ названъ былъ «великимъ княземъ и господиномъ всея Русіи».

Въ отвѣтной грамотѣ къ намъ, написанной въ 1525 г., Василій III титуловалъ себя: Magnus Dux Basilius, Dei gratia Imperator et Dominator totius Russiae... такъ же написанъ титулъ Василія III и въ другой его грамотѣ къ намъ Клименту VII [6])....

---

[1]) А. В. Романовичъ-Славачинскій, тамъ же.

[2]) В. Савва. Московскіе Цари и Византійскіе Василевсы, 1901 г., стр. 270.

[3]) Стр. 274.

[4]) Стр. 276.

[5]) Стр. 278.

[6]) Стр. 284.

. . . . . .

Свое требованіе Московскіе послы (въ царствованіе Бориса Годунова) основывали на томъ, что другіе государи пишутъ и писали Московскихъ государей царями, и предложили показать подлинныя грамоты иностранныхъ государей къ царямъ, причемъ впервые указали на извѣстную грамоту Императора Максимиліана I къ Василію III, въ которой Московскій государь названъ былъ цесаремъ и на которую впослѣдствіи ссылался Петръ Великій, въ доказательство правъ своихъ на Императорскій титулъ. «Мы Вамъ», говорили послы, «тому и грамоты подлинные покажемъ, какъ всѣ великіе христіанскіе государи и мусульманскіе государи съ великимъ государемъ нашимъ царемъ писывали прежъ сего и нынѣ пишутъ съ полнымъ царскимъ именованіемъ: цари всеа Русіи и самодержцы по ихъ царскому достоинству» и т. д. [1]). . . . . .

Еще Іоаннъ III началъ употреблять титулъ царя, но окончательно титулъ этотъ усвоивается Іоанномъ Грознымъ, получившимъ на него утвердительную грамоту вселенскихъ патріарховъ въ 1561 г. Титулъ этотъ—несомнѣнно византійскаго происхожденія, сокращеніе caesar, хотя Лакіеръ и другаго мнѣнія. Слово это издавна было извѣстно на Руси: съ нимъ связывалось представленіе о самостоятельной независимой власти. Царями называли хановъ золотой орды; царями называли князей болѣе прославившихся и уважаемыхъ (напр. Дмитрія Донского); царями называли императоровъ византійскихъ. Со словомъ царь связывалась идея международнаго господства и полной независимости отъ подданныхъ. Понятно, почему этотъ титулъ былъ принятъ именно Іоанномъ Грознымъ, который по истинѣ былъ фанатикомъ самодержавно-неограниченной идеи. Борьба съ элементами, которые мѣшали полному практическому осуществленію этой идеи, составляетъ трагизмъ его исторической роли.

Итакъ, «Государь Великій князь» преобразовался въ «Государя, Царя и Великаго князя»; московское княжество въ царство, княжить и государить—въ царствовать.

Со словомъ царь, какъ мы видѣли, была связана идея неограниченной и самодержавной власти. Понятно, почему къ

[1]) Тамъ же, стр. 351.

титулу царя скоро присоединилось слово «самодержецъ [1])»— переводъ греческаго аутократъ. Уже въ земскомъ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ мы встрѣчаемъ употребленіе подобныхъ выраженій: про Ярослава I лѣтописецъ говоритъ, что по смерти своего брата Мстислава онъ сталъ самовластцемъ; про Андрея Боголюбскаго, прогнавшаго своихъ братьевъ, сказано, что онъ пожелалъ быть самовластцемъ во всей суздальской землѣ. Одинъ изъ внуковъ Мономаха, въ уставной грамотѣ 1134 г., говоритъ о себѣ, «Се азъ князь великый Гавріилъ, нареченный Всеволодъ, самодержецъ Мстиславичъ».

Слово было готово прежде, чѣмъ жизнь выработала для него содержаніе. Употребленіе въ титулѣ слова «самодержецъ» особенно часто случалось съ Іоанна III; офиціально устанавливается при Лжедмитріи I, а въ постоянное употребленіе входитъ со времени Михаила Ѳеодоровича [2]) [3]).

Самодержавному царю начинаютъ придавать предикатъ

---

1) Крижаничъ (см. Отд. I сей справки, п. 7), критикуя между прочимъ титулы Московскаго царя, недоволенъ терминомъ Самодержецъ, который переведенъ съ греческаго аутократъ и по его мнѣнію дурно звучитъ по славянски и его слѣдовало бы замѣнить словомъ Самовладѣцъ, а Государь— Владателемъ (стр. 340). (Роман. Славатинскій, Система, I, стр. 11.)

2) Ср. напр. 1606 года Мая 20. Грамота Царя Василія Іоановича въ Пермь Великую, о восшествіи его на престолъ, съ приложеніемъ двухъ подкрестныхъ записей.

. . . . . .

«Я имярекъ цѣлую крестъ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, и его Царицѣ и Великой Княгинѣ, и ихъ царьскимъ дѣтямъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, на томъ: служите мнѣ ему, Государю своему, и прямити и добра хотѣли во всемъ вправду безо всякія хитрости; а лиха мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, никакова не хотѣти, ни мыслити, ни думати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью; и въ ѣствѣ и въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ въ чемъ лиха никакова не учините и не испортити, ни зелья лихого и коренья не давати *).

*) Дополненіе къ актамъ историческимъ, т. II (1836) № 44 стр. 102.

3) Графъ Н. Румянцевъ. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ ч. IV (1828).

. . . . . .

Божіею милостіею, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ Государствъ и Земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и Обладателя (стр. 12).

маестета, царскаго величества, начиная съ Іоанна Грознаго, а окончательно съ первой половины XVII в.: «Ваше Величество» [1]).

Петръ Великій былъ послѣднимъ царемъ. 30 августа 1721 г. Ништадскій миръ окончилъ великую сѣверную войну, столь успѣшную для русскаго оружія. Въ ознаменованіе этого событія, 20 окт. 1721 г., Сенатъ и Синодъ опредѣлили просить Петра, чтобы онъ принялъ титулъ Императора Всероссійскаго, Великаго Отца отечества. Канцлеръ Гр. Головкинъ уполномоченъ былъ поднести государю этотъ новый титулъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, государь согласился, и такимъ образомъ прежній титулъ «Государь царь и Великій князь» преобразовался въ нынѣшній «Императоръ и самодержецъ Всероссійскій» [2]).

1) Согласно съ воззрѣніемъ духовенства на значеніе государя (оно разсматривало русскихъ государей, какъ наслѣдниковъ православныхъ Константинопольскихъ императоровъ) у насъ выработался въ XVI в. такой титулъ московскаго государя: «благородный, христолюбивый, вседержавный, превысочайшій, всесвѣтлѣйшій, Богомъ избранный государь, самодержецъ вѣчный, истинный наставникъ христіанской вѣры, браздодержатель святыхъ Божьихъ церквей, престоловъ всѣхъ епископовъ и, наконецъ, мудрый кормчій великаго корабля всего міра». Любопытно, что государь разсматривается даже какъ истинный наставникъ вѣры, а не только какъ покровитель церкви. (Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, изд. 1899 г., стр. 114).

2) Романовичъ-Славатинскій. Система Русск. Госуд. Права.

II. ЗАКОНЫ.

Основные Государственные Законы.

(Т. I ч. 1, изд. 1892 г.).

Ст. **1.** Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный.—Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ.

1797 Апр. 5 (17906). Учрежденіе объ Императорской Фамиліи.

. . . . . .

§ 71. Расположивъ такимъ образомъ волю Нашу о содержаніи всего Нашего поколѣнія, и обезпечивъ каждаго въ полученіи ему опредѣленнаго, хотя симъ и дали Мы всѣмъ вообще право получать и требовать принадлежащее, однако при всѣхъ сихъ данныхъ преимуществахъ ненарушимымъ залогомъ поставляемъ имѣть каждому изъ фамиліи Нашей къ Царствующему лицу совершенное почтеніе, повиновеніе и подданство, равномѣрно и миролюбное обращеніе въ сохраненіи семейной тишины и согласія. Царствующій, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ право отъ назначеннаго Нами отрѣшать и поступать, какъ съ неповинующимся волѣ Нашей и волѣ каждаго, мѣсто Наше занимающаго.

Когда же (въ чемъ имѣемъ несомнѣнную надежду) каждый изъ фамиліи, въ знакъ благодарности за попеченіе Наше объ нихъ, поведеніемъ своимъ совершенно желанію Нашему соотвѣтствовать и сіе Учрежденіе истиннымъ благомъ почитать будетъ: то останется непремѣнно исполненіе онаго ненарушимымъ въ роды родовъ, и на вѣчныя времена, и фундаментальнымъ Имперіи Нашей закономъ.

1716 Марта 30 (3006). Уставъ Воинскій.

Воинскій Артикулъ. Гл. III, арт. 20. Толкованіе. Ибо Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои Государства и земли, яко Христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять.

И яко же о Его Величествѣ Самомъ въ ономъ артикулѣ помянуто, разумѣется тако и о Его Величества Царской Супругѣ, и Его Государства Наслѣдіи.

1720 Генваря 13 (3485). Морской Уставъ . . . . . .

Кн. V, гл. I, ст. 2. Толкованіе. Ибо Его Величество есть Самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои Государства и земли, яко Христіанскій Государь, по Своей волѣ и благомнѣнію управлять; и якоже о Его Величествѣ Самомъ во ономъ артикулѣ помянуто, разумѣется тако и о Его Величества Царской Супругѣ и Его Государства Наслѣдіи.

1730 Февраля 28 (5509) Манифестъ.—О вступленіи на Россійскій Престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Іоанновны, о воспріятіи Самодержавія и объ учиненіи вновь присяги.

По благополучномъ и счастливомъ Нашемъ прибытіи въ Москву, и вступленіи на Россійской престолъ, вѣрные Наши подданные, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, всѣ въ вѣрности Намъ и Государству присягу чинили. Но понеже потомъ вѣрные жъ Наши подданные, всѣ единогласно Насъ просили, дабы Мы Самодержавство въ Нашей Россійской Имперіи, какъ издревлѣ прародители Наши имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всенижайшему прошенію, Мы то Самодержавство воспріять и соизволили. И для того вновь присягу сочинить, и въ печать издать повелѣли, по которой да имѣютъ всѣ вѣрные Наши подданные, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, въ Москвѣ присутствующіе, и во всей Нашей Всероссійской Имперіи обрѣтающіеся, въ вѣрности своей къ Намъ, яко Самодержавной Государынѣ, присягать, и на томъ слово и крестъ цѣловать, и къ оной подписываться.

1721 Генваря 25 (3718). Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи.

Ч. I, ст. 2. А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть: понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ. Монарховъ власть есть Самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ.

. . . . . .

Ст. **2.** Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и Императрицѣ, когда наслѣдство престола, въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго; но супругъ Ея не почитается Государемъ: онъ пользуется почестями и преимуществомъ наравнѣ съ супругами Государей, кромѣ титула.

1716 Март. 30 (3006) Арт. 20, толк. *См. выше, законы, подведенные подъ ст. 1.*

1720 Янв. 13 (3485) Кн. V, гл. I, ст. 2, толк. *См. выше, законы, подведенные подъ ст. 1.*

1797 Апр. 5 (17910). Актъ Высочайше утвержденный въ день священной Коронаціи Его Императорскаго Величества, и положенный для храненія на престолѣ Успенскаго Собора.

Мы, Павелъ, Наслѣдникъ, Цесаревичъ и Великій Князь, и Мы, Супруга Его, Марія, Великая Княгиня.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

. . . . . .

Если наслѣдовать будетъ женское лице, и таковая особа будетъ замужемъ пли выйдетъ, тогда мужа не почитать Государемъ, а отдавать однако жъ почести наравнѣ съ Супругами Государей, и пользоваться прочими преимуществами таковыхъ, кромѣ титула.

1825 Декабря 12 (1). Манифестъ.—О вступленіи на Престолъ Государя Императора Николая Павловича.

. . . . . .

. . . . . .

III. Манифестъ покойнаго Государя Императора Александра I, утверждающій отреченіе отъ наслѣдія Престола Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, и утверждающій Наслѣдникомъ Его Императорское Высочество Великаго Князя Николая Павловича.

Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч., и проч., и проч. Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ . . . . . .

Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ, столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для Государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола, у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола, — съ согласія Августѣйшей Родительницы Нашей, по дошедшему до Насъ наслѣдственно Верховному праву Главы Императорской Фамиліи, и по врученной Намъ отъ Бога Самодержавной власти, Мы опредѣлили: во-первыхъ: свободному отреченію перваго Брата Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ, быть твердымъ и неизмѣннымъ . . . . . .

1826 Августа 22 (537). Манифестъ.—О порядкѣ наслѣдія Всероссійскаго Престола, и объ опекѣ и правительствѣ на случай кончины Государя Императора до законнаго совершеннолѣтія Наслѣдника . . . . . .

Четвертое, во всѣхъ случаяхъ, въ предъидущихъ трехъ статьяхъ означенныхъ, званіе Опекуна надъ всѣми Дѣтьми Нашими до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, въ той силѣ и пространствѣ, какъ оно въ законѣ 5 Апрѣля 1797 года и въ учрежденіи объ Императорской Фамиліи установлено, принадлежитъ Любезнѣйшей Супругѣ Нашей, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Ст. **37.** Полный титулъ Императорскаго Величества есть слѣдующій:

«Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, N N, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая».

1721 Ноября 11 (3850) Именный.—О Императорскомъ титулѣ въ грамотахъ, указахъ, прошеніяхъ и приговорахъ. . . . . .

I. Въ грамотахъ въ Иностранныя Государства.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій. . . . . .

1815 Іюня 6 (25875). Именный, данный Сенату.—О формѣ титула Его Императорскаго Величества . . . . . .

Титулъ.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій . . .

1825 Декабря 23 (13).—Высочайше утвержденныя формы титуловъ Его Императорскаго Величества въ грамотахъ, указахъ, приговорахъ, паспортахъ, докладахъ и прошеніяхъ.

I. Титулъ Его Императорскаго Величества.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій . . . . . .

. . . . . .

1828 Марта 25 (1897),—Высочайше утвержденный Титулъ Его Императорскаго Величества.

Божіею Милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

1829 Сентября 2 (3128). Трактатъ, заключенный въ Адріанополѣ между Россійскою Имперіею и Оттоманскою Портою.—О прекращеніи войны и вѣчномъ мирѣ; объ открытіи Дарданелловъ и Босфора навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія; объ опредѣленіи границъ и уступкѣ Россіи крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ацхура и Ахалкалака; о признаніи прежнихъ трактатовъ съ Портою въ полной силѣ; о вознагражденіи Россіи убытковъ, отъ войны понесенныхъ, и объ учрежденіи карантинной линіи на Дунаѣ.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Николай I-й, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій . . . . . .

. . . . . .

1857 Апрѣля 11 (31720). Высочайше утвержденныя подробныя описанія государственнаго герба, государственной печати и гербовъ Членовъ Императорскаго Дома.

. . . . . .

Высочайше утвержденное, 11 Апрѣля 1857 года, подробное описаніе государственнаго герба и государственной печати.

. . . . . .

II. О государственной печати.

. . . . . .

. . . . . § 13. На большой государственной печати изображается Россійскій государственный гербъ въ полномъ или большомъ его видѣ со всѣми онаго принадлежностями (§§ 1—5). Вокругъ герба, на краяхъ печати, помѣщается полный титулъ Императорскаго Величества, согласно съ 37 статьею Основныхъ Государственныхъ Законовъ.

. . . . . .

1882 Ноября 3. 1149. — Высочайше утвержденные всеподданнѣйшіе доклады Министра Юстиціи. I. О полномъ титулѣ Императорскаго Величества и II. Описаніе Большаго Государственнаго герба.

. . . . . .

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, NN, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій . . . . . .

Ст. **38.** Въ нѣкоторыхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, сей титулъ Императорскаго Величества изображается сокращенно:

«Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, NN, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая».

Въ другихъ, также закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, употребляется титулъ Императорскаго Величества краткій, въ слѣдующемъ видѣ:

«Божіею милостію, Мы, NN, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая».

1825 Декабря 23 (13).—Высочайше утвержденныя формы титуловъ Его Императорскаго Величества въ грамотахъ, указахъ, приговорахъ, паспортахъ, докладахъ и прошеніяхъ.

II. Въ грамотахъ внутрь Государства:

Божіею милостію, Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч., и проч., и проч.

1857 Апрѣля 11 (31720). Высочайше утвержденныя подробныя описанія государственнаго герба, государственной печати и гербовъ членовъ Императорскаго Дома.

. . . . . .

§ 15. На средней государственной печати изображается Россійскій государственный гербъ въ среднемъ видѣ (§ 5). Въ надписи на краяхъ его помѣщается средній титулъ Императорскаго Величества (Осн. Зак. ст. 38, п. 1).

. . . . . .

§ 17. На малой государственной печати изображается Россійскій государственный гербъ въ маломъ видѣ, но въ щитѣ и съ присоединеніемъ Императорской сѣни (§§ 7 и 8) на краяхъ ея вокругъ герба, въ надписи помѣщается краткій титулъ Императорскаго Величества (Осн. Зак. ст. 38, п. 2).

Ст. **43.** Въ управленіи Церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго.

1721 Генваря 25 (3718). Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи.

Манифестъ. Между многими, по долгу Богоданныя Намъ власти, попеченьми о исправленіи народа Нашего, и прочихъ подданныхъ Намъ Государствъ, посмотря и на Духовный чинъ, и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти Нашей возымѣли Мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благоноспѣшества во исправленіи какъ Воинскаго, такъ и Гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина Духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ Судія, воспроситъ отъ Насъ отвѣта о толикомъ Намъ отъ Него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтни. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, Благочестивыхъ

Царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина Духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа, паче Соборнаго Правительства . . . . . .

Часть I.—Что есть духовное Коллегіумъ, и каковыя суть важныя вины таковаго правленія. . . . . .

3. Се же наипаче сильно есть, когда Коллегіумъ правительское подъ Державнымъ Монархомъ есть и отъ Монарха уставлено. Явѣ бо здѣ, что Коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее повелѣніемъ Самодержца, и Его жъ съ прочими разсмотрѣніемъ собранныя лица.

Ст. **47.** Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ.

1766 Декабря 14 (12801). Именный, данный Сенату. Объ учрежденіи въ Москвѣ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенья, и о выборѣ въ оную Депутатовъ.

. . . . . .

Сихъ Депутатовъ, коимъ особливыя выгоды отъ Насъ даны будутъ, и кои распущены быть имѣютъ по Нашему усмотрѣнію, Мы созываемъ не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ Коммиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія *проекта новаго Уложенія къ поднесенію Намъ для комфирмаціи*. Симъ учрежденіемъ Мы, Нашему народу опытъ даемъ Нашего чистосердечія, великія довѣренности къ оному, и прямыя Материнскія любви.

1810 Генваря 1 (24064). Образованіе Государственнаго Совѣта.

. . . . . .

Манифестъ. I. Въ порядкѣ Государственныхъ Установленій, Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ Законодательству соображаются и черезъ него восходятъ къ Верховной Императорской Власти.

II. По сему всѣ Законы, Уставы и Учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предполагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, и потомъ дѣйствіемъ Державной Власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію.

III. Никакой Законъ, Уставъ и Учрежденіе не исходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Державной Власти.

Ст. **50.** Всѣ предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, потомъ восходятъ на Высочайшее усмотрѣніе, и не иначе поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію, какъ дѣйствіемъ Самодержавной Власти.

1810 Января 1 (24064). Образованіе Государственнаго Совѣта.

. . . . . .

VI. Особенный порядокъ разсмотрѣнія Законовъ, Уставовъ и Учрежденій.

§ 67. Всѣ предварительныя начертанія Гражданскихъ и Уголовныхъ Законовъ, также Уставовъ и Учрежденій, составляемыхъ внѣ Коммиссіи, особенно для сего учрежденной, вносятся прежде всего чрезъ Государственнаго Секретаря въ сію Коммиссію, и потомъ съ мнѣніемъ ея поступаютъ въ Департаментъ Законовъ.

§ 68. Начертанія Законовъ, Уставовъ и Учрежденій, въ Коммиссіи составляемыя, вносятся всѣ безъ изъятія въ Департаментъ Законовъ.

. . . . . .

§ 71. По разсмотрѣніи и исправленіи ихъ въ Департаментѣ Совѣта, они вносятся въ Общее Собраніе въ томъ самомъ видѣ, какой получатъ въ Департаментѣ. Государственный Секретарь предлагаетъ ихъ въ Общемъ Собраніи, а Директоръ Коммиссіи представляетъ надлежащія по онымъ объявленія.

§ 72. Законы, Уставы и Учрежденія, такимъ образомъ въ общемъ Собраніи Совѣта разсмотрѣнные, входятъ на Высочайшее усмотрѣніе, и потомъ поступаютъ въ порядокъ совершенія, имъ предназначенный.

1836 Марта 29 (9038) Высочайше утвержденное Учрежденіе Военнаго Министерства.

. . . . . .

Отд. III.—Отношенія Военнаго Совѣта.

. . . . . .

§ 660. Военный Совѣтъ представляетъ непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе:

По части военнаго законодательства, всѣ дополненія и поясненія законовъ и всѣ мѣры усовершенствованія законодательства, кои относятся собственно до военнаго вѣдомства, безъ всякой связи съ прочими частями Государственнаго управленія.

По устройству военнаго хозяйства и по прочимъ предметамъ, всѣ тѣ дѣла, рѣшеніе коихъ превышаетъ власть, присвоенную Совѣту симъ учрежденіемъ.

По всѣмъ вообще предметамъ,—тѣ дѣла, по коимъ въ Совѣтѣ послѣдуетъ совершенное разногласіе въ мнѣніяхъ, такъ что ни на одной сторонѣ не будетъ большинства голосовъ.

а) По части законодательной.

§ 663. Военный Совѣтъ имѣетъ къ Государственному Совѣту отношенія, въ тѣхъ только дѣлахъ по части военнаго законодательства, кои будутъ требовать изданія новыхъ узаконеній, правилъ и положеній, не по одному военному вѣдомству, но въ связи съ прочими частями Государственнаго управленія.

1842 Апрѣля 15 (15518), Высочайше утвержденное учрежденіе Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи.

. . . . . .

Гл. II.—Предметы Государственнаго Совѣта и распредѣленіе ихъ между Департаментами.

. . . . . .

24 . . . . . 3) Всѣ дополненія и поясненія законовъ, или мѣры усовершенствованія законодательства, собственно до военнаго вѣдомства относящіяся, когда, не имѣя никакой связи съ прочими частями государственнаго управленія, они представляются на Высочайшее усмотрѣніе непосредственно отъ Военнаго Совѣта.

1842 Августа 30. Именный, данный Сенату (16008). О учрежденіи особаго Комитета и Временнаго Отдѣленія для управленія Закавказскимъ краемъ.

Въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Закавказскомъ краѣ прочнаго устройства, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ края и дѣйствительнымъ потребностямъ его жителей, признавая необходимымъ дать болѣе единства и быстроты всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ по управленію симъ краемъ въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ, Повелѣваемъ: 1) . . . . .

. . . . . .

2) Для предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія всѣхъ вообще дѣлъ по управленію симъ краемъ, подлежащихъ разрѣшенію Нашему, учредить особый Комитетъ и сверхъ того Временное Отдѣленіе въ составѣ Собственной Нашей Канцеляріи, для обработки всѣхъ новыхъ предположеній по устройству края. 3) . . . . . .

. . . . . .

4) Министрамъ и Главноуправляющимъ частями, сохранивъ на дѣла Закавказскаго края, каждому по своей части, вліяніе, уставами и учрежденіями имъ присвоенное, представлять чрезъ сей Комитетъ къ разрѣшенію Нашему всѣ тѣ дѣла и случаи, въ порядкѣ исполнительномъ, которые, не требуя новыхъ законодательныхъ мѣръ, превышаютъ власть, Министрамъ и Главноуправляющимъ предоставленную.

1843 Ноября 15 (17326). Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.—О измѣненіи 3 пункта 24 статьи Учрежденія Государственнаго Совѣта о дѣлахъ, изъемленныхъ отъ разсмотрѣнія Совѣта.

. . . . . .

«Всѣ дополненія или поясненія законовъ, или мѣры усовершенствованія законодательства, собственно до военнаго и морскаго вѣдомствъ относящіяся, когда они никакой связи съ прочими частями государственнаго управленія не имѣютъ, или когда и входятъ въ составъ какого-либо общаго государственнаго учрежденія, но относятся исключительно до части искусственной или технической, представляются на Высочайшее усмотрѣніе непосредственно отъ Военнаго или Адмиралтействъ-Совѣта по принадлежности предметовъ».

1845 Февраля 3 (18702). Высочайше утвержденное Положеніе о Канцеляріи Кавказскаго Комитета.

Именный указъ, данный Сенату. Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 30 Августа 1842 года (16008), учреждены здѣсь, по дѣламъ Закавказскаго края, въ высшемъ ихъ отношеніи, особый Комитетъ и Временное Отдѣленіе въ составѣ Собственной Нашей Канцеляріи. . . . . .

§ 6. . . . . Утвержденныя Его Императорскимъ Величествомъ положенія Комитета сообщаются Министрамъ и Главноуправляющимъ выписками изъ журналовъ Комитета, за подписаніемъ Управляющаго дѣлами.

1852 Апрѣля 17 (26178). Именной, данный Сенату, распубликованный 22 Апрѣля.—Объ учрежденіи Сибирскаго Комитета.

Въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Сибири прочнаго устройства, вполнѣ соотвѣтствующаго мѣстнымъ и политическимъ обстоятельствамъ сего края, признавая необходимымъ дать болѣе единства и быстроты всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ по управленію онымъ въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ, повелѣваемъ:

. . . . . .

. . . . . .

4. . . . . Дѣла вносить въ Сибирскій Комитетъ чрезъ Управляющаго дѣлами онаго тѣмъ же порядкомъ, какъ оныя вносятся, смотря по роду ихъ, въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ. Положеніе Сибирскаго Комитета, по Нашемъ ихъ утвержденіи, сообщать къ исполненію Министрамъ и Главноуправляющимъ по принадлежности.

1854 Января 20 (27873)—Сенатскій по Высочайшему повелѣнію.—О неизмѣненіи существующаго нынѣ порядка представленія на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества дѣлъ по вѣдомству Военнаго Министерства.

. . . . . Вслѣдствіе сего Государь Императоръ, въ 7 день Декабря того жъ 1853 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: не измѣнять существующаго нынѣ порядка представленія на благоусмотрѣніе Его Величества дѣлъ по вѣдомству Военнаго Министерства. . . . . .

Ст. **51.** Никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Самодержавной Власти.

1722 Мая 11 (4003). Именный, данный Сенату.—О положеніи мнѣнія по такимъ дѣламъ, по которымъ учинить не можно и о поднесеніи онаго на утвержденіе Его Величеству.

Ежели случатся въ Сенатѣ такія дѣла, что по онымъ рѣшеній безъ доклада чинить не можно, то объ ономъ, прежде разсуждая въ Сенатѣ, подпи-

сывать свои мнѣнія, и потомъ Его Величеству докладывать, а безъ того не докладывать, понеже безъ того Его Величеству одному опредѣлить трудно.

1730 Іюня 1 (5657). Именный, данный Сенату.—О немедленномъ окончаніи начатаго Уложенія и объ опредѣленіи къ сочиненію онаго добрыхъ и знающихъ людей изъ шляхетства, духовенства и купечества и о поднесеніи каждой конченной главы къ Высочайшему утвержденію.

. . . . . повелѣваемъ начатое Уложенье немедленно оканчивать, и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію Сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пунктамъ слушаны будутъ; а чтобъ поспѣшнѣе оканчивали, то, коль скоро которую главу окончаютъ, слушать въ Сенатѣ всѣмъ собраніемъ, и утвердя по крайнему разсужденію и, подписавъ, взносить къ Намъ и какъ отъ Насъ апробовано и подписано будетъ, тогда напечатавъ, публиковать и по онымъ дѣла рѣшить, и тако одну по другой главы къ совершенству привесть.

1762 Іюн. 1 (11558). Именный, данный Сенату.—О неиздаваніи во всенародное извѣстіе, безъ Высочайшаго утвержденія, такихъ указовъ, кои составляютъ или новый законъ или служатъ подтвержденіемъ прежнеизданныхъ.

Всевысочайше повелѣваемъ, чтобъ отнынѣ Сенатъ отнюдь не издавалъ въ публику такихъ указовъ, кои въ нѣкоторый законъ или хотя въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не представя напередъ Намъ, и не получа на то апробаціи.

1780 Сентября 26 (15068).—Именный, данный Сенату. О точномъ исполненіи Учрежденія о Губерніяхъ, и о нечиненіи поборовъ и нарядовъ, сверхъ узаконенныхъ и Высочайшимъ соизволеніемъ утвержденныхъ.

. . . . . чтобъ, во первыхъ, поступая по прямому разуму помянутыхъ Нашихъ Учрежденій и другихъ узаконеній, коимъ первыя служатъ подпорою, никто изъ Генералъ-Губернаторовъ, Правящихъ ту должность, и другихъ Начальниковъ не дѣлалъ отъ себя собственно никакихъ установленій, но всю власть званія своего ограничивалъ въ охраненіи Нашихъ установленій и въ тѣхъ пунктахъ, кои по точному и словесному смыслу Учрежденій ему въ должность предписаны, тѣмъ болѣе, что всѣ части, кои требуютъ устройства и поправленія, конечно не будутъ оставлены по порядку безъ вниманія Нашего.

1810 Янв. 1 (24064) ст. III.—*См. выше ст. 47.*

1811 Іюн. 25 (24686). Общее Учрежденіе Министерствъ.
Часть II. Общій Наказъ Министерствамъ.

. . . . . .

§ 208. Существо власти, ввѣряемой Министрамъ, принадлежитъ единственно къ порядку исполнительному: никакой новый Законъ, никакое новое

Учрежденіе или отмѣна прежняго, не могутъ быть установляемы властію Министра.

Ст. **71.** Привилегіи, дарованныя Верховною Самодержавною Властію частнымъ лицамъ или обществамъ, изъемлютъ ихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ по тѣмъ предметамъ, на которые въ тѣхъ привилегіяхъ содержатся точныя постановленія. Изъ существа привилегій и изъ образа примѣненія ихъ.

Ст. **176.** Каждый Членъ Императорскаго Дома обязуется къ лицу Царствующаго, яко къ Главѣ Дома и Самодержцу, совершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ.

1797 Апр. 5 (17906). Учрежденіе объ Императорской Фамиліи.

. . . . . .

§ 22. Назначивъ распорядокъ Фамиліи Нашей, въ счетъ родства Ея между собою, внушаемъ каждому изъ оной совершенное почтеніе, повиновеніе, послушаніе и подданство къ лицу Царствующаго, яко къ Главѣ Дома и Самодержцу.

§ 71. *См. выше, законы, подведенные подъ статью 1.*

1886 Іюл. 2 3851.—Высочайше утвержденное Учрежденіе объ Императорской Фамиліи.

. . . . . .

Ст. 95. Каждый Членъ Императорскаго Дома обязуется къ лицу Царствующаго, яко къ Главѣ Дома и Самодержцу, совершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ.

Ст. **173.** Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей.

1797 Апр. 5 (17906) § 71.—*См. выше законы, подведенные подъ статью 1.*

1886 Іюля 2 (3851). Высочайше утвержденное Учрежденіе объ Императорской Фамиліи.

. . . . . .

§ 97. Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Форма Присяги для Наслѣдника Престола при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія его.

Именемъ Бога Всемогущаго, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, клянусь и обѣщаюсь Его Императорскому Величеству, Моему Всемилостивѣйшему Государю, Родителю, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять . . .

. . . . . .

1834 Апр. 22 (7019). Манифестъ.—О совершеннолѣтіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника, Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича.

. . . . . .

Форма присяги для Наслѣдника Престола при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія.

Именемъ Бога Всемогущаго, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, клянусь и обѣщаюсь Его Императорскому Величеству, Моему Всемилостивѣйшему Государю, Родителю, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять. . . . .

. . . . . .

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Форма присяги для Членовъ Императорскаго Дома (кромѣ Наслѣдника Престола) при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія ихъ.

Именемъ Бога Всемогущаго, предъ святымъ Его Евангеліемъ, клянусь и обѣщаюсь Его Императорскому Величеству, Моему Всемилостивѣйшему Государю, Родителю (или Дѣду, Брату, Дядѣ и т. д.) и Его Императорскаго Величества, Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу

и Великому Князю NN, вѣрно и нелицемѣрно служить (или же, для лицъ женскаго пола: пребывать вѣрною и усердною подданною) и во всемъ повиноваться, не щадя и живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять. . . . . .

. . . . . .

1847 Ноября 23. 21727.—Форма присяги Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, произнесенной Имъ при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія Его (см. ниже № 21739).

1847 Ноября 26 (21739). Манифестъ.—О совершеннолѣтіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

. . . . . .

Форма присяги, произнесенной Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 26 день Ноября 1847 года.

Именемъ Всемогущаго Бога, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, клянусь и обѣщаюсь Его Императорскому Величеству, моему Всемилостивѣйшему Государю, Родителю, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя и живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять . . . . . .

. . . . . .

1851 Ноября 26 (25771). Манифестъ.—О совершеннолѣтіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

1852 Ноября 26 (26813). Манифестъ.—О совершеннолѣтіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

Любезнѣйшій Сынъ Нашъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, къ утѣшенію Нашему, достигъ 13 минувшаго Октября опредѣленнаго основными законами Имперіи совершеннолѣтія; а нынѣ, слѣдуя священному ихъ установленію, произнесъ предъ лицемъ Сердцевѣдца Бога торжественную присягу на служеніе Намъ и Государству.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Форма всенародной присяги на вѣрность подданства.

Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ, въ томъ, что хощу и

долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору N N, Самодержцу Всероссійскому, и законному Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику (именуя Его, когда онъ уже извѣстенъ, или же не именуя, когда Императоръ не имѣетъ еще дѣтей мужескаго пола), вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; о ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной), такъ и по особливой, опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества именемъ отъ предуставленныхъ надо мною начальниковъ опредѣляемымъ инструкціямъ и регламентамъ и указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу; какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

1801 Марта 12 (19779). Манифестъ.—О кончинѣ Императора Павла I и о вступленіи на Престолъ Императора Александра I.—Съ приложеніемъ клятвеннаго обѣщанія.

. . . . . .

Клятвенное обѣщаніе.

Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Император-

скому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, которой назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силы и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять.

. . . . . .

1801 Апрѣля 18 (19841).—Высочайше утвержденная форма титула Его Императорскаго Величества.

. . . . . .

Клятвенное обѣщаніе:

Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, который назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять.

1825 Декабря 23 (13), Высочайше утвержденныя формы титуловъ Его Императорскаго Величества въ грамотахъ, указахъ, приговорахъ, паспортахъ, докладахъ и прошеніяхъ. . . . . .

IX. Клятвенное обѣщаніе.

Я, нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять . . . . . .

1831 Августа 29 (4777).—Именный, данный Сенату.—Объ именованіи Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Николаевича Государемъ Наслѣдникомъ, Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ.

На основаніи закона, постановленнаго въ Учрежденіи объ Императорской Фамиліи, повелѣваемъ: Любезнѣйшаго Сына Нашего, Наслѣдника Всероссійскаго Престола, Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Николаевича отнынѣ впредь именовать во всѣхъ случаяхъ Государемъ Наслѣдникомъ, Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ.

1855 Февр. 18 (29043). . . . . Клятвенное обѣщаніе.

Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, ...

Св. Зак. т. I, ч. II, изд. 1901 г. Кн. I. Учрежденіе Государственнаго Совѣта.

Ст. **37.** Заключенія Государственнаго Совѣта пріемлютъ силу лишь дѣйствіемъ Самодержавной Власти.

1901 Марта 30 (19883) Высочайше утвержденное Учрежденіе Государственнаго Совѣта . . . .

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Пространство власти Государственнаго Совѣта.

37. Заключенія Государственнаго Совѣта пріемлютъ силу лишь дѣйствіемъ Самодержавной Власти.

Учрежденіе Государственной Думы (1905 Авг. 6, собр. узак., 1325).

Ст. **1.** Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, по силѣ Основныхъ законовъ, черезъ Государственный Совѣтъ, къ Верховной Самодержавной Власти.

Приложеніе къ статьѣ 13.

Торжественное обѣщаніе Членовъ Государственной Думы.

«Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности Членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся».

Т. I, Ч. II.—Учрежденіе Правительствующаго Сената.

Прил. къ ст. 170 (по Прод. 1902 г.).

1. Форма указовъ Правительствующаго Сената по Именнымъ Высочайшимъ указамъ.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената, такому то мѣсту и лицу. По Именному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату сего Января въ . . . . день, за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: . . . . . .

1836 Іюл. 21 (9407) объ увеличеніи окладовъ жалованья повытчикамъ Сената.

1841 Дек. 8 (15104).—Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, распубликованное 29 Декабря.—О донесеніи Сенату о получаемыхъ изъ онаго указахъ.

. . . . . .

. . . . . 3) Для сего на всѣхъ указахъ Правительствующаго Сената, внизу, гдѣ пишется краткое оныхъ содержаніе, отмѣчать, посылается ли указъ «къ дѣйствительному исполненію, или же только къ свѣдѣнію и руководству». 4) Обязанность дѣлать сіи отмѣтки возлагается на подписывающихъ указы Оберъ-Секретарей подъ личною ихъ за непремѣнное исполненіе сего отвѣтственностію.

1888 Марта 30 (5097) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.—Объ упраздненіи Третьяго Департамента Правительствующаго Сената.

1893 г. Января 12 (9240) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.—Объ установленіи постояннаго штата Канцеляріи Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.

1874 Янв. 25 (10260). Объ установленіи постояннаго штата Канцеляріи третьяго, четвертаго и пятаго Департаментовъ и втораго Общаго Собранія Правительствующаго Сената и о размѣрѣ кредитовъ, потребныхъ на содержаніе чиновниковъ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ, Сенатскаго Архива и Чертежной при третьемъ Департаментѣ.

Т. I. Кн. VIII.—Учрежденіе Орденовъ.

Ст. **89.** Орденъ Св. Великомученицы Екатерины, для лицъ женскаго пола установленный, зависитъ отъ Государя Императора, Самодержца Всероссійскаго, но имѣетъ Начальницу свою или Орденсъ-Мейстера въ особѣ Супруги Его Величества, Государыни Императрицы. Званіе Начальницы Ордена Ея Величество сохраняетъ по жизнь Свою, даже если бы по судьбамъ Божіимъ осталась во вдовствѣ; Супруга же Царствующаго Императора въ такомъ случаѣ не прежде, какъ по смерти Ея, вступаетъ въ помянутое званіе.

1797 Апр. 5 (17908) Высочайшее установленіе о Россійскихъ Императорскихъ Орденахъ.

. . . . . .

9. Классъ или наименованіе Россійскаго Ордена Святыя Великомученицы Екатерины, завися отъ Насъ, яко Самодержца Всероссійскаго, имѣетъ Начальницу свою или Орденсъ-Мейстера въ Особѣ Любезнѣйшей Супруги Нашей, Ея Величества Императрицы, по жизнь ея, которую Всевышній да продолжитъ до позднихъ лѣтъ, такъ, что если бы Ея Величество по судьбамъ Божіимъ во вдовствѣ осталася, то однакожъ сіе названіе Начальницы или Орденсъ-Мейстера Святыя Екатерины имѣетъ при ней остаться со всѣми его правами и преимуществами до кончины живота Ея; Супруга же Царствующаго Императора не прежде того въ поминутое названіе вступитъ.

Ст. **90.** Милость, правосудіе и воля Государя, Самодержавнаго, Верховнаго Начальника Россійскихъ Орденовъ, рѣшаетъ и опредѣляетъ раздачу сихъ почестей; заслуги же и достоинства, при незазорномъ поведеніи, открываютъ путь къ ихъ достиженію: . . . . . .

1797 Апр. 5 (17908). Высочайше утвержденное Установленіе о Россійскихъ Императорскихъ орденахъ.

. . . . . .

4. Милость, правосудіе и воля Государя, Самодержавнаго, Верховнаго Начальника Кавалерскаго Ордена, рѣшитъ и опредѣляетъ раздачу сихъ почестей, заслуги же и достоинство при незазорномъ поведеніи открываютъ путь къ ихъ достиженію.

. . . . . .

1815 Мая 13 (25847). Сенатскій.—О производствѣ въ чины и объ удостоиваніи къ награжденію орденомъ Св. Владиміра всѣхъ и призванныхъ на службу по избранію Дворянства и служащихъ въ званіи Депутатовъ.

1816 Іюня 26 (26329). Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, объявленное Сенату Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи.—О непредставленіи служащихъ по выборамъ Дворянства, неимѣющихъ никакихъ чиновъ, къ награжденію чинами, и о доведеніи до Высочайшаго свѣдѣнія о тѣхъ, кои окажутъ отличныя заслуги, съ испрашиваніемъ награжденія орденами.

1824 Ноября 14 (30115). Дополнительное постановленіе—объ устройствѣ гильдій и о торговлѣ прочихъ состояній.

. . . . . .

§ 24. Купцы I гильдіи могутъ быть награждаемы и орденами по особенно важнымъ заслугамъ.

1829 Декабря 17 (3348). Высочайшія резолюціи на докладъ Капитула Россійскихъ Орденовъ, въ поясненіе нѣкоторыхъ статей Статута Ордена Св. Анны.

Ст. **253.** Каждая дама, орденомъ пожалованная, должна учинить торжественное обѣщаніе пребыть вѣрною Императорскому Величеству и никогда не сообщаться ни въ какой умыселъ противъ Его особы, ниже противъ Его власти Самодержавной. . . . . .

1714 Ноября 24 (2860). Объявленіе о возложеніи Ордена Св. Великомученицы Екатерины на Государыню Царицу Екатерину Алексѣевну. Съ приложеніемъ устава онаго Ордена.

. . . . . .

6. Сверхъ того каждая Дама, которая пріиметъ Орденъ, учинитъ торжественное обѣщаніе пребыть вѣрной Его Царскому Величеству, и что никогда не сообщится ни въ какой умыселъ противъ Его Особы, ни противъ Его власти Самодержавныя . . . . . .

Ст. **770.** Право на полученіе серебряной медали на Аннинской лентѣ, съ надписью «за безпорочную службу въ полиціи», для ношенія на груди жалуется тѣмъ нижнимъ чинамъ полицейскихъ и пожарныхъ командъ и полицейскимъ урядникамъ, которые, прослужа безупречно не менѣе пяти лѣтъ, останутся на службѣ въ командѣ или въ должности полицейскаго урядника на дальнѣйшее время.

Примѣчаніе 1. На сей медали помѣщается вокругъ портрета Его Величества надпись «Божіею Милостію Александръ III Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.»

1883 Февраля 25 (1410). Высочайшее повелѣніе, объявленное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.—О медали для награжденія лицъ, служащихъ по вольному найму въ полицейскихъ и пожарныхъ командахъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 25-й день Февраля 1883 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: на медали, Высочайше учрежденной 17 Декабря 1876 года (56727), для награжденія лицъ, служащихъ по вольному найму въ полицейскихъ и пожарныхъ командахъ, помѣстить, вокругъ портрета Его Величества, надпись: «Божіею милостію Александръ III Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.»

Приложеніе къ статьѣ 129.

V. Форма грамотъ, выдаваемыхъ отъ Капитула Орденовъ, на пожалованіе орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава всѣхъ степеней.

Божіею Милостію

МЫ, N N,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

а) Подданнымъ Россійской Имперіи и обывателямъ Царства Польскаго.
Нашему (чинъ, мѣсто служенія, имя и фамилія жалуемаго).

. . . . . .

1839 Мая 28 (12385).—Высочайше утвержденный Статутъ ордена Святаго Станислава.

. . . . . .

§ 43. Грамоты, къ подписанію Нашему слѣдующія, и указы Наши Капитулу Орденовъ, о пожалованіи ордена Св. Станислава, пишутся по прилагаемымъ у сего образцамъ №№ 1-мъ и 2-мъ.

Образецъ № 1.

(къ § 43).

Грамоты на пожалованіе Императорскаго и Царскаго Ордена Св. Станислава 1 степени.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

а) Подданнымъ Россійской Имперіи и Царства Польскаго:
Нашему (чинъ, должность по службѣ, имя и фамилія жалуемаго).

. . . . . .

Образецъ № 2.

(къ § 43).

Высочайшаго указа о пожалованіи Императорскаго и Царскаго Ордена Св. Станислава 2 и 3 степеней: подданнымъ Россійской Имперіи и Царства Польскаго и иностранцамъ.

Указъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

§ 54. Грамоты, за подписаніемъ членовъ капитула орденовъ выдаваемыя, пишутся . . . . . по образцу, прилагаемому здѣсь подъ № 3.

Образецъ № 3.

(къ § 54).

Грамоты на пожалованіе Императорскаго и Царскаго ордена Св. Станислава 2 и 3 степеней.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ I,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

. . . . . .

1844 Сентября 24 18244.—Высочайше утвержденный Уставъ Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

. . . . . .

7. На присутствіе Капитула возлагается: 1) Подписаніе грамотъ на ордена, шпаги, сабли, полусабли и знаки отличія, подлежащихъ выдачѣ пожалованнымъ лицамъ отъ Капитула.

. . . . . .

1856 г. Августа 12 (30842).—Именной, объявленный Министру Императорскаго Двора Военнымъ Министромъ.—О томъ, чтобы въ Высочайшихъ грамотахъ и указахъ, даваемыхъ Капитулу Орденовъ, Русскіе ордена именовать Императорскими, а Бѣлаго Орла и Св. Станислава Императорскими и Царскими, и тѣ и другіе писать на установленныхъ бланкахъ.

Государь Императоръ, замѣтивъ, что въ грамотахъ и указахъ Капитулу на жалуемые ордена оные различно титулуются, Высочайше повелѣть соизволилъ: принять на будущее время за правило, чтобы въ помянутыхъ грамотахъ и указахъ Русскіе ордена именовались Императорскими, а Бѣлаго Орла и Св. Станислава Императорскими и Царскими и какъ тѣ, такъ и другіе писались на установленныхъ для сего бланкахъ.

1857 Августа 1 (3233).—Именной, объявленный Сенату Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи.—О формѣ краткаго Его Императорскаго Величества титула и нѣкоторыхъ выраженій въ грамотахъ на пожалованіе орденами и другими знаками отличія.

Государь Императоръ, въ 1-ый день Августа сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Чтобы отнынѣ въ подносимыхъ къ подписанію Его Императорскаго Величества проектахъ грамотъ на пожалованіе орденами и въ грамотахъ, выдаваемыхъ изъ Капитула Орденовъ на пожалованіе: орденами, золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», знаками отличія безпорочной службы и Маріинскими знаками для лицъ женскаго пола, употреблять въ началѣ общій краткій Его Императорскаго Величества титулъ, въ слѣдующемъ видѣ.

Божіею Милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

И 2) Чтобы въ изложеніи самыхъ грамотъ на пожалованіе орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава употреблять выраженіе: «Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего», а въ содержаніи грамотъ на пожалованіе прочихъ орденовъ писать: «Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего» (такого-то).

1858 Мая 3, необнародованное Высочайшее повелѣніе, форм.

1870 Декабря 3 (48973).—Именной, данный Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ.—О порядкѣ ношенія орденскихъ знаковъ, жалуемыхъ за военные противъ непріятеля подвиги и объ отмѣнѣ присоединенія мечей на верху креста и верхней части звѣзды къ знакамъ орденовъ, пожалованнымъ не за военныя отличія лицамъ, имѣющимъ младшія степени того же ордена за военные подвиги.

1874 г. Февраля 14 (53156).—Именной данный Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.—Объ отмѣнѣ подраздѣленій, существующихъ для орденовъ Св. Анны 1-й и 2-й степени и Св. Станислава 2-й степени.

1882 Декабря 1 (1218).—Высочайшее повелѣніе, объявленное Министромъ Юстиціи (собр. узак., 1883 г. Апрѣля 15, ст. 393).—О преобразованіи учрежденія Капитула Орденовъ.

Въ виду уничтоженія коллегіальнаго начала въ учрежденіяхъ Министерства Императорскаго Двора, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, въ 1-й день Декабря 1882 года, Высочайше повелѣть соизволилъ мѣру эту распространить и на Капитулъ Орденовъ и съ этой цѣлію, упразднивъ Присутствіе Капитула, преобразовать Капитулъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ.

1) Капитулъ Орденовъ состоитъ подъ главнымъ начальствомъ Канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, который есть вмѣстѣ Министръ Императорскаго Двора.

1889 Февр. 4 (5756).—Высочайшее повелѣніе, объявленное Министромъ Юстиціи (собр. узак., 1889 г. Мая 16, ст. 367).—Объ измѣненіи формы Высочайшихъ указовъ на пожалованіе орденами: Св. Владиміра третьей и четвертой степеней, Св. Анны второй, третьей и четвертой степеней и Св. Станислава второй и третьей степеней.

Канцлеръ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ увѣдомилъ Министра Юстиціи, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, въ 4-й день Февраля 1889 года, Высочайше повелѣть соизволилъ проекты указовъ Капитулу Орденовъ, подносимые одновременно къ подписанію Его Императорскаго Величества на пожалованіе орденами: Св. Владиміра третьей и четвертой степеней, Св. Анны второй, третьей и четвертой степеней и Св. Станислава второй и третьей степеней, по каждому ордену отдѣльно, на будущее время соединять въ одинъ общій указъ. . . . . .

1892 Февр. 15 (8337).—Именной Высочайшій указъ, данный Капитулу Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ (собр. узак., 1892 г. Марта 7, ст. 292).—Объ измѣненіи порядка выдачи грамотъ на пожалованіе нѣкоторыми орденами.

. . . . . .

2. На пожалованіе же орденовъ Бѣлаго Орла, Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени, Святыя Анны первой степени и Святаго Станислава первой степени, а равно Святаго Станислава второй степени со звѣздою, выдавать грамоты отъ Капитула Орденовъ, по формамъ, указаннымъ въ приложеніяхъ къ статьямъ 177 и 638 того же Учрежденія орденовъ, за подписаніемъ Канцлера Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, а за отсутствіемъ его—Оберъ-Церемоніймейстера орденовъ и за скрѣпою Управляющаго дѣлами Капитула Орденовъ. Пожалованіе сими орденами вносить, какъ и пожалованіе прочими орденами, въ одинъ общій указъ Капитулу Орденовъ, подносимый къ Нашему подписанію.

Капитулъ Орденовъ имѣетъ сдѣлать по сему надлежащее исполненіе.

1892 Февр. 27 (8367).—Именной Высочайший указъ, данный Сенату (собр. узак. 1892 г. Февраля 29, ст. 249).—Объ учрежденіи Комитета для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ.

Усматривая изъ восходящихъ на Наше воззрѣніе наградныхъ дѣлъ разнообразіе въ порядкѣ представленія оныхъ, препятствующее соблюденію должнаго единства при примѣненіи существующихъ о наградахъ законоположеній, и принимая во вниманіе, что Комитетъ Министровъ, вѣдающій дѣла высшаго государственнаго управленія, не долженъ быть обремененъ разсмотрѣніемъ дѣлъ о наградахъ, какъ неимѣющихъ особо важнаго государственнаго значенія, Мы признали за благо сосредоточить наградное дѣло въ одномъ особомъ учрежденіи съ наименованіемъ онаго «Комитетъ для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ», на слѣдующихъ основаніяхъ: . . . . . .

2. Всѣ представленія о награжденіи какъ по правиламъ, такъ и внѣ правилъ, чинами за отличіе, орденами и медалями, Нашими благоволеніями и подарками вносятся Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями въ упомянутый Комитетъ.

1892 Іюля 9 (8845), Высочайше утвержденныя:

I. Дополнительныя Правила о наградахъ, и II Положеніе о порядкѣ производства дѣлъ въ Комитетѣ для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ.

. . . . . .

II. Положеніе о порядкѣ производства дѣлъ въ Комитетѣ для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ.

§ 5. Такъ какъ оцѣнка заслугъ представляемыхъ зависитъ отъ вѣдомства, которое испрашиваетъ награду, то Комитетъ не входитъ въ разсмотрѣніе представленій по существу заслугъ, а лишь слѣдитъ за точнымъ соблюденіемъ всѣхъ постановленій, касающихся указанныхъ въ законѣ правилъ награжденія. Посему Комитетъ разсматриваетъ: а) соблюдены ли при представленіи къ наградамъ установленныя на этотъ предметъ нормы; б) соблюдены ли указанныя въ законѣ правила о соотвѣтствіи награды съ служебнымъ положеніемъ представляемаго лица, а равно съ требуемою въ сихъ случаяхъ постепенностію; в) соблюденъ ли междунаградный срокъ; г) не встрѣчается ли какихъ либо обстоятельствъ, препятствующихъ по закону къ награжденію представляемаго лица вообще или къ испрошенію ему данной награды въ особенности. Но по представленіямъ за не служебныя отличія Комитетъ, независимо отъ повѣрки относительно соблюденія наградныхъ правилъ, обязанъ входить въ подробное разсмотрѣніе существа заслугъ, оказанныхъ представленными къ наградамъ лицами.

Приложеніе къ статьѣ 616.

Форма грамотъ, выдаваемыхъ Капитуломъ Орденовъ на знаки отличія безпорочной службы.

Форма I.

Божіею милостію

МЫ, NN,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему (чинъ, должность, имя и фамилія) . . . . . .

Приложеніе къ статьѣ 616.

Форма II.

Божіею милостію

МЫ, NN,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему (чинъ, должность, имя и фамилія) . . . . . .

1859 Мая 20 (34513) ст. 77, прил.

Божіею милостію.

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему (чинъ, должность, имя и фамилія).

Въ воздаяніе пятидесятилѣтней безпорочной службы вашей Всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ, въ 22-й день Августа 18 . . года, знакъ отличія безпорочной службы, на основаніи Устава онаго, для ношенія на Георгіевской лентѣ. Грамоту сію во свидѣтельство подписать, печатью укрѣпить и знакъ отличія къ вамъ препроводить повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ С.-Петербургѣ, въ . . . день . . . . . 18 . . года.

(Подпись Присутствія Капитула Орденовъ).

1859 Мая 20 (34513) ст. 77, прил.

Божіею милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему (чинъ, должность, имя и фамилія).

Въ воздаяніе сорокалѣтней безпорочной службы вашей Всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ, въ 22-й день Августа 18 . . года, знакъ отличія безпорочной службы, на основаніи Устава онаго, для ношенія на Владимірской лентѣ. Грамоту сію во свидѣтельство подписать, печатью укрѣпить и знакъ отличія къ вамъ препроводить повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ С.-Петербургѣ, въ . . . день . . . . . 18 . . года.

(Подпись Присутствія Капитула Орденовъ).

1882 Декабря 1 (1218). Высочайшее повелѣніе, объявленное Министромъ Юстиціи (Собр. Узак. 1883 г. Апрѣля 15; ст. 393).—О преобразованіи учрежденія Капитула Орденовъ.

Приложеніе къ статьѣ 658.

Форма грамоты на знакъ отличія Краснаго Креста.

Божіею милостію

МЫ, NN,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

(Должность, званіе, имя и фамилія) . . . . . .

1878 Февр. 19 (58217).

Приложеніе къ статьѣ 11.

Форма грамоты.

Высочайше утвержденная, 19 Февраля 1878 года.

Божіею милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

(Должность, званіе, имя и фамилія).

Въ воздаяніе особенныхъ заслугъ, оказанныхъ вами, ревностнымъ и дѣятельнымъ исполненіемъ принятой вами на себя обязанности попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, Ея Императорское Величество Государыня Императрица, съ соизволенія Нашего, Всемилостивѣйше пожаловала вамъ, рескриптомъ, въ . . . день . . . . . 18 . . года, даннымъ Канцлеру Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, знакъ отличія Краснаго креста (первой или второй) степени. Грамоту сію во свидѣтельство подписать, печатью укрѣпить и знакъ отличія къ вамъ препроводить повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ С.-Петербургѣ, въ . . . день . . . . . 18 . . . года.

(Подпись Присутствія Капитула Орденовъ).

Т. II, Общее Учрежденіе Губернское.

Ст. **208.** Въ порядкѣ общаго губернскаго управленія Генералъ-Губернаторы суть главные блюстители неприкосновенности верховныхъ правъ Самодержавія, пользы государства и точнаго исполненія законовъ и распоряженій высшаго правительства по всѣмъ частямъ управленія во ввѣренномъ имъ краѣ.

1853 Мая 29 (27293) Высочайше утвержденная Общая Инструкція Генералъ-Губернаторамъ.

Введеніе.

§ 2. Въ порядкѣ Губернскихъ Учрежденій, они суть главные блюстители неприкосновенности верховныхъ правъ Самодержавія, пользы Государства и точнаго исполненія законовъ и распоряженій Правительства по всѣмъ частямъ управленія во ввѣренномъ имъ краѣ.

Ст. **270.** Губернаторы, какъ непосредственные начальники ввѣренныхъ имъ Высочайшею Государя Императора волею губерній, суть первые въ

оныхъ блюстители неприкосновенности верховныхъ правъ Самодержавія, пользъ государства и повсемѣстнаго, точнаго исполненія законовъ, уставовъ, Высочайшихъ повелѣній, указовъ Правительствующаго Сената и предписаній начальства. Имѣя постоянное и тщательное попеченіе о благѣ жителей всѣхъ состояній управляемаго ими края и вникая въ истинное его положеніе и нужды, они обязаны дѣйствіемъ данной имъ власти охранять повсюду общественное спокойствіе, безопасность всѣхъ и каждаго и соблюденіе установленныхъ правилъ, порядка и благочинія. Имъ поручены и принятіе мѣръ для сохраненія народнаго здравія, обезпеченія продовольствія въ губерніи, доставленіе страждущимъ и безпомощнымъ надлежащаго призрѣнія и высшій надзоръ за скорымъ исполненіемъ всѣхъ законныхъ постановленій и требованій.

1837 Іюня 3 (10303). Высочайше утвержденный общій наказъ Гражданскимъ губернаторамъ.

Наказъ.

Отд. I.—Обязанности Гражданскихъ Губернаторовъ вообще.

§ 1. Гражданскіе Губернаторы, какъ непосредственные начальники ввѣренныхъ имъ Высочайшею Государя Императора волею губерній, суть первые въ оныхъ блюстители неприкосновенности верховныхъ правъ Самодержавія, ...

. . . . . .

Т. II, Учрежденіе Управленія Царства Польскаго.

Ст. **11.** Губернаторъ, въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи, есть главный блюститель неприкосновенности Верховныхъ правъ Самодержавія, пользы государства и точнаго исполненія законовъ и правительственныхъ постановленій по всѣмъ частямъ управленія.

1866 Декабря 19/31 (44012). Высочайше утвержденное Положеніе о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Разд. I. Учрежденіе управленія губернскаго. Гл. I.—О Губернаторѣ.

Ст. **8.** Губернаторъ, въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи, есть главный блюститель неприкосновенности Верховныхъ правъ Самодержавія, пользы государства и точнаго исполненія законовъ и правительственныхъ постановленій по всѣмъ частямъ управленія.

Т. III, Уставъ о Службѣ Гражданской.

Ст. **706.** Священный долгъ каждаго служащаго есть предостерегать и охранять, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества.

1720 Февраля 28 (3534). Генеральный Регламентъ или Уставъ,—по которому Государственныя Коллегіи, такожъ и всѣ оныхъ принадлежащихъ къ нимъ Канцелярій и Конторъ служители, не токмо во вѣшнихъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, но и во отправленіи своего чина, подданнѣйше поступать имѣютъ.

Гл. I.—О присяжной должности.

Государственныхъ Коллегій члены, такожъ и прочіе чины гражданскіе обще, и каждый особо имѣютъ, паче всего Его Царскому Величеству, и Ея Величеству Государынѣ Царицѣ, и Высокимъ Наслѣдникамъ, вѣрные, честные и добрые люди и слуги быть, пользу и благополучіе Ихъ всякимъ образомъ и по всей возможности искать и споспѣшествовать,

убытокъ, вредъ и опасность отвращать, и благовременно о томъ объявлять, како сіе честнымъ людямъ и подданнымъ Его Царскаго Величества пристойно и принадлежитъ, и они въ томъ предъ Богомъ и Его Величествомъ собственною своею совѣстію и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать могутъ. Чего для каждый, высокій и нижній служитель, особливо какъ письменно, такъ и словесно, въ томъ присягою обязатися имѣетъ сицевымъ образомъ.

Азъ нижеименованный обѣщаюся и клянуся всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ. Что хощу, и долженъ своему природному и истинному Государю, Всепресвѣтлѣйшему и Державнѣйшему Петру Великому, Царю и Самодержцу Всероссійскому, и прочая, и прочая, и прочая, и по немъ Его Царскаго Величества высокимъ законнымъ Наслѣдникамъ, которые по изволенію и Самодержавной Его Царскаго Величества власти опредѣлены, и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ, и Ея Величеству Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть, и всѣ къ Высокому Его Царскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества), узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, предостерегать и оборонять, ...

. . . . . .

1825 Дек. 23 (13). Высочайше утвержденныя формы титуловъ Его Императорскаго Величества въ грамотахъ, указахъ, приговорахъ, паспортахъ, докладахъ и прошеніяхъ.

Т. IX, Законы о Состояніяхъ.

Ст. **19.** (по Прод. 1902 г.). Пожалованіемъ потомственное дворянство пріобрѣтается, когда какое либо лицо возводится въ дворянское достоинство съ потомствомъ по особенному усмотрѣнію Самодержавной Власти.

1900 Мая 28 (18681). Именной указъ объ условіяхъ пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства и о порядкѣ внесенія дворянскихъ родовъ въ родословныя книги.

I. Дѣйствующій законъ о пожалованіи потомственнаго дворянства изложить слѣдующимъ образомъ (ст. 19 Зак., Сост., Свод. Зак. Т. IX)—Текстъ статьи.

. . . . . .

Ст. **74.** . . . . . но во всякое Россійскому Самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру потребна, всякій дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ Самодержавной Власти, не щадить ни труда, ни самой жизни для службы государственной.

1785 Апр. 21 (16187). Грамота на права вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства.

. . . . . .

§ 20. Но какъ благородное дворянское названіе и достоинство издавна нынѣ и до впредь пріобрѣтается службою и трудами, Имперіи и Престолу полезными, и существенное достояніе Россійскаго Дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и Престола и для того во всякое таковое Россійскому Самодержавію нужное время, когда служба Дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной Дворянинъ обязанъ по первому позыву отъ Самодержавной Власти не щадить ни труда, ни самаго живота для службы Государственной.

Приложеніе къ статьѣ 519.

Формы грамоты на потомственное почетное гражданство и свидѣтельства на личное почетное гражданство.

I.

Божіею Милостію,

МЫ N N.

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ въ 10 день Апрѣля 1832 года установлено сословіе почетныхъ гражданъ, на правахъ, въ оном предначертанныхъ; а какъ вѣрноподданный Нашъ N N представленными актами доказалъ право на потомственное почетное гражданство, то, возводя онаго N N съ потомствомъ въ сословіе почетныхъ гражданъ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ пользоваться какъ ему, такъ и его потомству всѣми правами и преимуществами Манифестомъ сему сословію дарованными. Во свидѣтельство чего повелѣли Мы сію грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною Нашею печатью укрѣпить. Дана въ Санктпетербургѣ дня года.

Сенаторъ и Кавалеръ N N.

Сенаторъ и Кавалеръ N N.

Сенаторъ и Кавалеръ N N.

Сенаторъ и Кавалеръ N N.

Герольдмейстеръ N N.

(М. П.)

1832 Августа 19 (5571). Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ.—О формѣ грамотъ и свидѣтельствъ на Почетное Гражданство.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

1855 Мая 27 (29366). Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, распубликованное 20 Іюля.—О новой формѣ грамотъ на потомственное почетное гражданство.

Божіею Милостію,

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

и проч., и проч., и проч.

Манифестомъ въ 10-й день Апрѣля 1832 года установлено сословіе почетныхъ гражданъ, на правахъ, въ оном предначертанныхъ; а какъ вѣрноподданный нашъ NN представленными актами доказалъ право на потомственное почетное гражданство, то возводя онаго . . . . . .

Приложеніе къ статьѣ 520.

Формы грамоты на потомственное почетное гражданство и свидѣтельства на личное почетное гражданство, жалуемыя Высочайшимъ указомъ или Высочайшимъ повелѣніемъ.

I.

Божіею Милостію,

МЫ, NN,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и проч., и проч., и проч.

Указомъ Нашимъ такого-то года, мѣсяца и числа, Правительствующему Сенату даннымъ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы такого-то за то-то (прописывается заслуга изъ указа) въ потомственные почетные граждане. Во свидѣтельство чего повелѣли Мы Правительствующему Сенату грамоту сію подписать и государственною Нашею печатью укрѣпить. Дана въ С.-Петербургѣ дня года.

Сенаторъ и Кавалеръ NN. *Сенаторъ и Кавалеръ NN.*
Сенаторъ и Кавалеръ NN. *Сенаторъ и Кавалеръ NN.*
Герольдмейстеръ и Кавалеръ NN. (М. П.).

1842 Іюля 3 (15816). Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ о формѣ грамотъ на потомственное почетное гражданство. . . . . .
. . . . . .
означенная форма заключается въ слѣдующемъ:

Божіею Милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ I,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

и проч., и проч., и проч.

Приложеніе къ статьѣ 847.

Клятвенное обѣщаніе на подданство.

Я, такой-то, бывшій такой-то подданный, обѣщаюсь и клянусь всемогущему Богу, что я Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору NN, Самодержцу Всероссійскому и проч., и проч., и проч., и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю NN, хощу вѣрнымъ, добрымъ, послушнымъ и вѣчно подданнымъ съ моею фамиліею быть и никуда безъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія и указа за границу не отъѣзжать и въ чужестранную службу не вступать; такожъ съ непріятелями Его Императорскаго Величества вредительной откровенности не имѣть, ниже какую заповѣдную корреспонденцію внутрь и внѣ Россійскаго Государства содержать, и никакимъ образомъ противу должности вѣрнаго подданнаго Его Императорскаго Величества не поступать, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять. . . . . .

1825 Декабря 23 (13).—Высочайше утвержденныя формы титуловъ Его Императорскаго Величества въ грамотахъ, указахъ, приговорахъ, паспортахъ, докладахъ и прошеніяхъ.

X. Клятвенное обѣщаніе на подданство.

Я . . . . . бывшій
подданный обѣщаюсь и клянусь Всемогущему Богу, что я Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссійскому и проч., и проч., и проч., и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Николаевичу хощу вѣрнымъ, добрымъ, послушнымъ и вѣчно подданнымъ съ моею фамиліею быть и никуда безъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія и указа за границу не отъѣзжать и въ чужестранную службу не вступать; такожъ съ непріятелями Его Императорскаго Величества вредительной откровенности не имѣть, ниже какую заповѣдную корреспонденцію внутрь и внѣ Россійскаго Государства содержать, и никакимъ образомъ противу должности вѣрнаго подданнаго Его Императорскаго Величества не поступать, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, предостерегать и оборонять, ...

1831 Авг. 29 (4777) ср. законы, подведенные подъ приложеніемъ V къ Основнымъ Законамъ.

Т. X, ч. I. Законы Гражданскіе.

Ст. **696.** Верховное обладаніе государственными имуществами принадлежитъ единственно самодержавной власти Императорскаго Величества.

1799 Августа 19 (10090). Именный, данный Сенату.—О порядкѣ производства дѣлъ о казенныхъ имуществахъ.

Для обезпеченія казенныхъ имѣній отъ неправильныхъ притязаній и ущерба, нужнымъ почитаемъ Мы предписать, дабы ни по какому рѣшенію или опредѣленію никакая принадлежность изъ дѣйствительнаго владѣнія и вѣдомства казеннаго не отходила; но въ случаѣ такомъ рѣшенія или опредѣленія препровождались на ревизію, а потомъ сообщались Казеннымъ Палатамъ для разсмотрѣнія и представленія съ мнѣніемъ Начальниковъ Губерній въ Нашъ Сенатъ, который, о слѣдующей отдачѣ чего либо по законамъ изъ вѣдомства казеннаго, имѣетъ вносить къ Намъ на конфирмацію. . . . . .

1801 Іюля 23 (19952). Сенатскій.—О взносѣ на ревизію дѣлъ, по коимъ отсуждаются земли изъ казеннаго вѣдомства помѣщикамъ.

. . . . . .
. . . . . Напротивъ сего встрѣчается по дѣламъ, что Межевая Канцелярія по рѣшеніямъ своимъ, хотя прежде онаго указа подписаннымъ, но до изданія онаго неисполненнымъ, приступаетъ къ таковому исполненію многое уже спустя время послѣ состоянія того указа, посылаетъ свои предписанія, отправляетъ Землемѣровъ для отрѣзки отсужденныхъ владѣльцамъ изъ казеннаго вѣдомства земель и выдаетъ планы на оныя, не относясь въ Сенатъ и не представляя дѣлъ. А какъ дѣйствіе сіе несогласно съ содержаніемъ того указа и удаляетъ нужное предохраненіе правъ казенныхъ имѣній, то не благоугодно ли будетъ Правительствующему Сенату подтвердить Межевымъ Канцеляріи и Конторамъ всѣ таковыя прежнія рѣшенія, отсудившія помѣщикамъ изъ владѣнія и вѣдомства казеннаго земли и угодья, кои по изданіи 1799 года Высочайшаго указа до нынѣ на мѣстахъ дѣйствительно отрѣзкою земель не исполнены, оставить тотчасъ симъ исполненіемъ, и самыя дѣла къ разсмотрѣнію по оной части, хотя бы и апелляціи со стороны казенной не было, внесть на ревизію изъ Конторъ въ Канцелярію, а отъ нее при подобномъ отсужденіи въ Сенатъ. . . . . .

1820 Марта 12. (28195).—Именный, данный Сенату. О правилахъ на раздачу Всемилостивѣйше жалуемыхъ земель.

. . . . . Дѣйствіе сихъ правилъ должно распространено быть на всѣ отводы земель по Всемилостивѣйшему пожалованію впредь съ изданія сихъ правилъ, равно и на тѣ, коихъ отдача еще понынѣ не утверждена, не касаясь тѣхъ только, которыя по прежнимъ указамъ Правительствующаго Сената уже дѣйствительно во владѣніе отданы. А какъ въ нѣкоторыхъ указахъ Нашихъ назначаемы были въ пожало-

ваніе земли и въ такихъ Губерніяхъ, въ которыхъ не имѣется 15-десятинной пропорціи: то съ изданіемъ настоящихъ правилъ и пожалованныя по тѣмъ указамъ земли отвести равнымъ образомъ, на основаніи 1 пункта сихъ правилъ.

Впрочемъ, для отвращенія медленности и неудобствъ, съ произвольнымъ выборомъ жалуемыхъ земель на мѣстахъ сопряженныхъ, Мы считаемъ за нужное поставить Министерству Финансовъ въ обязанность, дабы оно, о всѣхъ казенныхъ земляхъ, подъ изъясненныя правила подходящихъ, и слѣдовательно могущихъ быть отданными по Всемилостивѣйшему пожалованію въ частное владѣніе, собрало подобныя свѣдѣнія и планы и хранило бы оныя въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ, на тотъ конецъ, чтобъ каждое лицо, удостоившееся получить въ награду, или по другому случаю земли, могло безъ всякаго затрудненія себѣ ихъ выбрать, а Правительство было въ возможности назначить оныя въ отдачу, не обременяясь долговременными по предмету сему справками и перепискою.

Т. XI ч. I. Уставъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій.

Ст. **3.** Духовныя дѣла Христіанъ иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ вѣдаются особенными ихъ духовными управленіями, Верховною Самодержавною Властію къ тому предназначенными. Ср. узак., привед. подъ ст. 46 Зак. Осн.

Ст. **17.** Всѣ Христіане Римско-Католическаго исповѣданія, духовные и Свѣтскіе изъ подданныхъ государства по дѣламъ своего исповѣданія сносятся съ Римскою Куріею не иначе, какъ чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Никакія буллы, посланія и наставленія и вообще никакіе исходящіе отъ Папскаго Управленія акты не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе въ Имперіи и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ безъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія, испрашиваемаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по предварительномъ удостовѣреніи, что сіи акты не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ и священнымъ правамъ и преимуществамъ Верховной Самодержавной Власти.

1896 Апрѣля 29 (12849). Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта (Собр. Узак. 1896 г. Іюня 14, ст. 816).—Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей Устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, вызываемомъ изготовленіемъ новаго изданія сего Устава.

. . . . . .

Статья 2 приложенія 11 (по Прод. 1893 г.). Всѣ христіане Римско-Католическаго исповѣданія, духовные и свѣтскіе, изъ подданныхъ Государства, по дѣламъ своего исповѣданія сносятся съ Римскою Куріею не иначе, какъ чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Никакія буллы, посланія и наставленія и вообще никакіе исходящіе отъ Папскаго управленія акты не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе въ Имперіи и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ безъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія, испрашиваемаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по предварительномъ удостовѣреніи, что сіи акты не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ и священнымъ правамъ и преимуществамъ Верховной Самодержавной Власти.

Ст. **49.** Духовный судъ и управленіе церковными дѣлами въ каждой епархіи принадлежатъ ея Епископу, который въ точности соблюдаетъ все, что Монаршими указами запрещено и повелѣно, и охраняетъ по долгу вѣрноподданнической присяги права Самодержавной Власти, государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ. По сему онъ имѣетъ въ предѣлахъ своей епархіи надзоръ какъ за духовенствомъ бѣлымъ и монашествующимъ своего исповѣданія, такъ и за церквами, монастырями, семинаріями и вообще за всѣми духовными того же исповѣданія установленіями и ихъ имуществами.

1801 Ноябр. 13 (20053).—Высочайше утвержденный докладъ Сената.—О возстановленіи духовнаго и церковнаго Римско-Католическаго закона въ Россіи.

. . . . . .

3. Коллегіи, Епархіальнымъ Архіереямъ и Консисторіямъ, такъ какъ вообще и частно, Римско-Католическому духовенству, въ отправленіи дѣлъ и должностей своихъ поступать по законамъ и правиламъ церкви ихъ; наблюдая при томъ неупустительно все, что въ разсужденіи отношенія ко внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества Монаршими указами запрещено и повелѣно, и охраняя по долгу вѣрноподданнической присяги права Самодержавной власти, Государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ.

1866 Ноября 22 (43879). Именной, данный Сенату, распубликованный 25-го того же Ноября.—О томъ, чтобы дѣла Римскаго исповѣданія впредь вѣдались установленными для того въ Государствѣ властями и управленіями, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и Царства Польскаго.

Дѣйствіями Римскаго Двора прерваны сношенія онаго съ Нашимъ Правительствомъ и вслѣдствіе того заключенныя съ симъ Дворомъ, $\frac{\text{22 Іюля}}{\text{3 Августа}}$ 1847 года, условія и состоявшіяся въ дополненіе оныхъ особыя соглашенія, относительно управленія дѣлъ Римскаго исповѣданія въ предѣлахъ Россійской Державы, утратили всякую обязательную силу и не могутъ болѣе служить руководствомъ по управленію означенными дѣлами; а потому дѣла сіи должны впредь вѣдаться установленными для того въ Государствѣ властями и управленіями, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и Царства Польскаго.

Правительствующему Сенату повелѣваемъ сдѣлать надлежащія къ исполненію сего распоряженія.

Приложеніе къ статьѣ 1300.

Формы присяги Евреевъ.

2) Форма еврейской присяги на вѣрность подданства и службы.

Я, нижепоименованный, обѣщаю и клянусь Господомъ Богомъ (въ еврейскомъ текстѣ Адонай), Богомъ Израилевымъ, съ чистымъ сердцемъ и не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору NN, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю N N, вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; объ ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, в всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ какъ по сей (генеральной), такъ и по особливой, опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества именемъ отъ предуставленныхъ надо мною начальниковъ, опредѣляемымъ инструкціямъ и регламентамъ и указамъ, надлежащимъ образомъ, по совѣсти своей, исправлять и для своей корысти, свойства дружбы и вражды противно должности своей и присягѣ не поступать и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я передъ Богомъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь.

1859 Октября 19 (№ 34975). — Высочайше утвержденныя формы присягъ для Евреевъ:

. . . . . .

II. Форма Еврейской присяги на вѣрность подданства и службы.

Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Господомъ Богомъ (въ Еврейскомъ текстѣ Адонай), Богомъ Израилевымъ, съ чистымъ сердцемъ и не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемило-

стивѣйшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссійскому и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу, вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; о ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и недопускать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества именемъ отъ предуставленныхъ надо мною начальниковъ, опредѣляемымъ инструкціямъ и регламентамъ и указамъ, надлежащимъ образомъ, по совѣсти своей, исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присягѣ не поступать и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь.

1865 Апрѣля 12 (42012).—Манифестъ, распубликованный 19-го того же Апрѣля.—О кончинѣ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, и о провозглашеніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ Престола и Цесаревичемъ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Всевышнему угодно было поразить Насъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій Сынъ Нашъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Николай Александровичъ скончался въ городѣ Ниццѣ, сего Апрѣля въ 12-й день, послѣ тяжкихъ страданій . . . . . .

Лишившись первороднаго Сына и прямаго преемника Нашего, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы, на точномъ основаніи закона о Престолонаслѣдіи, провозглашаемъ втораго Сына Нашего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ Нашимъ и Цесаревичемъ.

3) Форма еврейской присяги на званіе Раввина.

Я, нижепоименованный, обѣщаю и клянусь Господомъ Богомъ (въ Еврейскомъ текстѣ Адонай), Богомъ Израилевымъ, съ чистымъ сердцемъ и не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ, въ томъ, что хощу чистымъ сердцемъ и душевнымъ желаніемъ и буду въ порученной мнѣ должности вѣрно и безкорыстно служить Государю нашему Императору, Самодержцу Всероссійскому, да вознесется Величество престола Его и Его Императорской Короны Наслѣднику, Великому Князю, да продлится благоденствіе Его въ долготу дней, не щадя притомъ живота своего до послѣдней капли крови, и повиноваться Высокой Его Императорскаго Величества власти и повелѣніямъ, равно какъ и постановленнымъ отъ Него правителямъ, судьямъ и начальникамъ.

И буду соблюдать и исполнять всѣ установленные и впредь установляемые государственные законы, регламенты и постановленія мѣстнаго начальства, наравнѣ съ законами нашихъ Святыхъ законоположителей, и буду направлять всѣми зависящими отъ меня средствами подлежащихъ моему ученію Евреевъ къ исполненію своихъ обязанностей, повиновенію гражданскимъ властямъ и сохраненію общественнаго порядка и спокойствія.

И не буду при отправленіи нашего богомоленія и совершенія обрядовъ вѣры какъ въ подлежащихъ моему вѣдомству синагогахъ и молитвенныхъ школахъ, такъ и внѣ оныхъ, равно какъ и въ хранящихся въ тѣхъ синагогахъ и школахъ книгахъ и свиткахъ и утвари, позволять или допускать чего либо противнаго существующимъ государственнымъ узаконеніямъ и высокой власти Императора, Всемилостивѣйше даровавшаго намъ свободу

исповѣдать вѣру нашу на основаніи законовъ, писанія и преданій нашихъ, Его Августѣйшему Дому, Государству, постановленнымъ отъ Него судьямъ и начальникамъ.

И не буду допускать или скрывать ничего вреднаго и противнаго законамъ Имперіи, а буду соблюдать все къ интересу и пользѣ высокой власти клонящееся, хранить крѣпко всякую ввѣренную мнѣ тайну и вообще такимъ образомъ вести себя и поступать, какъ то доброму и вѣрному подданному надлежитъ.

И какъ я предъ Богомъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь.

1859 Октября 19. Къ № 34975.

. . . . . .

III. Форма Еврейской присяги на званіе Раввина.

Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Господомъ Богомъ (въ Еврейскомъ текстѣ Адонай), Богомъ Израилевымъ, съ чистымъ сердцемъ и не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ, въ томъ, что хощу чистымъ сердцемъ и душевнымъ желаніемъ и буду въ порученной мнѣ должности вѣрно и безкорыстно служить Государю нашему Императору Александру Самодержцу Всероссійскому, да вознесется Величество престола Его и Сыну Его Императорской Короны Наслѣднику, Великому Князю Николаю; да продлится благоденствіе Его въ долготу дней, не щадя при томъ живота своего до послѣдней капли крови повиноваться Высокой Его Императорскаго Величества власти и повелѣніямъ, равно какъ и постановленнымъ отъ Него правителямъ, судьямъ и начальникамъ.

И буду соблюдать и исполнять всѣ установленные и впредь установляемые Государственные законы, регламенты и постановленія мѣстнаго начальства, наравнѣ съ законами нашихъ Святыхъ законоположителей, и буду направлять всѣми зависящими отъ меня средствами подлежащихъ моему ученію Евреевъ къ исполненію своихъ обязанностей, повиновенію гражданскимъ властямъ и сохраненію общественнаго порядка и спокойствія.

И не буду при отправленіи нашего богомоленія и совершенія обрядовъ вѣры, какъ въ подлежащихъ моему вѣдомству синагогахъ и молитвенныхъ школахъ, такъ и внѣ оныхъ, равно какъ и въ хранящихся въ тѣхъ синагогахъ и школахъ книгахъ и свиткахъ и утвари, позволять или допускать чего либо противнаго существующимъ государственнымъ узаконеніямъ и высокой власти Императора, Всемилостивѣйше даровавшаго намъ свободу исповѣдать вѣру нашу, на основаніи законовъ, писанія и преданій нашихъ, Его Августѣйшему Дому, Государству, постановленнымъ отъ Него, судьямъ и начальникамъ.

И не буду допускать или скрывать ничего вреднаго и противнаго законамъ Имперіи, а буду соблюдать все къ интересу и пользѣ Высокой власти клонящееся, хранить крѣпко всякую ввѣренную мнѣ тайну и вообще такимъ образомъ вести себя и поступать, какъ то доброму и вѣрному подданному надлежитъ.

И какъ я предъ Богомъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь.

1863 Апр. 12 (42012) см. законы, подведенные подъ присягою 2.

Прил. къ ст. 1300, прил.: II.

5) Форма еврейской присяги при поступленіи въ военную службу.

Я, нижепоименованный, обѣщаю и клянусь Господомъ Богомъ (въ Еврейскомъ текстѣ Адонай), Богомъ Израилевымъ, съ чистымъ сердцемъ и не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору NN, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю NN, вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться военному начальству, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣ-

нію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ и какъ я предъ Богомъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь.

1859 Октября 19, къ № 34975.

. . . . . .

V. Форма Еврейской присяги рекрутской.

Я, нижепоименованный, обѣщаю и клянусь Господомъ Богомъ (въ Еврейскомъ текстѣ Адонай), Богомъ Израилевымъ, съ чистымъ сердцемъ и не по иному, скрытому во мнѣ смыслу а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссійскому и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу, вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться военному начальству, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять и притомъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ, и какъ я предъ Богомъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь.

1865 Апр. 12 (42012) см. Законы, подведенные подъ присягою 2.

Т. XIV. Уставъ о Цензурѣ и Печати.

Ст. **4.** Произведенія Словесности, наукъ и искусствъ подвергаются запрещенію цензуры на основаніи правилъ сего Устава: 1) когда въ оныхъ содержится что либо клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ оныхъ содержится что либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти, или уваженіе къ Императорскому Дому, и что либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность, и 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою.

1828 Апр. 22 (1979) — Высочайше утвержденный Уставъ о Цензурѣ.

§ 3. Произведенія Словесности, Наукъ и Искусствъ подвергаются запрещенію Цензуры: 1) когда въ оныхъ содержится что либо клонящееся къ поколебанію ученія Православной Греко-Россійской Церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ Христіанской Вѣры. 2) Когда въ оныхъ содержится что либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной власти, или уваженіе къ Императорскому Дому, и что либо противное кореннымъ Государственнымъ постановленіямъ. 3) Когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность; и 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою.

Т. XIV. Уставъ о Паспортахъ (изд. 1903 г.).

Приложеніе къ ст. 197.

Образцы заграничныхъ паспортовъ, выдаваемыхъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Образецъ А.

(М. Г. Г.)

Божіею милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель сего и т. д.

Transl.	Traduct.
Von Gottes Gnaden Wir Nicolaus der Zweite Kaiser und Selbstherrscher aller Reussen etc., etc., etc.	Par la Grâce de Dieu Nous Nicolas II, Empereur et Autocrate de toutes les Russies etc., etc., etc.
и т. д.	и т. д.

Образецъ Б.

(М. Г. Г.)

По указу

Его Величества Государя Императора

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА,

Самодержца Всероссійскаго

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель сего и т. д.

Transl.	Traduct.
Auf Befehl Seiner Majestät des Kaisers Nicolaus Alexandrowitsch, Selbstherrschers aller Reussen etc. etc., etc.	Par Oukas de Sa Majesté l' Empereur Nicolas Alexandrowitch, Autocrate de toutes les Russies etc., etc., etc.

1850 Апр. 12 (24073).—Сенатскій, по Высочайшему повелѣнію.—О новыхъ формахъ паспортамъ, выдаваемымъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ на отъѣздъ за границу состоящимъ въ его вѣдомствѣ чиновникамъ, дипломатическимъ особамъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ и по дѣламъ службы.

Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, въ коемъ взъясняетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Государственнаго Канцлера, Всемилостивѣйше соизволилъ отмѣнить прежнія формы паспортовъ, выдаваемыхъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ на отъѣздъ за границу состоящимъ въ его вѣдомствѣ чиновникамъ, дипломатическимъ особамъ, курьерамъ и лицамъ, отправляемымъ въ чужіе края по Высочайшимъ повелѣніямъ и по дѣламъ службы

и утвердить новыя формы по прилагаемымъ у сего двумъ образцамъ (см. въ концѣ Тома). Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть паспортные бланкеты по той или другой формѣ изготовлять при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

1878 Янв. 31 (58137).—Высочайше утвержденное Положеніе и штатъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Ст. 13. Экспедиція заготовляетъ государственныя и прочія бумаги по непосредственному заказу правительственныхъ учрежденій. . . . . .

Т. XIV, Уставъ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій.

Ст. **66.** Римско-католическое духовенство, въ отправленіи дѣлъ и должностей своихъ, поступая по законамъ и правиламъ своей церкви, неупустительно наблюдаетъ все, что въ разсужденіи отношенія ко внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества Монаршими указами запрещено и повелѣно, и охраняетъ, по долгу вѣрноподданнической присяги, священныя права и преимущества Верховной и Самодержавной Власти, государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ.

Ст. 66 замѣнена правилами, изложенными въ статьяхъ 3, 17 и 49 Уставовъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (изд. 1896 г.).

1801 Ноября 15 (20053) Высочайше утвержденный докладъ Сената.—О возстановленіи духовнаго и церковнаго Правительствъ Римско-Католическаго закона въ Россіи.

. . . . . .

Положеніе для духовнаго и церковнаго Правительствъ Римско-Католическаго закона.

. . . . . .

3. Коллегіи, Епархіальнымъ Архіереямъ и Консисторіямъ, такъ какъ вообще и частно, Римско-Католическому Духовенству, въ отправленіи дѣлъ и должностей своихъ, поступать по законамъ и правиламъ церкви ихъ, наблюдая при томъ неупустительно все, что въ разсужденіи отношенія ко внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества Монаршими указами запрещено и повелѣно, и охраняя по долгу вѣрноподданнической присяги права Самодержавной власти, Государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ.

Уложеніе о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (изд. 1885 г.).

Ст. **243.** Всѣ участвовавшіе въ злоумышленіи или преступномъ дѣйствіи противъ Священной Особы Государя Императора, или противъ правъ Самодержавной Власти Его, въ видѣ сообщниковъ, пособниковъ, подговорщиковъ, подстрекателей или попустителей, а равно и укрыватели виновныхъ въ семъ, и тѣ, которые, знавъ и имѣя возможность донести о злоумышленіи или о злоумышленникахъ, не исполнили сей обязанности, приговариваются:

къ тому же наказанію.

1845 Авг. 15 (19283).—Высочайше утвержденное Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ.

265. Всѣ участвовавшіе въ злоумышленіи или преступномъ дѣйствіи противъ Священной Особы Государя Императора, или противъ правъ Самодержавной Власти Его, въ видѣ сообщниковъ, подговорщиковъ, подстрекателей или попустителей, а равно и укрыватели виновныхъ въ семъ, и тѣ, которые, знавъ и имѣя возможность донести о злоумышленіи или злоумышленникахъ, не исполнили сей обязанности, приговариваются: къ тому же наказанію.

Т. XVI. Учрежденіе Судебныхъ Установленій.

Приложеніе IV (къ ст. 225).

I. Форма присяги на должность судьи.

«Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято законы Имперіи, творить судъ по чистой совѣсти, безъ всякаго въ чью либо пользу лицепріятія, и поступать во всемъ соотвѣтственно званію, мною принимаемому, памятуя, что я во всемъ этомъ долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Приложеніе II къ Учрежденію Судебныхъ Установленій.—1864 Ноября 20 (41475).

Формы присяги.

I. Форма присяги на должность судьи (къ ст. 225).

«Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято законы Имперіи, творить судъ по чистой совѣсти, безъ всякаго въ чью либо пользу лицепріятія, и поступать во всемъ соотвѣтственно званію, мною принимаемому, памятуя, что я во всемъ этомъ долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

(къ ст. 303).

II. Форма присяги на должность Судебнаго Пристава.

«Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому. . . . . .

. . . . . .

Приложеніе II къ Учрежденію Судебныхъ Установленій.—1864 Ноября 20 (41475).

Формы присяги.

Форма присяги на должность Судебнаго Пристава (къ ст. 303).

«Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, честно и добросовѣстно исполнять всѣ обязанности принимаемой мною на себя должности и всѣ относящіеся до

сихъ обязанностей законы и правила, распоряженія и порученія, не превышать предоставленной мнѣ власти и не причинять съ умысломъ никому ущерба или убытковъ, а напротивъ, ввѣряемые мнѣ интересы ограждать какъ свои собственные, памятуя, что я во всемъ этомъ долженъ дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

(къ ст. 381).

III. Форма присяги на званіе Присяжнаго Повѣреннаго.

«Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому. . . . . .

. . . . . .

Приложеніе II къ Учрежденію Судебныхъ Установленій.—1864 Ноября 20 (41475).

Формы присяги.

III. Форма присяги на званіе Присяжнаго Повѣреннаго (къ ст. 381).

«Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, исполнять въ точности и по крайнему моему разумѣнію законы Имперіи, не писать и не говорить на судѣ ничего, что могло бы клониться къ ослабленію Православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, но честно и добросовѣстно исполнять обязанности принимаемаго мною на себя званія, не нарушать уваженія къ судамъ и властямъ и охранять интересы моихъ довѣрителей, или лицъ, дѣла которыхъ будутъ на меня возложены, памятуя, что я во всемъ этомъ долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Приложеніе XIII (къ ст. 598).

Форма присяги на должность Секретаря и Помощника Секретаря Крѣпостнаго Отдѣленія.

Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ Крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято законы Имперіи . . . . . .

. . . . . .

1889 Іюля 9 (6188) Высочайше утвержденное Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійской губерніи.

Прил. V (къ ст. 43).

Форма присяги на должность Секретаря и Помощника Секретаря Крѣпостнаго Отдѣленія.

Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ Крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Вели-

честву Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято законы Имперіи, хранить ненарушимо ввѣряемые мнѣ документы и книги и поступать во всемъ соотвѣтственно возлагаемой на меня обязанности, памятуя, что во всемъ этомъ я долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на Страшномъ Судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

Т. XVI. Положеніе о Нотаріальной части.

Приложеніе къ статьѣ 294.

Форма присяги на должность Секретаря и Помощника Секретаря Крѣпостнаго Отдѣленія.

Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Евангеліемъ и животворящимъ Крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято законы Имперіи . . . . . .

. . . . . .

1889 Іюля 9 (6188) Высочайше утвержденное Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ къ № 6188.—1889 Іюля 9.

Приложеніе V (къ ст. 43).

Форма присяги на должность Секретаря и Помощника Секретаря Крѣпостнаго Отдѣленія.

Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому, исполнять свято законы Имперіи, хранить ненарушимо ввѣряемые мнѣ документы и книги и поступать во всемъ соотвѣтственно возлагаемой на меня обязанности, памятуя, что во всемъ этомъ я долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на Страшномъ Судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

III. Юридическая Конструкція.

а) Б. Чичеринъ.

1) Б. Чичеринъ. Общее Государственное Право Ч. I. 1894 г.

. . . . . .

Совокупность принадлежащихъ верховной власти правъ есть полновластіе (Machtvollkommenheit), какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Юридически, она ничѣмъ не ограничена; она можетъ дѣлать все, что считаетъ нужнымъ для общаго блага. Въ этомъ отношеніи, она не подчиняется ни чьему суду, ибо если бы былъ высшій судья, то ему принадлежала бы верховная власть. Она источникъ всякаго положительнаго закона, который она можетъ установлять, измѣнять и отмѣнять по усмотрѣнію. Она верховный судья всякаго права, ибо право опредѣляется закономъ, а законъ устанавливается верховною властью. Наконецъ, она источникъ всякой государственной власти и верховный судья всѣхъ другихъ властей. Однимъ словомъ, эта власть въ юридической области полная и безусловная. Эта полнота власти называется иногда абсолютизмомъ государства, въ отличіе отъ абсолютизма князя. Въ самодержавныхъ правленіяхъ монархъ потому имѣетъ неограниченную власть, что онъ единственный представитель государства, какъ цѣлаго союза. Но и во всякомъ другомъ образѣ правленія верховная власть точно также неограничена. Англичане называютъ парламентъ всемогущимъ. Это полновластіе не составляетъ принадлежности того или другого образа правленія; оно существуетъ при всякомъ образѣ правленія, ибо неразлучно съ самымъ существомъ государства, какъ верховнаго союза.

Однако это ученіе признается не всѣми. Многіе публицисты считаютъ верховную власть ограниченною по самому ея существу. Но если мы разсмотримъ тѣ ограниченія, которыми ду-

мають связать юридическое полновластіе государства, то увидимъ, что они совершенно несостоятельны, чѣмъ еще болѣе подтверждается правильность нашего взгляда [1]).

. . . . . .

Чистая монархія есть образъ правленія, въ которомъ верховная власть принадлежитъ одному монарху.

Изъ всѣхъ политическихъ формъ, эта та, которая представляетъ во всей полнотѣ единство государственной воли, а съ тѣмъ вмѣстѣ единство самаго союза. Если государство составляетъ нравственное лицо, имѣющее единую волю, то представителемъ этой воли естественнѣе всего является воля одного физическаго лица, облеченнаго властью, то есть монарха. Во всякомъ другомъ образѣ правленія верховная власть распредѣляется между разными лицами, которыхъ воли должны быть сведены къ единству искусственнымъ путемъ [2]).

. . . . . .

По самому существу этого правленія, монархъ держитъ власть независимо отъ кого бы то ни было, ни какъ уполномоченный, а по собственному праву. Поэтому онъ называется самодержцемъ. Этотъ титулъ присвоивается обыкновенно монархіи неограниченной, хотя, по смыслу выраженія, онъ можетъ относиться и къ монархіи ограниченной, гдѣ престолъ пріобрѣтается въ силу наслѣдственнаго права.

Имѣя верховную власть независимо отъ какой либо человѣческой воли, монархъ тѣмъ самымъ считается получившимъ ее свыше, по божескому изволенію. Это даетъ власти религіозное освященіе, что выражается въ титулѣ словами: «Божіею милостію». Этотъ титулъ носятъ англійскіе короли, такъ же какъ неограниченные монархи [3]).

. . . . . .

Монархія съ народнымъ представительствомъ, или конституціонная монархія, отличается отъ монархіи съ сословными собраніями тѣмъ, что ограниченіе монархической власти истекаетъ не изъ частныхъ привилегій отдѣльныхъ сословій, а изъ понятія о народѣ, какъ совокупномъ цѣломъ, участвующемъ въ верховной власти. Здѣсь представительство не сословное, а на-

---

[1]) Чичеринъ, Общ. Гос. право, стр. 62, 63.

[2]) Стр. 133.

[3]) Стр. 134.

родное; только здѣсь существуетъ истинное представительное начало.

. . . . . .

Изъ этого вытекаютъ слѣдующія отличительныя черты народнаго представительства отъ сословнаго:

1. Каждый выборный считается представителемъ цѣлаго народа, а не какой либо части, хотя бы онъ былъ выбранъ только отдѣльнымъ округомъ. Причина та, что онъ представляетъ не одни только сословныя или мѣстныя права и интересы, но является носителемъ извѣстной доли верховной власти; послѣдняя же принадлежитъ цѣлому, а не частямъ.

2. Какъ носители верховной власти, выборные люди суть настоящіе представители, а не уполномоченные отъ избирателей. Поэтому они не могутъ быть связаны инструкціями; но дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію и не отвѣтствуютъ за свои дѣйствія.

3. Права ихъ состоятъ не въ защитѣ вольностей, а въ отправленіи извѣстной функціи государственнаго организма; имъ ввѣряется извѣстная отрасль верховной власти.

4. Какъ постоянные органы государственной власти собранія сзываются постоянно и правильно.

5. Собранія дѣйствуютъ какъ органы верховной власти. Поэтому здѣсь не можетъ быть договорныхъ отношеній между королемъ и палатами, не можетъ быть и частныхъ гарантій, какія установлялись средневѣковыми хартіями. Верховная воля государства выражается въ совокупномъ рѣшеніи различныхъ органовъ власти, на основаніи взаимныхъ правъ, опредѣляемыхъ основнымъ государственнымъ закономъ.

Такимъ образомъ, устройство конституціонной монархіи основано на распредѣленіи верховной власти между монархомъ и народомъ. Цѣль ея состоитъ въ соглашеніи свободы съ порядкомъ и властью.

Однако это начало признается не всѣми. Нѣкоторые нѣмецкіе публицисты вовсе его отрицаютъ. По ихъ ученію, вся верховная власть нераздѣльно сосредоточивается въ лицѣ монарха, а народъ призывается только къ содѣйствію и участію въ законодательствѣ. Эта теорія вошла даже, какъ общее правило, въ Вѣнскій Заключительный Актъ 1820 года [1]).

. . . . . .

[1]) Тамъ же, стр. 167, 168.

Въ совершенно противоположную односторонность впадаютъ новѣйшіе демократическіе толкователи англійской конституціи, которые, какъ Дайси, различаютъ юридическое полновластіе и политическое. Первое, по этому ученію, безспорно принадлежитъ парламенту, то есть, королю и двумъ палатамъ; второе же всецѣло принадлежитъ народу, или большинству избирателей, которыхъ воля всегда является преобладающею. Эта теорія, опирающаяся на практику парламентскаго правленія, которая будетъ выяснена ниже, лишена серьезныхъ основаній. Понятіе о верховной власти есть понятіе юридическое, относящееся къ политической области. Оно является юридическимъ выраженіемъ государственныхъ отношеній. Поэтому политическое понятіе не отличается отъ юридическаго. Можно отличить только фактическое вліяніе отъ юридической власти; но вліяніе не есть право [1]).

. . . . . .

Нѣтъ сомнѣнія однако, что . . . . главный центръ вліянія переносится въ нижнюю палату, а политическое значеніе королевской власти значительно умаляется. Отъ нея отходитъ все дѣятельное управленіе, которое переносится въ министерство, состоящее въ зависимости отъ народнаго представительства. Король остается королемъ, но не правитъ непосредственно. Это обозначается французскимъ изреченіемъ: «король царствуетъ, но не правитъ» (le roi règne et ne gouverne pas).

Въ чемъ же состоитъ царствованіе въ отличіе отъ правленія? 1) Король остается знаменемъ государственнаго и народнаго единства, символомъ высшей власти, а потому предметомъ народной любви и уваженія. Эти нравственныя начала всегда сохраняютъ высокое значеніе и въ политической области. 2) Онъ является хранителемъ основнаго закона; уважая власть, поставленную надъ всѣми, всѣ другія держатся въ предѣлахъ своего права. 3) Какъ блюститель общихъ интересовъ государства и народа, онъ можетъ устранить всякую мѣру, противную этимъ интересамъ. Онъ можетъ не утвердить возбуждающаго страсти закона, даже въ противность мнѣнію министерства и палатъ; онъ можетъ не согласиться на начатіе войны или на заключеніе мира, и верховная его воля не подлежитъ наруше-

[1]) Тамъ же, стр. 168, 169.

нію. 4) Пока министерство и палаты дѣйствуютъ согласно, онъ обыкновенно не вмѣшивается въ управленіе; но какъ скоро происходитъ столкновеніе, король является судьею. Онъ рѣшаетъ, должно ли министерство подать въ отставку или распустить палату. Если верхняя палата противится политикѣ, защищаемой министерствомъ и имѣющей за себя большинство представительства, то отъ короля зависитъ назначеніе или неназначеніе потребнаго количества членовъ, которымъ можетъ измѣниться составъ верхней палаты, огромное преимущество, которымъ значительно стѣсняется власть палаты представителей; безъ короля она не можетъ провести свои взгляды. 5) При несогласіи съ политикою министерства и палатъ, король можетъ назначать отъ себя новое министерство и затѣмъ распустить выборную палату. Такъ поступилъ Георгъ III въ 1783 г. при отставкѣ Фокса и назначеніи Питта. Послѣдній нѣсколько разъ имѣлъ противъ себя большинство; но наконецъ палата была распущена, и избиратели своимъ приговоромъ одобрили политику одного изъ величайшихъ англійскихъ министровъ. Наконецъ, 6) даже въ обыкновенныхъ дѣлахъ, король, по своему положенію, всегда можетъ имѣть на нихъ огромное вліяніе. Стоя надъ партіями, непричастный ихъ борьбѣ, онъ ихъ воздерживаетъ, умѣряетъ, даетъ совѣты и направленія. Это закулисное вліяніе можетъ даже переходить границы благоразумія, какъ и было въ царствованіе Людовика-Филиппа.

Такимъ образомъ, королевская власть получаетъ здѣсь особенный характеръ. Правительственная власть раздвояется: дѣятельная ея часть, состоящая собственно въ управленіи, ввѣряется министерству и становится на ряду съ законодательною властью. Королевская же власть, участвуя въ законодательствѣ утвержденіемъ законовъ, въ правительственной назначеніемъ министерства и верховными рѣшеніями и совѣтами, въ судебной назначеніемъ судей и правомъ помилованія, становится выше всѣхъ прочихъ властей. Это четвертая власть, власть умѣряющая, или княжеская, которая, при раздѣленіи властей, представляетъ государственное единство, воздерживаетъ партіи, успокоиваетъ страсти, охраняетъ права и интересы меньшинства, имѣя всегда въ виду высшее благо цѣлаго, а не какой-либо части. Король, возвышаясь надъ всѣми, есть ключъ кон-

ституціоннаго правленія и высшій представитель государства. [1])

2) Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. 1899.

. . . . . .

Въ Западной Европѣ исключительное господство монархическаго начала уступило мѣсто другой формѣ, въ которой монархическая власть ограничивается народнымъ представительствомъ и такимъ образомъ соединяется съ свободою. Самодержавная монархія превратилась въ представительную. Ранѣе всего эта перемѣна совершилась въ Англіи гдѣ, въ сущности, монархическая власть никогда не была вполнѣ неограниченною [2]). . . . . .

. . . . . .

Въ представительной монархіи верховная власть остается единою по идеѣ; она принадлежитъ совокупности всѣхъ составляющихъ ее элементовъ, которыхъ общее рѣшеніе является выраженіемъ верховной воли. Но въ различныхъ своихъ отправленіяхъ верховная власть распредѣляется между разными органами, другъ отъ друга независимыми [3]). . . . . .

. . . . . .

Многіе публицисты утверждаютъ даже, что раздѣленіе властей не болѣе, какъ мечта; въ дѣйствительности, говорятъ они, всегда установляется преобладаніе той или другой. Однако, это мнѣніе справедливо только отчасти. Преобладаніе не означаетъ полновластія [4]) . . . . . .

. . . . . .

Вопросъ о преобладаніи рѣшается не закономъ, а фактическою силой сторонъ. Превосходство должно быть доказано на дѣлѣ; жизнь обнаруживаетъ, которая изъ властей могущественнѣе и способнѣе стоять во главѣ государства [5]). . . . . .

Такимъ образомъ, въ Англіи перевѣсъ Нижней палаты

---

[1]) Тамъ же, стр. 181, 182.

[2]) О народ. представ., стр. 125.

[3]) Стр. 129.

[4]) Стр. 131.

[5]) Стр. 132.

явился плодомъ многовѣковой борьбы и неоднократныхъ революцій [1]) . . . . . .

. . . . . .

Низшую форму народнаго представительства составляютъ совѣщательныя собранія. Они подаютъ правительству совѣты, когда оно ихъ спрашиваетъ, но постановленія ихъ не имѣютъ обязательной силы. Правительство можетъ рѣшить дѣло, какъ ему заблагоразсудится; мнѣніе собранія служитъ только матеріаломъ для рѣшенія, наравнѣ съ другими способами изученія вопросовъ. Подобныя собранія встрѣчаются въ исторіи, но не въ видѣ постоянныхъ учрежденій, а какъ временныя пособія правительству, особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ. Они принадлежатъ къ младенческимъ эпохамъ государственной жизни, когда власть имѣетъ мало средствъ, а голосъ народа лишенъ возможности проявиться другимъ путемъ [2]) . . . . .

. . . . . .

Раздѣленіе народа на сословія имѣетъ значеніе особенно при самодержавномъ правленіи. Повсемѣстное водвореніе неограниченной монархіи въ Европѣ было вызвано, главнымъ образомъ, раздробленнымъ состояніемъ общества, въ которомъ различныя, ничѣмъ не сдержанныя силы, приходя въ столкновеніе другъ съ другомъ, производили постоянную анархію. Для установленія порядка нужна была единая власть, господствующая надъ всѣми [3]) . . . . . .

. . . . . .

Поэтому тамъ, гдѣ сословія раздѣлялись менѣе рѣзкими чертами, гдѣ различные слои народонаселенія сливались и дѣйствовали сообща, тамъ мы видимъ меньшее развитіе самодержавной власти. Такъ было въ Англіи; отсюда различіе англійской исторіи отъ хода политической жизни на европейскомъ материкѣ [4]) . . . . . .

. . . . . .

Въ основаніи неограниченной монархіи лежитъ начало обязанности, въ противоположность началу права, на которомъ зиждется народное правленіе. Однако, самодержавіе не исклю-

[1]) Тамъ же, стр. 132.

[2]) Стр. 135.

[3]) Стр. 167.

[4]) Стр. 167.

чаетъ элемента права, но оно допускаетъ его только въ подчиненныхъ сферахъ [1]) . . . . . .

. . . . . .

Такимъ образомъ, самодержавіе, по своему существу, опирается на сословное устройство, которое замѣняетъ общія политическія права гражданъ частными правами и обязанностями отдѣльныхъ частей народа. Совершенно иныя условія представительной монархіи. Здѣсь народъ призывается къ участію въ верховной власти, а такъ какъ послѣдняя, по идеѣ своей, едина, и правленіе требуетъ единства дѣйствія, то въ основаніи политической свободы полагаются не права отдѣльныхъ классовъ, а общія права всѣхъ гражданъ [2]) . . . . . .

. . . . . .

Въ Англіи монархія не развилась въ чистую форму самодержавія, какъ въ другихъ великихъ европейскихъ государствахъ. Средневѣковая борьба не пропала даромъ. Она оставила по себѣ прочные слѣды въ представительныхъ учрежденіяхъ, которыя удержались даже при самыхъ деспотическихъ короляхъ и сохранили начала свободы до болѣе благопріятной поры [3]) . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Преобразованія исходили отъ самодержавной власти правителей. Сдѣлавшись независимыми отъ Имперіи, мелкіе нѣмецкіе государи истолковали свое державное право въ смыслѣ полновластія и во внутреннемъ управленіи; поэтому они большею частью отмѣнили всѣ остатки сословнаго представительства [4]). . . . . .

. . . . . .

Установлено было толкованіе 13-й статьи Союзнаго акта, устранявшее конституціонныя формы новаго времени. Сдѣлано было различіе между учрежденіями представительными и сословными; только послѣднія были объявлены совмѣстными съ общими началами Союза. Эта система, заимствованная изъ средневѣковыхъ понятій о сословныхъ правахъ, не отвѣчала

[1]) Тамъ же, стр. 167.

[2]) Стр. 169.

[3]) Стр. 350.

[4]) Стр. 461

ни теоріи, ни практикѣ конституціонныхъ учрежденій, но она вела къ подавленію свободы. Опираясь на эти начала, нѣмецкіе государи старались по возможности ограничить права собраній, а нѣкоторые даже совершенно перестали считать себя связанными своими прежними обѣщаніями и 13-ю статьею Союзнаго Акта. Конституціонная жизнь притихла въ Германіи, пока ее не пробудила снова французская революція.

Во главѣ реакціоннаго движенія, естественнно, стояла Австрія, которая, подчиняясь требованіямъ внутренней политики, должна была стремиться къ сохраненію неприкосновенности монархическаго начала [1]). . . . . .

. . . . . .

Въ Россіи, какъ на Западѣ, рядомъ съ вотчиннымъ устройствомъ возникаютъ вольныя общины съ державными или полудержавными правами. И вотчины, и вольныя общины почти одновременно на Востокѣ и на Западѣ уступаютъ мѣсто единодержавію, замѣняющему средневѣковыя дробныя силы и соединяющему землю въ единое государство. Наконецъ, для довершенія сходства, Россія, какъ западные народы, проходитъ черезъ періодъ земскихъ соборовъ, за которымъ слѣдуетъ полное владычество самодержавія [2]). . . . . .

. . . . . .

Въ Россіи мы замѣчаемъ большую слабость, но вмѣстѣ и большую податливость общественныхъ стихій, менѣе внутренней борьбы, но болѣе подчиненія, нежели на Западѣ. Здѣсь должно было развиться не столько начало права, истекающее изъ крѣпости самородныхъ союзовъ и изъ требованій человѣческой личности, сколько начало власти, которое одно могло сплотить необъятныя пространства и разбросанное народонаселеніе въ единое государственное тѣло. То общественное устройство, которое на Западѣ установилось само собою, дѣятельностью общества, вслѣдствіе взаимныхъ отношеній разнообразныхъ его элементовъ, въ Россіи получило бытіе отъ государства; монархія сдѣлалась исходною точкою и вожатаемъ всего историческаго развитія народной жизни. Народъ помогалъ ей всѣми силами въ устроеніи отечества, но не столько собственною инціативою, сколько подчиняясь мановенію сверху и неся

[1]) Тамъ же, стр. 470, 471.

[2]) Стр. 523, 524.

на себѣ громадныя тяжести для общаго блага. Это историческое значеніе самодержавной власти дало ей такую мощь, какой она не имѣла ни въ одной европейской странѣ, и передъ которою должны были исчезнуть всякія представительныя учрежденія. Уже въ XVI вѣкѣ иностранцы, посѣщавшіе Россію, замѣтили, что русскій царь—самый неограниченный монархъ въ Европѣ, и такимъ онъ остался доселѣ.

Развитіе самодержавія относится, впрочемъ, къ позднѣйшему государственному періоду русской исторіи, который, какъ и на Западѣ, начинается съ половины XV столѣтія; но уже въ удѣльную эпоху, когда Россія дробилась на мелкія княжества, когда вольные слуги переѣзжали отъ одного господина къ другому и общины говорили съ князьями, какъ съ равными, сложились условія будущаго порядка.

У насъ, какъ и на Западѣ, во главѣ общества стоялъ князь съ дружиною. Но западные дружинники были гораздо могущественнѣе русскихъ. Они усѣлись на мѣстахъ, сдѣлались центрами мелкихъ, владѣльческихъ союзовъ, вступили въ прочныя, потомственныя отношенія къ господину. Дружинная связь превратилась въ феодальную, которая, примыкая къ собственности, преимущественно поземельной, имѣла несравненно болѣе крѣпости, нежели личная, договорная служба [1]). . . . . .

. . . . . .

Въ Россіи бояре и слуги не усѣлись на мѣстахъ, какъ феодальные владѣльцы, не пріобрѣли мѣстной власти, а остались кочевыми наемниками [2]). . . . . .

. . . . . .

Личная воля, безграничная, не знающая надъ собою власти,—таково было единственное право служилыхъ людей. Кто былъ недоволенъ княземъ, тотъ отъѣзжалъ къ другому [3]). . . . . .

. . . . . .

Поэтому здѣсь жизнь не могла выработать и сословнаго представительства. Оно установилось позднѣе, дѣйствіемъ сверху, вслѣдствіе потребностей государства [4]) . . . . . .

---

[1]) Тамъ же, стр. 525, 526.

[2]) Стр. 527.

[3]) Стр. 528.

[4]) Стр. 528.

. . . . . .

Съ другой стороны, и вольныя общины имѣли въ Россіи гораздо менѣе внутренней крѣпости, нежели на Западѣ [1]) . .

. . . . . .

Новгородъ и Псковъ стояли уединенно среди русской земли [2]) . . . . . .

. . . . . .

отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ представляютъ одинокую борьбу державной общины съ болѣе и болѣе усиливающеюся монархическою властью [3]) . . . . . .

. . . . . .

Для соединенія разсѣянныхъ, разобщенныхъ силъ нужна была власть, стоящая надъ ними, отъ нихъ независимая; она явилась въ лицѣ московскихъ государей [4]) . . . . . .

. . . . . .

На западѣ подданническія отношенія строились по типу Римской имперіи, въ которой, при всей неограниченности власти монарха, господствовали понятія, основанныя на государственныхъ началахъ. Въ Россіи образцомъ служила восточная деспотія. [5]) . . . . . .

. . . . . .

Государственная власть имѣла въ Россіи иныя задачи, нежели на Западѣ. Тамъ она вступила въ борьбу съ крѣпко организованными, самородными силами; подчиняя ихъ себѣ, она принуждена была входить съ ними въ сдѣлки, удѣлять имъ извѣстное участіе въ общихъ дѣлахъ. Начала свободы, завѣщанныя средними вѣками, уступая единодержавію, не заглохли совершенно. Въ нѣкоторыхъ странахъ они сохранялись непрерывно, въ другихъ послужили источникомъ позднѣйшаго возрожденія. Въ Россіи государству предстояло, прежде всего, укрѣпить и устроить самый общественный бытъ, который, при господствѣ личной независимости, при кочевомъ состояніи населенія, представлялъ массу разрозненныхъ, бродящихъ элементовъ, лишен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 528.
[2]) Стр. 529.
[3]) Стр. 529.
[4]) Стр. 531.
[5]) Стр. 531.

ныхъ внутренней связи и организаціи. Здѣсь все общественное зданіе должно было воздвигаться рукою власти [1]).

. . . . . .

Въ основаніе всего государственнаго быта легло начало обязанности, подчиненія, въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, нежели въ какой либо другой европейской странѣ. Поэтому въ Россіи не могло быть рѣчи о представительствѣ, облеченномъ политическими правами [2]).....

. . . . . .

Россія, какъ и западные народы, при устроеніи государства, прошла черезъ періодъ земскихъ собраній [3]).

. . . . . .

Но очевидно, что, при русскомъ общественномъ строѣ, при громадномъ развитіи самодержавной власти, при крѣпостномъ состояніи населенія, земскіе сборы должны были имѣть несравненно меньшее значеніе, нежели подобныя собранія на Западѣ [4]).....

. . . . . .

На земскихъ соборахъ нѣтъ и помину о политическихъ правахъ. Еще менѣе допускается ихъ вмѣшательство въ государственное управленіе, на что западные чины постоянно заявляли притязаніе. Характеръ земскихъ соборовъ остается чисто совѣщательнымъ. Они созываются правительствомъ, когда оно нуждается въ смѣтѣ по извѣстному дѣлу [5]).

. . . . . .

Широкое поле открылось самодѣятельности русскаго общества съ пресѣченіемъ династіи Рюрика. Законнаго наслѣдника престола не было, надобно было призвать землю къ выбору государя. Не только политическое право, но самая государственная власть находилась въ рукахъ народа. Однако, ему не приходило на мысль считать себя верховною властью. Выборные люди созывались какъ будто единственно для того, чтобы угадать назначеннаго Богомъ царя. Даже стремленія ограничить царскую волю и обезпечить права гражданъ были совершенно чужды огромному большинству тогдашняго общества.

1) Тамъ же, стр. 532.
2) Стр. 533, 534.
3) Стр. 553.
4) Стр. 535, 536.
5) Стр. 536.

Подобныя попытки исходили изъ малочисленнаго круга бояръ, которые, помня и прежнюю свободу, и царствованіе Грознаго, хотѣли оградить себя отъ произвола ограниченіемъ царской власти [1]).

. . . . . .

Боярская Дума рѣшила признать царемъ Владислава и вступила въ переговоры съ Жолкѣвскимъ. Заключенный между ними договоръ содержитъ въ себѣ весьма значительныя ограниченія царской власти; если бы онъ былъ приведенъ въ исполненіе, русское государство приняло бы совершенно иной видъ [2]).

. . . . . .

Снова верховная власть, и въ первый разъ настоящимъ образомъ, находилась въ рукахъ народа. Въ Москву былъ созванъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. На немъ были выборные не только отъ служилыхъ и посадскихъ людей, какъ обыкновенно, но въ первый разъ и отъ уѣздныхъ, то есть отъ крестьянъ. Однако, и теперь народъ не считалъ избраніе царя актомъ своей воли, но видѣлъ въ этомъ изволеніе Бога, наставившаго людей на эту мысль [3]).

. . . . . .

Но если царская власть не была ограничена юридически, то она не могла обойтись безъ усиленнаго содѣйствія всей земли [4]).

. . . . . .

Изъ грамотъ видно, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича соборы имѣютъ уже не чисто совѣщательный характеръ [5]).

. . . . . .

Но, съ другой стороны, понятіе о представительствѣ всей земли было до такой степени шатко или, лучше сказать, до такой степени отсутствовало, что соборы обыкновенно соста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 539, 540.
[2]) Стр. 543.
[3]) Стр. 544.
[4]) Стр. 545.
[5]) Стр. 546.

влялись вовсе не изъ выборныхъ отъ всего государства, а единственно изъ московскихъ чиновъ [1]).

. . . . . .

Земскіе соборы прекратились въ Россіи въ половинѣ XVII вѣка, одновременно съ прекращеніемъ сословнаго представительства во многихъ государствахъ европейскаго материка [2]).

. . . . . .

Но въ Россіи, гдѣ самодержавная власть была сильнѣе, нежели въ другихъ государствахъ, а представительные элементы, напротивъ, были слишкомъ слабы и никогда не имѣли даже настоящихъ правъ, паденіе совѣщательныхъ собраній совершилось всего легче. Земскіе соборы исчезли не вслѣдствіе сословной розни или опасеній монарховъ, а просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества [3]). . . . . .

. . . . . .

б) В. В. Ивановскій. Русское государственное право. Т. I, ч. 1. 1895 г.

. . . . . .

Начало внѣшняго суверенитета признавалось огромнымъ большинствомъ государствовѣдовъ; возникавшія въ дѣйствительной жизни отношенія зависимости между отдѣльными государствами заставили вновь обратиться къ оцѣнкѣ понятія суверенитета и породили новыя воззрѣнія, по которымъ начало внѣшняго суверенитета не считается существеннымъ для понятія верховной власти. Отсюда, повидимому, одинъ только шагъ и до отрицанія внутренняго суверенитета власти, попытка къ чему уже и сдѣлана нѣкоторыми учеными [4]).

. . . . . .

Изъ этого существеннаго признака вытекаетъ признакъ единства власти, или ея недѣлимости. Если государственная власть суверенна, то она и едина; допустить возможность нѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 546.
[2]) Стр. 560.
[3]) Стр. 560.
[4]) Ивановскій, стр. 10.

сколькихъ суверенныхъ властей, значитъ отрицать начало самаго суверенитета [1]).

. . . . . .

Во время революцій наблюдается одновременное существованіе какъ бы нѣсколькихъ верховныхъ властей, между которыми и ведется борьба. Революціонное состояніе общества въ тотъ моментъ, когда борьба между не признающими другъ друга властями еще ведется, когда шансы не склонились еще ни въ ту, ни въ другую сторону, есть состояніе внѣгосударственное [2]).

. . . . . .

При всей видимости двухъ властей или лучше сказать двухъ субъектовъ власти, никто, однако, не рѣшается признать наличности двухъ верховныхъ властей. Правда, многіе государствовѣды не далеки отъ этого, хотя и независимо отъ собственнаго желанія. Они утверждаютъ, что, при конституціонномъ устройствѣ, вся полнота верховной власти принадлежитъ королю или вообще единоличному представителю государства, только что способы выполненія этой власти или пользованія ею ограничиваются народнымъ представительствомъ. Рѣдко можно встрѣтить такое грубое противорѣчіе [3]).

. . . . . .

Признавая органомъ верховной власти короля, слѣдуетъ отвергнуть признакъ ограниченности и тогда получается абсолютное государство; допуская признакъ ограниченности королевской власти, необходимо отвергнуть фактъ принадлежности королю верховной власти и тогда будемъ имѣть иную форму правленія, въ данномъ случаѣ конституціонную монархію. Стремленіе ученыхъ считать въ конституціонной монархіи органомъ верховной власти короля объясняется отчасти историческими традиціями, простирающими свое вліяніе и на науку, отчасти, и надо думать по преимуществу, трудностями отыскать единство въ вышеупомянутыхъ факторахъ организаціи верховной власти [4]).

. . . . . .

[1]) Тамъ же, стр. 12, 13.

[2]) Стр. 13.

[3]) Стр. 23.

[4]) Стр. 23, 24.

Кто же, въ самомъ дѣлѣ, является субъектомъ верховной власти въ конституціонной монархіи? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ—совокупность физическихъ силъ, обнимающихъ собою представителя королевской власти и народное представительство, включая сюда и верхнюю палату [1]).

. . . . . .

Въ XVI вѣкѣ въ Россіи, взамѣнъ прежней раздробленности власти, установляется и упрочивается единодержавіе; во главѣ государства становится одно лицо—неограниченный монархъ; самое названіе князя замѣняется названіемъ царя.

Вновь установившійся въ Россіи политическій порядокъ характеризуется тѣми же основными чертами, какія опредѣляютъ существо абсолютной монархіи вообще. Государственная власть сосредоточивается исключительно и безраздѣльно въ рукахъ одного лица [2]).

. . . . . .

Петръ Великій впервые даетъ такое опредѣленіе, которое почти цѣликомъ вошло въ Сводъ Законовъ и, слѣдовательно, признается справедливымъ до настоящаго времени [3]).

. . . . . .

Мы находимъ, что основными чертами, опредѣляющими организацію верховной власти въ Россіи, является: 1) самодержавіе; 2) неограниченность, и 3) религіозное освященіе повиновенія субъекту этой власти. Выраженіе «самодержавный» означаетъ, что русскій Императоръ пользуется верховной властью по собственному праву, независимо отъ какого бы то ни было установленія, и не раздѣляетъ ее ни съ кѣмъ. Правда, верховная власть и вообще по существу своему недѣлима, но въ государствахъ конституціонныхъ она организована изъ сочетанія двухъ элементовъ—монарха и народнаго представительства, при чемъ монарху принадлежитъ законодательная санкція и функція исполнительная, палатамъ же право разсмотрѣнія законопроектовъ. Въ государствѣ самодержавномъ верховная власть принадлежитъ безраздѣльно одному лицу. Выраженіе «неограниченный» означаетъ, что русскій Императоръ въ проявленіяхъ своей воли не ограниченъ какими либо законо-

[1]) Тамъ же, стр. 24.

[2]) Стр. 47, 48.

[3]) Стр. 56.

дательными нормами и что его власти никакая другая власть на землѣ юридически не можетъ поставить предѣловъ. Напротивъ, въ государствахъ конституціонныхъ дѣятельность монарха должна согласоваться съ существующими законами [1]).

. . . . . .

Обязанности, возлагаемыя на русскаго императора самимъ закономъ, . . . суть обязанности нравственнаго свойства, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ самоограниченіемъ; представитель верховной власти въ Россіи самъ налагаетъ на себя эти обязанности; законъ есть выраженіе воли субъекта верховной власти; для всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ государства и подчиненныхъ, слѣдовательно, субъекту верховной власти, онъ обязателенъ, но для самаго субъекта этой власти законъ есть только нравственное требованіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ не имѣетъ принудительной санкціи [2]).

в) А. Д. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права ч. 1. 1901 г.

Россія, по формѣ своего государственнаго устройства, есть монархія неограниченная. Сущность этой формы правленія, по русскому праву, опредѣляется двумя постановленіями, взаимно пополняющими и поясняющими другъ друга.

Статья первая нашихъ основныхъ законовъ признаетъ русскаго Императора монархомъ неограниченнымъ и самодержавнымъ.—Названіе «неограниченный» показываетъ, что воля Императора не стѣснена извѣстными юридическими нормами, поставленными выше его власти. Этимъ признакомъ неограниченная монархія отличается отъ конституціонныхъ государствъ.

Сущность конституціоннаго устройства состоитъ именно въ томъ, что совокупность юридически формулированныхъ основныхъ началъ государственнаго устройства (конституція) имѣетъ обязательную силу для всѣхъ властей въ государствѣ. Сама законодательная власть связана конституціей. Законы, исходящіе отъ нея, должны быть конституціонны; въ противномъ случаѣ они не имѣютъ обязательной силы. Такъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ судъ можетъ не при-

[1]) Тамъ же, стр. 64.

[2]) Стр. 66.

мѣнять неконституціоннаго закона и тѣмъ лишаетъ его обязательной силы. По конституціи второй французской имперіи сенатъ былъ облеченъ правомъ противиться обнародованію неконституціонныхъ законовъ. Въ Англіи, гдѣ нѣтъ писанной контистуціи, обязательная сила обычнаго права (common law) поддерживается судомъ, который часто противится неконституціоннымъ законамъ, исходящимъ отъ парламента. Русское право признаетъ лишь нѣкоторыя начала обязательными для императорской власти; таковы постановленія о вѣрѣ и преемствѣ престола.

Выраженіе «самодержавный» означаетъ, что русскій Императоръ не раздѣляетъ своихъ верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ государствѣ, т. е., что каждый актъ его воли получаетъ обязательную силу независимо отъ согласія другого установленія.

Въ монархіяхъ конституціонныхъ монархъ раздѣляетъ законодательную власть съ палатами, т. е. законы могутъ исходить только отъ всего парламента, въ составъ котораго входятъ король и палаты, въ качествѣ самостоятельныхъ элементовъ. Исполнительныя распоряженія монарха получаютъ обязательную силу только подъ условіемъ контрассигнированія ихъ министромъ, отвѣтственнымъ предъ палатами. По началамъ русскаго права, монархъ дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи верховномъ непосредственно и независимо; эти функціи раздѣляются имъ съ нѣкоторыми высшими установленіями; но послѣднія имѣютъ только совѣщательный голосъ, необязательный для Императора. Органы управленія подчиненнаго дѣйствуютъ его именемъ и по его повелѣнію.

Основной Законъ установляетъ юридическій, правомѣрный характеръ русскаго государственнаго устройства, въ отличіе его отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ [1]).

. . . . . .

Права государственной власти, во всемъ ихъ объемѣ, принадлежатъ Государю Императору. Нѣтъ той сферы управленія, которая бы не была подчинена его самодержавію [2]).

. . . . . .

Особа монарха изъята отъ дѣйствія общихъ законовъ госу-

1) Градовскій, стр. 1, 2 и 3.

2) Стр. 127.

дарства—princeps legibus solutus est. Юридическое послѣдствіе этого принципа состоитъ въ неотвѣтственности монарха за свои дѣйствія, такъ какъ въ государствѣ нѣтъ власти, которая юридически могла бы привлечь его къ отвѣтственности. Въ конституціонныхъ монархіяхъ это начало выражено положительно въ конституціяхъ страны. Въ неограниченной монархіи это подразумѣвается само собой [1]).

г) В. В. Сокольскій. Русское государственное право [2]).

Верховною властью называется такая власть, которая, не признавая надъ собою никакой другой власти, господствуетъ надъ всѣми остальными властями и элементами даннаго государства и олицетворяетъ собою единство государственной жизни. Нѣсколькихъ верховныхъ властей въ одномъ и томъ же государствѣ существовать не можетъ; верховная власть, по самому своему существу, есть единая и недѣлимая. Распредѣленіе отдѣльныхъ функцій верховнаго права между независимыми одна отъ другой властями создаетъ, собственно говоря, нѣсколько верховныхъ властей, а, слѣдовательно, находится въ принципіальномъ противорѣчіи съ началомъ единства государственной жизни. Поэтому нелогично и не выдерживаетъ ни теоретической, ни практической критики такъ называемое ученіе о раздѣленіи властей, зачатки котораго находятся еще у Аристотеля, но которое вполнѣ развито Свифтомъ и Монтескье, а впослѣдствіи нѣкоторыми изъ новѣйшихъ ученыхъ доведено до крайности. Но, съ раздѣленіемъ властей не слѣдуетъ смѣшивать распредѣленіе функцій государственной дѣятельности между подчиненными верховной власти органами: здѣсь единство государственной жизни не нарушается [3]).....

. . . . . .

Таковы характеристическіе признаки верховной власти. Главнѣйшіе изъ этихъ признаковъ суть: неподчиненіе никакой другой власти и господство надъ всѣми остальными властями и общественными элементами въ данномъ государствѣ. Но эти признаки не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, чтобы госу-

[1]) Тамъ же, стр. 136.

[2]) Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Томъ 54 (1890 г.).

[3]) Стр. 3 и 4.

дарственная власть находилась внѣ всякихъ опредѣленій. Для верховной власти въ развитыхъ государственныхъ организмахъ существуютъ также опредѣленія. Только эти опредѣленія устанавливаются не какою либо иною властью, какъ это имѣетъ мѣсто относительно подданныхъ, а исходятъ отъ самой верховной власти, опредѣляющей свою дѣятельность во внѣшнихъ отношеніяхъ договорами, а во внутреннихъ законами. Изъ только что сказаннаго вытекаетъ дальнѣйшій признакъ верховной власти: она есть власть по преимуществу самоопредѣляющаяся.

Верховная власть воплощается или олицетворяется въ одномъ изъ органовъ государства. Этотъ органъ является субъектомъ верховной власти и обладаетъ ею по собственному праву, а не по уполномочію со стороны государства. Исторія и современныя законодательства не подтверждаютъ того мнѣнія, по которому субъектомъ верховенства считается само государство, представляемое какъ личность, органы же, въ дѣйствительности направляющіе функціи верховенства, считаются только дѣйствующими вмѣсто государства [1]). Несомнѣнно, что государство есть источникъ правъ, но оно не есть субъектъ всѣхъ обусловленныхъ его бытіемъ правъ. Верховное право неразрывно связано съ государствомъ и обусловлено его бытіемъ, но оно не есть право государства, а одно изъ правъ въ государствѣ, принадлежащее одному изъ органовъ государства. Принадлежность этого права тому или другому органу опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обусловленною въ свою очередь исторіей природою даннаго государства [2]).

. . . . . .

---

[1]) Таково мнѣніе Блунчли. Lehre vom modernen Staat. Th. 1. Seite 575. Правда, рядомъ съ «Staatssouveränität» Блунчли ставитъ такъ называемое Regenten или Fürstensouveränität, но сей послѣдней отводится второстепенное мѣсто. Въ новѣйшее время мнѣніе это развивается Гарейсомъ: Allgemeines Staatsrecht въ Handbuch des oeffentlichen Rechts Марквардсена B. I. Halbband I. Seite 28. Ученіе о субъектѣ верховной власти наиболѣе удачно изложено у Моля въ энциклопедіи государственныхъ наукъ (русскій переводъ А. Попова стр. 82).

[2]) Сокольскій, стр. 5.

Характеромъ верховной власти опредѣляется основное начало, организаціонный принципъ государства [1]). . . . . .

. . . . . .

Неограниченная монархія есть такая, въ которой не существуетъ органовъ или учрежденій, съ необходимостью участвующихъ въ законодательной или правительственной дѣятельности монарха. Тамъ, гдѣ такіе органы или учрежденія находятся, существуютъ извѣстныя ограниченія способовъ примѣненія власти, такъ какъ это примѣненіе обставляется извѣстными условіями, и монархія называется ограниченной. Впрочемъ, необходимо не упускать изъ виду, что какъ въ неограниченной такъ и въ ограниченной монархіи, верховная власть принадлежитъ монарху по собственному праву. Нигдѣ монархъ не является уполномоченнымъ народа. Рядомъ съ верховенствомъ монарха не существуетъ верховенства народа. И въ монархіяхъ ограниченныхъ народъ участвуетъ только въ законодательной дѣятельности, но не въ законодательной власти монарха. И здѣсь санкція, т. е. тотъ актъ, которымъ извѣстное положеніе возводится въ законъ, т. е. въ безусловно-обязательную для подданныхъ юридическую норму, является актомъ монарха, а не народа [2]).

Оба вида монархіи, какъ ограниченная монархія, такъ и неограниченная, отличаются отъ деспотіи. Какъ въ ограниченной, такъ и въ неограниченной монархіи, все управленіе свершается на основаніи законовъ, и законами же опредѣляются права и обязанности подданныхъ [3]). . . . . .

. . . . . .

Въ послѣднее время Гарейсъ предложилъ новую классификацію, основанную не на различіи между субъектами власти, а на различіи въ составѣ и характерѣ главы государства. Исходя изъ того представленія, что верховная власть вездѣ и всегда принадлежитъ самому государству, представляемому какъ личность, а не тѣмъ субъектамъ, на которые указывала прежняя

[1]) Тамъ же, стр. 13.

[2]) Въ нѣкоторыхъ изъ конституцій современныхъ монархій встрѣчаются отклоненія отъ указаннаго въ текстѣ общаго начала. Такъ, по конституціямъ норвежской и бразильской, трижды принятый народнымъ представительствомъ законопроектъ становится при извѣстныхъ условіяхъ закономъ и не получивъ санкціи монарха. Это обстоятельство заставляетъ усомниться въ монархическомъ характерѣ этихъ конституцій.

[3]) Стр. 15.

теорія. Гарейсъ устанавливаетъ дѣленіе государствъ по составу главы государства, т. е. того физическаго лица или коллегіальнаго учрежденія, въ рукахъ котораго сосредоточиваются всѣ нити господства.

Какъ физическое, такъ и коллективное лицо, соединяющее въ своихъ рукахъ всѣ нити господства, можетъ быть отвѣтственнымъ или же неотвѣтственнымъ. На основаніи изложеннаго Гарейсъ устанавливаетъ слѣдующее дѣленіе государствъ:

I. Монократіи: Глава государства физическое лицо.

1) Монархія.

Глава государства: неотвѣтственное физическое лицо (монархъ).

Разновидности.

а) Аутархія—автократическая монархія.

б) Конституціонная монархія.

2) Монократическія республики.

Глава государства: Отвѣтственное физическое лицо (президентъ).

II. Плеонократіи.

Глава государства: Соединеніе нѣсколькихъ лицъ.

1) Плеонархіи.

Глава государства: Соединеніе неотвѣтственныхъ лицъ.

2) Плеонократическія республики.

Глава государства: соединеніе отвѣтственныхъ физическихъ лицъ [1]).

Противъ этого дѣленія можно возразить слѣдующее: Верховная власть источникомъ своимъ имѣетъ государственное бытіе, но она, какъ указано выше, не есть власть государства, а власть въ государствѣ и всегда въ извѣстныхъ намъ изъ исторіи государствахъ принадлежала одному изъ указанныхъ Аристотелемъ субъектовъ. Вмѣсто этихъ въ дѣйствительности существующихъ и точно опредѣленныхъ субъектовъ, Гарейсъ подставляетъ неопредѣленное понятіе главы государства, какъ такого физическаго или коллективнаго лица, въ рукахъ котораго сосредоточиваются всѣ нити господства. Между этими главами государства, имъ приводимыми, есть нѣкоторые, въ ру-

[1]) Gareis. Allgemeines Staatsrecht въ Marquardsen's Handbuch des oeff. Rechts B. I. Halbb. I, Seite 35 ff.

кахъ которыхъ въ дѣйствительности сосредоточиваются всѣ нити господства, т. е. верховной власти, и другіе, въ рукахъ которыхъ сосредоточиваются не нити господства, а нити управленія (таковы, напримѣръ президенты республикъ, въ рукахъ которыхъ находится управленіе, а не господство, принадлежащее въ республикахъ или всему народу или же общественному классу). Не смотря на это, Гарейсъ въ своей классификаціи нерѣдко относитъ, руководствуясь чисто внѣшнимъ сходствомъ, къ одной и той же категоріи какъ лицъ, обладающихъ господствомъ, такъ и лицъ, состоящихъ только во главѣ управленія. Такъ, напр. у него монархи и президенты республикъ въ одной категоріи. А такъ какъ у него государства классифицируются по составу и характеру главы государства, то выходитъ, что совершенно различныя по существу государства попадаютъ въ одну рубрику [1]) . . . . . .

. . . . . .

Въ концѣ 18-го и въ теченіе всего 19-го вѣка въ континентальныхъ государствахъ западной Европы дѣлаются попытки организаціи государственныхъ учрежденій на конституціонныхъ началахъ, по англійскому образцу. Но, какъ указано выше (Отд. II, § 5), заимствованныя изъ англійскаго права начала сильно видоизмѣняются подъ вліяніемъ ученій школы естественнаго права и новой общественной среды. Въ особенности подобное видоизмѣненіе замѣтно въ первой по времени континентальной конституціи, во французской конституціи 1791 года. Здѣсь развивается ученіе Руссо о суверенитетѣ народа, и проводится до крайнихъ предѣловъ начало раздѣленія властей— черты, чуждыя англійской конституціи, гдѣ король является источникомъ всякой власти и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ функціи державности. Органы, которымъ по конституціи 1791 года ввѣряются отдѣльныя функціи верховнаго права, дѣйствуютъ совершенно независимо другъ отъ друга. Между ихъ дѣятельностью законодатель не устанавливаетъ никакой органической связи. Органическое совмѣстное дѣйствіе властей для достиженія обще-государственныхъ цѣлей какъ бы безразлично для законодателя: для него важно только, чтобы злоупотребленія со стороны одной власти устранялись дѣйствіемъ другой. Антагонизмъ между властями является какъ

[1]) Тамъ же, стр. 15, 16, 17.

бы правиломъ. Такимъ образомъ, исконныя традиціи обособленности и разрозненности общественныхъ элементовъ и силъ сохраняются и при новомъ порядкѣ вещей. Только-что указанныя черты менѣе рѣзко выступаютъ въ позднѣйшихъ континентальныхъ конституціяхъ, но и въ нихъ корона не составляетъ одного неразрывнаго цѣлаго съ парламентомъ, а монархическое начало ослаблено весьма часто до крайнихъ предѣловъ. Корона и общенародное представительство находятся въ томъ же отношеніи другъ къ другу, въ которомъ находились прежде корона и сословное представительство. Наконецъ разрозненность общественныхъ элементовъ увеличивается еще возникновеніемъ новыхъ соціально-политическихъ партій, развившихся на почвѣ борьбы буржуазіи, являющейся представительницей капитала съ рабочимъ классомъ [1]) . . . . . .

. . . . . .

Первая статья основныхъ законовъ, заимствуя свое содержаніе изъ законовъ Петра Великаго, Анны Іоанновны и Павла I, такъ опредѣляетъ существо власти русскихъ государей: Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ. Изъ этого опредѣленія явствуетъ: 1) что Имперія Россійская есть монархія неограниченная, т. е. такая, въ которой не существуетъ органовъ или учрежденій съ необходимостью участвующихъ въ законодательной или правительственной дѣятельности монарха, а что Императоръ Всероссійскій царствуетъ по собственному праву и соединяетъ въ своихъ рукахъ всѣ стихіи державнаго права, почему и называется Самодержцемъ. Кромѣ того, выраженіе «самодержавный» указываетъ и на то, что монархи Россіи признаются преемниками власти восточныхъ римскихъ цезарей, святыхъ греческихъ царей самодержцевъ и 2) что власть Россійскимъ Государямъ вручается отъ Господа, что она, подобно власти древнихъ греческихъ самодержцевъ, божественнаго происхожденія. Въ то же самое время самодержавная власть разсматривается и какъ великое служеніе передъ Господомъ [2]) . .

. . . . . .

---

[1]) Тамъ же, стр. 40 и 41.

[2]) Стр. 62, 63.

Всѣ стихіи державнаго права, всѣ функціи верховенства сосредоточиваются въ рукахъ Государя Императора [1]).

. . . . . .

Въ сферѣ законодательства, монархъ дѣйствуетъ непосредственно. Право установленія новыхъ законовъ принадлежитъ Самодержавной Власти [2]).

. . . . . .

Императоръ Всероссійскій является по отношенію къ членамъ своего дома во 1) Самодержцемъ и Государемъ, а во 2) Главою всей Императорской фамиліи, попечителемъ и покровителемъ ея на всегдашнее время (учрежд. о Имп. фам. ст. 94 и 95). Государь Императоръ пользуется относительно членовъ своего дома особою родовою властью [3]).

. . . . . .

Члены Императорской фамиліи обязаны, по выраженію ст. 95 учрежденія о Императорской фамиліи, къ лицу царствующаго, яко къ Главѣ Дома и Самодержцу, совершеннымъ почтеніемъ, повиновеніемъ, послушаніемъ и подданствомъ. Кромѣ того, они должны подъ главенствомъ Государя имѣть миролюбивое обращеніе и хранить семейную тишину и согласіе (учр. ст. 96).

Въ случаѣ неисполненія кѣмъ либо изъ членовъ Императорской фамиліи указанныхъ обязанностей, царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ законѣ правъ и преимуществъ и поступать съ нимъ, яко съ преслушнымъ волѣ Монаршей [4]) . . . . . .

. . . . . .

Учрежденіе объ Императорской фамиліи устанавливаетъ для членовъ Императорской фамиліи общую гражданскую подсудность. А именно, ст. 92 постановляетъ, что «дѣла, относящіяся до имуществъ, принадлежащихъ лицамъ Императорскаго Дома, подлежатъ разбору судебныхъ учрежденій и разрѣшаются ими на общемъ законномъ основаніи», а ст. 93, что Департаменту Удѣловъ строго запрещается вмѣшиваться въ разбирательство

[1]) Тамъ же, стр. 65.

[2]) Стр. 66.

[3]) Стр. 128.

[4]) Стр. 128.

тяжебныхъ дѣлъ между членами Императорской фамиліи и въ распоряженіи наслѣдства, предоставляя то и другое обыкновенному законному теченію. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ верховнымъ судьею членовъ Императорской фамиліи почитается, яко глава Дома и Самодержецъ, царствующій императоръ (ст. 95 и 97) [1]).

д) Н. М. Коркуновъ. Русское Государственное право. Томъ 1. 1901 г.

. . . . . .

Государственное устройство Россійской Имперіи опредѣляется двумя статьями Основныхъ законовъ: первою и сорокъ седьмою [2]) . . . . . .

. . . . . Тутъ указаны три свойства: верховность, самодержавіе, неограниченность. Обозначеніе власти монарха верховною показываетъ, что ему принадлежитъ высшая безотвѣтственная власть въ государствѣ, какъ это имѣется въ каждой монархіи. Самодержавіе и неограниченность показываютъ, что вся полнота власти сосредоточивается у насъ въ рукахъ монарха [2]) . . .

. . . . . .

Самодержавіемъ существующее у насъ государственное устройство отличается отъ монархіи ограниченной, законностью—отъ деспотіи, гдѣ мѣсто закона заступаетъ ничѣмъ не сдерживаемый личный произволъ правителя [2]) . . . . . .

. . . . . Если составители Свода на первое мѣсто поставили ссылку именно на Учрежденіе Императорской Фамиліи, то это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ одномъ этомъ актѣ встрѣчается принятое въ Сводѣ сочетаніе опредѣленій: самодержавный и неограниченный.

Сопоставленіе словъ: самодержавный и неограниченный какъ бы указываетъ, что законодатель хотѣлъ ими обозначить два различныхъ свойства власти. Выраженіе § 71 Учр. Импер. фамиліи «неограниченный Самодержецъ» какъ бы предполагаетъ, что можетъ быть Самодержецъ и ограниченный. И дѣйствительно, Сперанскій въ своемъ Руководствѣ старался придать этимъ словамъ различный смыслъ. «Двумя словами, говоритъ онъ, весьма многозначительными, выражается въ нашихъ

1) Тамъ же, стр. 128, 129

2) Коркуновъ, стр. 200.

законахъ полнота верховной власти: самодержавіемъ и неограниченностью. Слово самодержавіе имѣетъ два различные смысла. Когда оно прилагается къ государству, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Въ семъ смыслѣ всѣ государства независимыя могутъ быть названы государствами самодержавными. Когда оно прилагается къ особѣ государя, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ безъ всякаго участія и раздѣленія. Слово неограниченность власти означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи, не можетъ положить предѣловъ верховной власти Россійскаго самодержца». Итакъ, если судить по формѣ изложенія, Сперанскій различаетъ самодержавіе и неограниченность. Но по содержанію онъ опредѣляетъ ихъ такъ, что понятія эти совпадаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, «соединеніе всѣхъ стихій державнаго права», очевидно, ничего другого означать не можетъ, какъ то, что не существуетъ никакой другой власти, которая бы ограничивала власть монарха. Слѣдуя примѣру Сперанскаго, Градовскій и Романовичъ-Славатинскій также стараются различить самодержавіе и неограниченность. Романовичъ-Славатинскій повторяетъ въ сущности слова Сперанскаго. Градовскій приводитъ это различіе нѣсколько иначе. Названіе «неограниченный», по его мнѣнію, показываетъ, что воля императора не стѣснена извѣстными юридическими нормами, поставленными выше его власти. Выраженіе «самодержавный» означаетъ, что русскій императоръ не раздѣляетъ своихъ верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ государствѣ, т. е., что каждый актъ его воли получаетъ обязательную силу независимо отъ согласія другого установленія» [1]. Однако, и въ такомъ опредѣленіи самодержавіе и неограниченность сливаются воедино. Существованіе «юридическихъ нормъ, поставленныхъ выше воли монарха», возможно, конечно, только подъ условіемъ «раздѣленія верховныхъ правъ между ними и другими установленіями».

Сопоставленіе статей первой и второй Осн. Зак. показываетъ, что и самъ законодатель не придавалъ выраженію «неограниченный» строго опредѣленнаго значенія. Ст. 2 постановляетъ, что когда наслѣдство престола дойдетъ до лица жен-

[1]) Градовскій. Начала, I, стр. 1 и 2.

скаго, то Императрицѣ принадлежитъ та же самая власть, что и Императору, но при этомъ власть эта вмѣсто «неограниченной и самодержавной» называется «верховной и самодержавной». Такъ какъ это та же самая власть, то очевидно «неограниченный» и «верховный» на языкѣ Свода—синонимы. Изъ этого должно заключить, что, опредѣляя власть монарха, какъ самодержавную, неограниченную, Сводъ Законовъ не обозначаетъ этими словами различныхъ ея свойствъ, а для большей ясности одно и то же свойство опредѣляетъ двумя однозначущими словами.

Самодержавіе имѣетъ, какъ на это справедливо указалъ самъ Сперанскій, два различныхъ смысла: имъ означается и внѣшній, международный суверенитетъ государства, и внутренная безраздѣльность власти монарха. Первый официально принялъ наименованіе самодержца Иванъ III, и тогда, какъ не безъ основанія замѣчаетъ Ключевскій [1]), оно указывало именно на внѣшній, международный суверенитетъ, на внѣшнюю независимость. Въ такомъ значеніи самодержавіе употреблялось еще въ самомъ концѣ XVIII вѣка, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго выше договора Екатерины II съ царемъ Ираклiемъ II. Когда въ договорѣ этомъ говорится, что царь Ираклій не признаетъ надъ собою иного самодержавія, кромѣ власти и покровительства императрицы, то, очевидно, самодержавіе употреблено здѣсь не въ смыслѣ абсолютизма, а именно въ смыслѣ суверенитета. Но, съ другой стороны, уже Іоаннъ Грозный толкуетъ самодержавіе именно въ смыслѣ безраздѣльнаго сосредоточенія всей полноты государственной власти въ рукахъ монарха, когда замѣчалъ Курбскому: «како же и самодержецъ наречется, когда не самъ строитъ?». Въ такомъ смыслѣ употребляется самодержавіе и въ манифестѣ Анны Іоанновны 28 Февраля 1730 года, и въ Екатерининскомъ Наказѣ, ст. 9: «государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сродно съ пространствомъ толь великаго государства», и въ манифестѣ 29 Апрѣля 1881 года: «Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія съ вѣрою въ истину Самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній». Въ такомъ смыслѣ это слово употребляется

[1]) Ключевскій. Боярская дума, 2 изд. 1883, стр. 258.

нынѣ въ обыденной рѣчи. Безъ сомнѣнія и въ Сводѣ Законовъ самодержавіе означаетъ не внѣшнюю самостоятельность власти, а внутреннюю ея безраздѣльность.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что понятіе самодержавія объемлетъ собою понятіе неограниченности, въ смыслѣ сосредоточенія въ рукахъ монарха всей полноты государственной власти. Если Осн. Зак. на ряду съ самодержавіемъ упоминаютъ еще и о неограниченности власти, то только для большей ясности. Иначе неограниченность не могла бы быть опущена въ опредѣленіи власти Императрицы, во всемъ равной съ властью Императора [1]).

е) А. С. Алексѣевъ. Русское Государственное Право. 1897 г.

. . . . . .

Единство верховной власти нисколько не нарушается тѣмъ, что носителями ея являются нѣсколько органовъ, какъ мы это видимъ въ конституціонной монархіи, какъ не нарушается единства воли и дѣйствія отдѣльнаго человѣка тѣмъ, что у него существуетъ нѣсколько органовъ, проявляющихъ его волю.

Верховная власть въ конституціонной монархіи, гдѣ существуетъ нѣсколько органовъ этой власти, эта власть такъ же едина, какъ и въ абсолютной монархіи, гдѣ существуетъ одинъ только носитель верховной власти. Верховная власть была бы раздѣлена между этими различными органами, если бы каждый имѣлъ свою самостоятельную волю и свою принудительную власть, т. е. если бы король могъ собственною властью издавать законы и примѣнять ихъ, и если бы парламентъ былъ облеченъ такою же властью, тогда, дѣйствительно, власть была бы раздѣлена между этими органами, въ государствѣ существовали бы двѣ власти—власть короля и власть парламента. Но ничего подобнаго въ конституціонной монархіи мы не видимъ [2]) . . . . . .

. . . . . .

Въ каждомъ государствѣ, каковъ бы ни былъ образъ его правленія, существуетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ непосред-

---

[1]) Коркуновъ, Рус. Гос. Право, I, стр. 202, 203 и 204.

[2]) Алексѣевъ, Рус. Гос. право, стр. 152, 153.

ственно - самостоятельный органъ. Во многихъ государствахъ (къ нимъ принадлежитъ большинство современныхъ конституціонныхъ государствъ) существуетъ, однако, нѣсколько такихъ непосредственно - самостоятельныхъ органовъ: въ конституціонныхъ государствахъ—народное представительство и монархъ, въ республикахъ,—президентъ и палаты. Но въ этихъ государствахъ одинъ изъ этихъ органовъ долженъ занимать преобладающее значеніе и имѣть право сказать рѣшающее и послѣднее слово въ возможныхъ столкновеніяхъ между органами. И этотъ-то высшій органъ называется, въ отличіе отъ другихъ, непосредственно-самостоятельныхъ органовъ, суверереннымъ органомъ. Въ государствахъ же, гдѣ существуетъ одинъ только непосредственно-самостоятельный органъ, этотъ органъ и есть суверенъ. Въ государствахъ, гдѣ существуетъ нѣсколько непосредственно-самостоятельныхъ органовъ, суверенный органъ не пользуется тѣмъ значеніемъ и степенью власти, которыя предоставлены ему въ государствахъ, въ которыхъ существуетъ одинъ только такой органъ. Въ послѣднихъ вся полнота власти сосредоточена въ непосредственно-самостоятельномъ органѣ, въ первыхъ же суверенный органъ является носителемъ высшей, но не всей государственной власти [1]). . .

. . . . . .

Разрѣшая вопросъ о томъ, кто является суверереннымъ органомъ въ данномъ государствѣ, слѣдуетъ остерегаться спекулятивныхъ теорій, и всегда помнить, что суверенный органъ долженъ имѣть юридическую возможность выражать свою волю [2]).

Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ народное представительство есть органъ непосредственный, его бытіе и его функціи основываются всегда и вездѣ на опредѣленіяхъ конституціи, а никогда не на делегаціи государственныхъ органовъ. Но далеко не во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ народныя представительства являются и самостоятельными органами, т. е. не вездѣ они обладаютъ властью самостоятельно издавать повелѣнія, которыя связывали бы волю подданныхъ. Въ представительныхъ демократіяхъ народное представительство является всегда не только самостоятельнымъ органомъ, но и

[1]) Тамъ же, стр. 155.

[2]) Стр. 155, 156.

органомъ суверенным. Въ конституціонныхъ монархіяхъ суверенным органомъ является монархъ; онъ глава правительственной власти; его санкція возводитъ законы, принятые народнымъ представительствомъ, на степень обязательныхъ для подданныхъ; ему принадлежитъ послѣднее слово во всѣхъ столкновеніяхъ между правительственной властью и властью законодательной. Въ случаяхъ несогласія народнаго представительства съ министерствами онъ или распускаетъ палаты, когда думаетъ, что предложенія министровъ, вызвавшія эти несогласія, соотвѣтствуютъ интересамъ страны, или отставляетъ министровъ, когда думаетъ, что народное представительство служитъ дѣйствительнымъ выразителемъ общественнаго настроенія.

Во всѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ суверенным органомъ является не народное представительство, а король. Но въ другихъ отношеніяхъ разница въ положеніи и значеніи народнаго представительства въ различныхъ конституціонныхъ монархіяхъ очень существенна. Въ однѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ народное представительство является самостоятельнымъ органомъ. Такъ въ Норвегіи [1]) . . . . . .

. . . . . .

Въ другихъ же конституціонныхъ государствахъ народное представительство не имѣетъ власти самостоятельно (независимо отъ короля) выражать волю, обязательную для подданныхъ, другими словами, въ этихъ конституціонныхъ государствахъ народное представительство является несамостоятельнымъ органомъ. Но и въ этихъ государствахъ, имѣющихъ то общее между собою, что народное представительство является въ нихъ органомъ несамостоятельнымъ, значеніе народнаго представительства не одинаково.

Въ однихъ конституціонныхъ государствахъ воля народнаго представительства въ извѣстной области государственной дѣятельности равнозначуща съ волею короля, такъ что воля государства можетъ состояться лишь при равномъ участіи короля и народнаго представительства. Въ этихъ государствахъ, къ которымъ принадлежатъ, между прочимъ, Италія, Греція, Испанія, Бельгія, конституціонный строй вышелъ изъ революціи. Его историческое происхожденіе оправдываетъ воззрѣніе на народное

[1]) Тамъ же, стр. 156.

представительство съ королемъ въ качествѣ фактора верховной власти. И въ нихъ формальное законодательство исходитъ въ одинаковой степени отъ короля и народнаго представительства.

Въ другихъ конституціонныхъ монархіяхъ народное представительство не является соносителемъ верховной власти, которая всецѣло принадлежитъ королю. Лишь въ извѣстной области воля короля, чтобы получить обязательную силу, нуждается въ согласіи народнаго представительства. Король издаетъ законы съ согласія народнаго представительства, но воля народнаго представительства является тутъ не причиною законодательнаго акта, а лишь однимъ изъ его условій. Къ государствамъ, въ которыхъ народное представительство занимаетъ такое положеніе, принадлежатъ тѣ, которыя сохранили историческую монархическую власть и въ которыхъ конституція является не результатомъ революціи, а добровольнымъ актомъ короля. Въ этихъ государствахъ дарованіе конституціи не означало раздѣленія власти, принадлежавшей королю, а лишь ограниченіе этой власти, которая по существу своему осталась прежней и лишь утратила прежнюю форму своего осуществленія, независимаго отъ всякой другой воли. Абсолютный монархъ, допуская участіе народнаго представительства съ своей дѣятельности, этимъ не умаляетъ принадлежащей ему полноты власти. За нимъ исключительно сохраняется imperium, онъ носитель всей государственной власти. Это какъ нельзя яснѣе выражено въ конституціяхъ нѣмецкихъ государствъ, принадлежащихъ къ разсматриваемому нами типу. [1]) . . . . . .

. . . . . .

Предложенную классификацію современныхъ государственныхъ формъ можно наглядно изобразить слѣдующей схемой:

I. Абсолютное государство.

Отличительный признакъ: одинъ непосредственный органъ верховной власти. Примѣръ: Русское государство.

II. Конституціонное государство.

Отличительный признакъ: нѣсколько непосредственныхъ органовъ верховной власти.

1) Тамъ же, стр. 156, 157.

А. Конституціонныя монархіи:		*Б. Республики:*	
Отличительный признакъ: суверенный органъ—лицо физическое.		Отличительный признакъ: суверенный органъ—лицо юридическое.	
1) Конституціонная монархія, приближающаяся къ республикѣ. Отличит. признакъ: народное представительство — самостоятельный органъ.	2) Конституціонная монархія, приближающаяся къ абсолютному государству. Отличит. признакъ: народное представительство — несамостоятельный органъ. а) Конституціонныя монархіи, вышедшія изъ революціи. Отличит. признакъ: народное представительство — соноситель верховной власти. б) Конституціонныя монархіи, сохранившія историческую королевскую власть. Отличит. признакъ: народное представительство—органъ, лишь ограничивающій верховную власть короля.	1) Республики непосредственныя. Отличит. признакъ: суверенный органъ — весь народъ.	2) Республики представительныя. Отличит. признакъ: суверенный органъ — коллегія народныхъ представителей.

Существо императорской власти. Первая статья нашихъ «Основныхъ Законовъ» гласитъ: «Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный».

I. Самодержавіе русскаго царя. Самодержавный означаетъ, что русскій царь не получилъ верховной власти извнѣ, а самъ держитъ ее; что эта власть не власть производная, а власть, которой русскій царь обладаетъ въ силу самостоятельнаго права. Русскій царь не есть конституціонный монархъ, права котораго основываются на писанной конституціи и въ ней находятъ свое основаніе и свои предѣлы; и не императоръ волею народа, «par la volonté du peuple», какъ именовалъ себя

Наполеонъ; русскій царь ни отъ кого не получаетъ и не получилъ своей власти; русскіе цари и князья объединили разрозненныя племена и организовали то Русское государство, подъ сѣнью котораго сложился русскій народъ, и, прежде чѣмъ русскій народъ почувствовалъ себя политическимъ тѣломъ, во главѣ его уже стояли русскіе цари, сильные созданнымъ ими государствомъ и организованными ими общественными силами. Русскіе цари возникли съ Русскимъ царствомъ, воспитавшимъ русскій народъ къ сознанію своего единства. Власть русскаго царя—власть самодержавная, т. е. власть самородная, не полученная извнѣ, не дарованная другой властью. Основаніемъ этой власти служитъ не какой-нибудь юридическій актъ, не какое-нибудь законоположеніе, а все историческое прошедшее русскаго народа.

II. Неограниченность. Верховная власть во всѣхъ государствахъ одинакова, вездѣ она является неограниченной; но не во всѣхъ государствахъ она одинаково организована. Въ однихъ государствахъ верховными органами государственной власти являются коллегіи, какъ въ республикахъ, въ другихъ—отдѣльное лицо, какъ въ монархіяхъ; въ однихъ носителемъ верховной власти является только одинъ органъ, въ другихъ—нѣсколько. Власть государственная въ конституціонной монархіи такъ же неограничена, какъ и въ монархіи абсолютной, но въ ней нѣтъ органа, который обладалъ бы всей полнотой верховной власти, который бы пользовался неограниченной властью. Такъ законодательная власть такъ же неограничена въ конституціонной монархіи, какъ и въ монархіи абсолютной: она обладаетъ неограниченной компетенціей и можетъ регулировать любыя общественныя отношенія въ любомъ направленіи; она находитъ предѣлъ для своей дѣятельности лишь въ нормахъ, ею самою установленныхъ и могущихъ поэтому быть видоизмѣненными ею во всякое время. Но эта неограниченная законодательная власть не принадлежитъ ни королю, ни народному представительству, а лишь тому и другому вмѣстѣ; ни одинъ законъ не можетъ получить своего совершенія безъ утвержденія короля, а король не можетъ утвердить ни одного закона, который не былъ бы заранѣе обсужденъ и принятъ народнымъ представительствомъ.

Въ тѣхъ же государствахъ, въ которыхъ существуетъ одинъ только верховный органъ, одинъ только органъ, сосредоточивающій всю полноту верховной власти, этотъ органъ по необходимости обладаетъ неограниченной властью.

Такой неограниченной властью обладаетъ русскій императоръ, который является единственнымъ непосредственно-самостоятельнымъ органомъ верховной власти. Если въ конституціонной монархіи неограниченная верховная власть распредѣляется между нѣсколькими органами, изъ которыхъ поэтому ни одинъ не обладаетъ неограниченною властью, то въ Россіи она сосредоточена въ одномъ органѣ, который поэтому обладаетъ всею полнотою верховной власти, неограниченною по своему существу.

III. Закономѣрность русской верховной власти. Неограниченность верховной власти не означаетъ, однако, произвола этой власти. И современное государство европейской культуры отличается отъ восточной деспотіи именно тѣмъ, что носитель верховной власти не считаетъ себя въ ней legibus solutum, а признаетъ законы нормальными предѣлами своей дѣятельности. И закономѣрность такая же существенная черта нашего государственнаго быта, какъ и начало самодержавія [1]). . . . . .

. . . . . .

ж) Н. О. Куплеваскій. Русское государственное право. Т. I. 1902 г.

. . . . . .

Форма русскаго государственнаго устройства опредѣляется въ ст. 1-й и 47-й основныхъ законовъ. Эти статьи опредѣляютъ ее какъ монархію неограниченную, управляемую на точномъ основаніи законовъ. Ст. 1-я говоритъ, что русскій Императоръ неограниченъ и самодержавенъ. Неограниченность означаетъ, что верховная власть государя не подчинена никакой другой, что есть признакъ всякой верховной власти; самодержавность обозначаетъ, что русскій Императоръ верховной власти не дѣлитъ ни съ какимъ другимъ учрежденіемъ или лицомъ въ противоположность конституціонной монархіи, гдѣ верховная власть принадлежитъ сообща королю и представителямъ.

Ст. 47 говоритъ: Имперія россійская управляется на твер-

1) Тамъ же, стр. 221, 222.

домъ основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ.

Стремленіе управлять на твердомъ основаніи законовъ есть отличительная черта всякой правильной формы государственнаго устройства и отличаетъ ее отъ формъ извращенныхъ, деспотическихъ, гдѣ произволъ представителя верховной власти есть все. Какъ только это стремленіе управлять на точномъ основаніи законовъ ослабѣваетъ, какъ тотчасъ государство становится деспотическимъ, все равно будетъ ли это неограниченная или конституціонная монархія, аристократія или демократія [1]).

з) Слова и рѣчи Филарета, Митрополита Московскаго. Собраніе второе, Ч. III. 1861 г.

. . . . . .

Благо народу и государству, въ которомъ единымъ, всеобщимъ, свѣтлымъ, сильнымъ, всепривлекающимъ, вседвижущимъ средоточіемъ, какъ солнце во вселенной, стоитъ Царь, свободно ограничивающій свое неограниченное самодержавіе волею Царя Небеснаго, мудростію, великодушіемъ, любовію къ народу, желаніемъ общаго блага, вниманіемъ къ благому совѣту, уваженіемъ къ законамъ предшественниковъ и къ своимъ собственнымъ, и въ которомъ отношенія подданныхъ къ верховной власти утверждаются не на вопросахъ, ежедневно возрождающихся, и не на спорахъ, никогда неокончаемыхъ, но на хранимомъ свято преданіи праотеческомъ, на наслѣдственной и благопріобрѣтенной любви къ Царю и Отечеству, и еще глубже, на благоговѣніи къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ! Господи! Ты даровалъ намъ сіе благо. Намъ остается благодарить, хранить и молить: утверди Боже, сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ (Пс. 27, 29) [2]).

. . . . . .

Богъ, по образу Своего небеснаго единоначалія, устроилъ на землѣ Царя; по образу Своего вседержительства—Царя Самодержавнаго; по образу Своего царства непреходящаго, продол-

1) Тамъ же, стр. 55.

2) Филаретъ, Слова и Рѣчи, Собр. II, стр. 223.

жающагося отъ вѣка и до вѣка—Царя наслѣдственнаго [1]).

. . . . . .

Богу благодареніе! Не то въ благословенномъ отечествѣ нашемъ Самодержавная власть, по богопреданному образцу:—отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ (Псал. 131, 11)—утвержденная на вѣковомъ законѣ наслѣдственности, нѣкогда, въ годину оскудѣвшей наслѣдственности, обновленная и подкрѣпленная на прежнемъ основаніи чистымъ и разумнымъ избраніемъ, стоитъ въ неприкосновенной неколебимости, и дѣйствуетъ въ спокойномъ величіи. Подвластные не думаютъ домогаться права избирать въ общественныя должности, по увѣренности, что власть всевозможно радѣетъ о благѣ общемъ, и лучше ихъ разумѣетъ, чрезъ кого и какъ устроить оное. Власть, по свободному благоволенію и довѣрію къ подвластнымъ, даруетъ имъ право избранія общественнаго, назначая оному такіе предѣлы, въ которыхъ оно можетъ быть употребляемо съ разумѣніемъ и съ пользою для общества [2]).

. . . . . .

(Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества въ Успенскій соборъ, Марта 27 дня, 1849 года).

Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь!

Съ благодарностію къ Богу срѣтаемъ Тебя, и съ чувствомъ нашего счастія.

Твой Престолъ осѣненъ покровомъ Предвидѣнія.

Твой родъ цвѣтетъ и прививаетъ къ себѣ новыя цвѣтущія отрасли.

Во дни, необильные миромъ, Твой народъ въ мирѣ: потому что надъ нимъ бодрствуетъ Твой Самодержавный духъ.

Изъ праха древности Ты воскресилъ здѣсь Твой Царскій чертогъ, въ величіи, достойномъ Твоего царства, и великому дню Воскресенія, царю дней, предоставляешь освятить Твой праздникъ обновленія.

При представительствѣ Святыхъ, къ которымъ во храмѣ семъ приводитъ Тебя благочестіе, молимъ Бога, да пребудетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 252.

[2]) Стр. 323.

Его благословеніе надъ Домомъ Твоимъ, да пребываетъ всегда съ Тобою державно благочестіе, и Твоимъ благочестіемъ и Самодержавіемъ всегда крѣпка и счастлива Твоя Россія [1]).

1) Тамъ же, стр. 375.

Страницы.

IV) Термины:

Единодержавіе ..... 7, 8, 9, 10, 22, 25, 30, 45, 149, 151, 156.

Самодержавіе ..... 7, 8, 9, 12*, 13*, 14*, 15*, 16*, 18, 19, 20,21, 22, 24, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40*, 41*, 42*, 43*, 45*, 46, 47, 48*, 49*, 50*, 53*, 54, 55*, 56*, 57*, 60*, 62*, 64, 66*, 67*, 68*, 69*, 70*, 71*, 72*, 73*, 74*, 75*, 76*, 77, 78*, 79*, 80*, 81*, 82*, 83*, 84*, 85, 87, 92, 93*, 94*, 97*, 98*, 99*, 101*, 102*, 103*, 104*, 105, 106*, 107*, 110*, 112*, 113*, 114*, 115*, 116*, 117*, 118*, 119*, 120*, 121*, 122*, 123*, 124*, 125*, 126*, 127*, 128*, 129*, 130*, 131*, 132*, 133*, 134*, 135*, 136*, 137*, 138*, 139*, 140*, 141, 146, 147, 148, 149, 150, 152, 154, 156, 157, 158, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 173, 174, 175, 176, 177, 178.

Самовластіе ..... 8, 29, 37*, 65*, 71*, 76*, 77*, 78*, 79*, 85, 94, 98*, 101*, 102*.

Единовластіе ..... 8, 29, 37, 65*, 71*, 76*, 79*, 84*, 85.

Самовладство ..... 65*, 66.

Неограниченность ..... 17, 36, 37, 38, 45, 56, 64, 65, 83*, 84*, 85, 92*, 93, 94, 97, 129, 141, 146, 147, 150, 151, 156, 157, 159, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 174, 176.

Автократія ..... 22, 93, 98*, 162.

Абсолютная власть ..... 17, 36, 37, 38, 41, 84*, 87*, 88*, 89*, 90*, 129, 132, 141, 155, 156, 168, 169, 170, 174, 175.

Единоличная власть ..... 38, 155.

Полновластіе ..... 146, 148.

Терминъ: «на всей своей волѣ». 33, 35, 37*.

---

*) Обозначеніе страницы звѣздочкой (*) означаетъ, что терминъ указанъ въ *историческомъ памятникѣ.*

V. Перечень главныхъ источниковъ.

Акты Археологической Экспедиціи, т. III . . 49

Алексѣевъ. Русское Государственное Право. (1897) . . . . . 169—175

Бѣляевъ. Земскіе соборы на Руси. (Изд. 2 1902). 53—55

Герберштейнъ. Rerum Moscoviticarum Commentarii . . . . . 43—44

Градовскій. Начала Русскаго Государственнаго Права. Ч. I (1901) . . . . . 157—159

Дополненіе къ Актамъ историческимъ, т. II (1836) 98

Дьяконовъ. Власть Московскихъ Государей (1899) . . . . . 7, 12—21

Ивановскій. Русское Государственное Право. I. (1895) . . . . . 7, 154—157

Карамзинъ. О древней и новой Россіи. . . . 84—86

Его же. Исторія Государства Россійскаго, ч. II (изд. 1811) 15

Ключевскій. Боярская Дума. (2 изд. 1883) . . 55—59

Коркуновъ. Русское Государственное Право. I. (1901) . . . . . 166—169

Корсаковъ. Воцареніе Анны Іоанновны. (1880). 72—75

Костомаровъ. Начало единодержавія въ древней Россіи. (Историч. монографіи XII, 1872). . . 7—12

Крижаничъ. Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка . . . . . 63—66

Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. (Изд. 3 1884) 48

Куплеваскій. Русское Государственное Право. (1902) . . . . . 175—176

Курбскаго. Сказанія князя . . . . . 41—42, 73

Латкинъ. Учебникъ Исторіи Русскаго Права. (Періодъ Имперіи) (1899) 67, 72, 83

Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. (1885). 44—53

Латкинъ. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права (1890) . . . . . .

Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры ч. III (1901) . . . . . 23—26, 63, 64, 66

Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго (1905) 66

Полное Собраніе Законовъ . . . . . 66, 67, 68—70, 72, 74, 80—81, 83, 84, 94, 101—140

Посошковъ. О скудости и богатствѣ (1724), изд. Мих. Погодина (1842) . . . . . 70—72

Поссевинъ. Moscovia 44

Прокоповичъ, Ѳеофанъ. Правда воли Монаршей (1722) . . . . . 68—70

Его же. Сказанія 74

Пыпинъ. Московская старина. (Вѣстн. Евр. 1885, Январь) . . . . . 21—22

Его же. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I (1900) 86

Романовичъ-Славатинскій. Система Государственнаго права, ч. I. Основные Государственные законы (1886) . . . . . 7, 26—35, 44, 66, 72, 94—96, 97, 99

Румянцевъ. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ I, II 4, 46, 47, 62

Русская старина (1896) 83

Савва. Московскіе цари и Византійскіе Базилевсы (1901) 97

Сводъ Законовъ . . . . . 101—140

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. (2 изд. 1899) . . . 28, 36—41, 59—61

Сокольскій. Краткій учебникъ русскаго Государственнаго права. (Зап. Импер. Новороссійск. университета (1890) . . . . . 61—62, 159—166

Соловьевъ. Отношеніе Новгорода къ Великимъ Князьямъ 37
Сперанскій. Проектъ (Планъ государственнаго преобразованія (1809). . . . . 86—91
Его же. Руководство къ познанію законовъ (1845) . . . . . 91—94
Степенная Книга 40
Тарановскій. Феодализмъ въ Россіи (1902) . .
Татищевъ. Произвольное и согласное разсужденіе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ (1730) . . . . . 75—77
Его же. Исторія Россіи (1739) . . . . . 77—79
Филаретъ, митрополитъ Московскій, Сочиненія. 177—178
Черняевъ. Необходимость самодержавія для Россіи (1901) 44
Чичеринъ. Курсъ Государственнаго Права. I. Общее Государственное Право (1899) . . . . . 141—146
Его же. О народномъ представительствѣ . . . 146—154
Шильдеръ. Императоръ Александръ I, т. II, (1904 г.) 87
Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ Россіи т. I (1892) 84